

Учреждение Российской Академии наук
Институт языкознания

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
Ульяновский государственный университет

Институт международных отношений

**ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ:
Психологические и лингвистические
аспекты**

Материалы IX-й Международной
научной конференции
(Ульяновск, 13-16 мая 2009 года)

Москва-Ульяновск, 2009

УДК 81'23
ББК 81.001.3
Я 41

Редколлегия:

доктор филологических наук, профессор *А.В. Пузырёв* (Ульяновск; отв. редактор);

доктор филологических наук, профессор *Ю.А. Сорокин* (Москва);

доктор филологических наук, профессор *С.А. Борисова* (Ульяновск).

*Печатается по решению оргкомитета
Международной научной конференции
«Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты»*

Я 41 Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы IX-й Международной научной конференции (Ульяновск, 13-16 мая 2009 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. – М.; Ульяновск: Ин-т языкознания РАН; Ульяновский гос. ун-т, 2009. – 152 с.

2009

© Коллектив авторов,

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В настоящих материалах отражены проблематика и результаты исследований в области одной из «вечных» для науки тем – «Язык и мышление», причём в конференции оказались задействованными специалисты-смежники – философы, психологи, лингвисты, педагоги и др.

Объединение усилий учёных-смежников под одной обложкой вызвано несколькими причинами. Самой важной из них является стремление ответить за просу времени преодолеть концептуальную разобщённость учёных различных научных специальностей, их практическое игнорирование друг друга. Думается, что материалы настоящей конференции являются своего рода попыткой синтеза различных подходов по отношению к одной и той же проблеме – проблеме взаимосвязей между мышлением человека и его языком (пусть даже попыткой весьма неполной и несовершенной).

При формировании сборника материалов конференции, при распределении поступивших докладов и сообщений по секциям редколлегия по-прежнему исходила из первого правила Рене Декарта «для руководства ума»: «Все науки настолько связаны между собою, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих» (Р.Декарт 1936: 49). Именно поэтому материалы конференции группировались не по принципу рода занятий участников конференции, но по принципу восхождения от абстрактного к конкретному. Методологической базой для распределения докладов конференции по конкретным аспектам стала универсальная схема научного исследования, предложенная в середине 80-х годов 20-го столетия философом (доктором философских наук, профессором) А.А.Гагаевым.

Редколлегия считает своим долгом оговориться, что при подготовке к опубликованию доклады и сообщения подвергались минимальной правке, и ответственность за уровень преподнесения, как это и принято в научном мире, полностью ложится на плечи авторов.

Редколлегия

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В ГЕНЕТИЧЕСКОМ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТАХ

Канд. психол. наук Р.Р. Зинурова (Ульяновск)

ПРОБЛЕМА МЫШЛЕНИЯ И РЕЧИ В ТРУДАХ Ж. ПИАЖЕ И Л. С. ВЫГОТСКОГО

В традиционной психологии детское мышление рассматривалось как состоящее из большого количества недостатков, которыми оно отличается от мышления взрослых. Ж. Пиаже предложил рассматривать детское мышление как качественно своеобразное. Внимание было направлено на то, что отличительного, особенного есть в детском мышлении.

Важная проблема, на которую указывает автор, – это проблема существования объективной связи всех особенностей детского мышления. Сам же автор дает решение данной проблемы. Все особенности детского мышления представляют собой связное целое, в основе которого лежит центральное звено. В качестве такого звена выступает эгоцентризм детского мышления. Все особенности вытекают из этой основной особенности. А прямым результатом детского эгоцентризма является центральная особенность детей – синкретизм.

Эгоцентрическая мысль является переходной ступенью между аутистической мыслью и разумным мышлением. Аутистическая мысль подсознательна, индивидуальна, направлена на удовлетворение желаний. Разумное мышление сознательно, социально, направлено на внешнюю действительность. Эгоцентрическая речь близка к аутистической, но направлена на умственное приспособление к внешней среде.

Развитие детского мышления идет по пути перехода с ранней формы развития – аутистической, к поздней форме развития – реалистического мышления, которая навязывается извне. Эгоцентрическое мышление является переходной стадией между этими двумя формами. Корни эгоцентризма Ж. Пиаже видит в асоциальности ребенка и в своеобразном характере его практической деятельности. Сфера влияния эгоцентризма распространяется до 8 лет. В возрасте от 8 до 12 лет сфера влияния ограничивается одной сферой мысли. Ж. Пиаже делает важный вывод о том, что эгоцентризм мышления внутренне необходимо связан с природой ребенка, поэтому проявляется закономерно, устойчиво и независимо от детского опыта.

Эгоцентрическому мышлению соответствует и эгоцентрическая речь. По мнению Ж. Пиаже, речь у ребенка может быть двух видов: речь эгоцентрическая и речь социализированная. Эгоцентрическая речь – это речь о себе и для себя. Эгоцентрическая речь не имеет функции сообщения и коммуникации. В эгоцентрической речи проявляется эгоцентризм детского мышления, при этом коэффициент эгоцентрической мысли значительно превышает коэффициент эгоцентрической речи. Таким образом, эгоцентрическая речь выступает как побочный продукт деятельности детей, лишь как доказательство эгоцентрического мышления, который ничего не меняет в жизни ребенка. По мере роста ре-

бенка эгоцентрическая речь постепенно уменьшается и к 7-8 годам полностью свертывается и отмирает.

Исследования, проведенные Л.С.Выготским, показали, что эгоцентрическая речь в деятельности ребенка выполняет очень важную функцию. В ситуациях, вызывающих затруднения, коэффициент эгоцентрической речи возрастает. Ребенок, рассуждая сам с собой, пытается переосмыслить и понять ситуацию. У младших детей данный процесс протекает в открытой внешней форме. Ребенок разговаривает сам с собой вслух. Старшие дети осуществляют эту процедуру во внутренней, беззвучной форме. Таким образом, эгоцентрическая речь начинает выполнять функцию средства мышления. Первоначально в эгоцентрической речи фиксируется итог и узловые моменты действия. Далее, по мере развития, эта речь сдвигается все ближе к середине деятельности, а затем предшествует деятельности и осуществляет функцию планирования деятельности. На основе своих исследований Л.С.Выготский делает важный вывод: эгоцентрическая речь представляет собой переходную стадию от внешней речи ко внутренней речи. Внутренняя речь взрослого и эгоцентрическая речь ребенка имеют много сходного в своих функциях. И та, и другая речь есть речь для себя. Оба вида речи альтернативны социальной речи, выполняющей функцию коммуникации. И та, и другая речь имеют сходные структурные особенности: непонятна для окружающих, сокращена, связана с конкретной ситуацией.

Проведенные исследования позволили также установить, что эгоцентрическая речь ребенка не является прямым выражением эгоцентризмом его мыслей. Мало того, эгоцентрическая речь может реализовывать реалистическое мышление.

Позиция Л.С.Выготского относительно развития речи противоположна взглядам Ж.Пиаже.

Согласно взглядам Л.С.Выготского, речь ребенка изначально социальна, обладает рядом функций. По мере роста социальная речь ребенка резко дифференцируется на эгоцентрическую и коммуникативную. Таким образом, эгоцентрическая речь возникает на основе социальной речи путем перенесения ребенком социальных форм поведения в сферу личных психических функций. Затем на основе эгоцентрической речи возникает внутренняя речь ребенка, которая становится основой его мышления. Речь становится психически внутренней раньше, чем она становится действительно внутренней. Становится понятным, каким образом осуществляется процесс образования внутренней речи. Происходит разделение функций речи, далее – обособление эгоцентрической речи, постепенное ее сокращение и превращение во внутреннюю речь. Л.С.Выготский предлагает схему:

социальная речь → эгоцентрическая речь → внутренняя речь

Схема Ж.Пиаже выглядит иначе:

Невербальное аутистическое мышление	→	Эгоцентрическая речь и эгоцентрическое мышление	→	Социализированная речь и логическое мышление
---	---	---	---	--

Из этих схем становится понятна позиция каждого из авторов по отношению к проблеме развития речи. По Ж.Пиаже, развитие речи идет от внутреннего, индивидуального (того, что созревает генетически в самом ребенке, т.е. от природного) к внешнему (социализированному). По Л.С.Выготскому, движение осуществляется от внешнего (социального) к внутреннему (индивидуальному).

Другой важной проблемой в трудах Ж.Пиаже и Л.С.Выготского выступил вопрос о происхождении мышления и речи и отношениях между ними.

Л.С.Выготский считал, что отношение между мышлением и речью не является постоянным и неизменным, оно динамично и количественно и качественно. Поэтому развитие речи и мышления совершается не параллельно и неравномерно.

Мышление и речь, по мнению автора, в филогенезе имеют разные генетические корни. Развитие и мышления, и речи идет независимо друг от друга по разным линиям. Отношение между мышлением и речью не является однозначным и постоянным, оно динамично и изменчиво.

В онтогенетическом развитии мышления и речи имеют стадии, где эти две линии развития осуществляются не параллельно. В своем развитии мышление ребенка проходит доречевую стадию. Еще до речи действие ребенка становится субъективно осмысленным. В развитии речи имеется доинтеллектуальная стадия. Крик, лепет, первые слова, по мнению автора, не имеют отношения к мышлению. Но наступает определенный момент в автономном развитии мышления и речи, когда эти две линии развития встречаются, и появляется принципиально новая чисто человеческая форма поведения. Внешне это качественное новообразование проявляется в том, что ребенок начинает активно расширять свой словарь, и это происходит быстро и скачкообразно. Ребенок начинает нуждаться в слове, стремится овладеть знаком, принадлежащим предметом, т.е. понятием. Этот процесс с полным правом можно назвать интеллектуальным, т.к. освоение понятием предполагает установление отношения между знаком и значением. Таким образом, мышление становится речевым, а речь интеллектуальной.

Л.С.Выготский, на основе своих размышлений, приходит к выводу о том, что внутренняя речь развивается путем накопления функциональных и структурных изменений. Внутренняя речь обособляется от внешней речи ребенка с одновременным выделением социальной и эгоцентрической функциями речи. При этом речевые структуры, усваиваемые ребенком, становятся структурами его мышления. Автор указывает на существование зависимости развития мышления от речи, от средств мышления и от социально-культурного опыта ребенка.

Таким образом, в отличие от понимания природы мышления и речи Ж.Пиаже, Л.С.Выготский подчеркивает общественно-историческое, а не биологическое происхождение речевого мышления.

Освоение и употребление понятий является ключевым моментом, в котором пересекаются линии развития мышления и речи. Становление понятия в детском возрасте происходит поэтапно. Как отмечает Л.С.Выготский, первая стадия представляет собой образование неоформленного и неупорядоченного множества. По словам автора, ребенок мыслит целыми связными глыбами.

Группа предметов выделяется без существенного внутреннего основания, внутреннего родства и отношения между частями. Значение слова является не определенным до конца, и образ очень неустойчив. Данная стадия характерна для детей раннего возраста. Внутри стадии имеются три этапа: этап проб и ошибок в детском мышлении; этап объединения предметов на основе субъективных связей; этап приведения к одному значению ранее сформированных групп предметов.

На второй стадии мышление ребенка приобретает новое качество – это мышление в комплексах. На третьей стадии сначала появляются псевдопонятия, а затем собственно понятия.

Таким образом, в работах Ж.Пиаже и Л.С.Выготского рассматриваются проблемы происхождения, взаимоотношения, становления и генезиса мышления и речи.

Канд. филол. наук В.Д.Нарожная (Чимкент, Казахстан)

ЛИЧНОСТЬ, КОСТЮМ И ЦВЕТ: АСПЕКТЫ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Феномен цветовосприятия и особенности взаимодействия человеческого организма с цветом издавна интересовали исследователей души. Древние эзотерики, средневековые герметики и современные парапсихологи пытались разгадать загадку “глубинного влияния цвета на внутреннюю жизнь человеческого микрокосмоса. Древние индусы, например, считали человека “светоносным”, имея в виду фундаментальное единство цветовых энергий и “соков” тела” [В.В.Драгунский 2003: 5].

Объектом исследования и описания в нашей статье является костюм, его знаковая специфика и цветовая символика. Среди всех функций языка костюма самой интересной является его коммуникативная функция. Одежда – социальный знак, метка, обозначающая место данного индивидуума в общественной системе. Костюм является социальной, индивидуальной и национальной характеристикой человека, знание которой столь важно в межнациональном общении.

Уникальным проявлением материальной культуры прошлого является казахский народный костюм. В нем нашли отражение эстетические идеалы народа, его образ жизни, социальные эквиваленты. Он отличается ярко выраженным своеобразием и “играет определенную роль в сохранении и упрочении этнического самосознания народа, наряду с разговорной речью, антропологическими показателями служит стойким определителем, по которому отличают своих от чужих. Для него характерна общность форм всех слоев населения с определенной возрастной регламентацией” [А.А.Калыбекова 2005: 4]. Большинство народов символику цвета в одежде черпало из природной связи процессов и форм. Цвет праздничных камзолов (верхняя одежда) казахов, например, преимущественно зеленого, красного, бардового, синего, желтого цвета – цвета весенней степи.

Отличительным знаком в одежде казахов был ее цвет, который мог указывать на место, откуда была привезена ткань или готовое изделие (хивинский халат – *красный*, сартовский – бухарский *белый* с черными полосками). Отличались цветом и женские головные уборы. “Девушки носят на голове красный платок (*кызыл орамал*), охватывая им голову и завязывая на затылке, так что длинные концы спускаются на спину. Платок обшивается бахромой. Молодухи носят белый платок, завязывая его под подбородком, или же надевают *жаулык* – длинный кусок белой материи (коленкор или шелк), обматывают сначала вокруг головы под подбородком, а потом в виде тюрбана” [Б.А.Байтанаев 2004: 213]. В одежде девушек и молодых женщин преобладал красный цвет, а в одежде женщин с 30 лет, после рождения двух-трех детей, красный цвет уступал место более спокойным тонам. В костюме женщин старше 50-55 лет изменяется цветовая гамма костюма, преобладает белый цвет для головного убора и праздничной одежды, обыденному костюму характерны однотонные неброские цвета. Женщины-казашки преклонного возраста предпочитают носить не только белый головной убор, но и белое платье. До совершеннолетия девочки не носили платки белого и черного цвета, поскольку в народе первый ассоциируется с замужеством, а второй – со знаком траура, печали. Как отмечает Драгунский В.В., “выбор черного или белого демонстрирует абсолютное и окончательное решение. Белый – это *tabula rasa*, чистая доска, разрешение проблем и новое начало. Поэтому платье невесты белое. Поэтому белый цвет является символом физической смерти, если его считать началом нового воплощения или погружением в нирвану” [В.В.Драгунский 2003: 164].

На одежду и ее цвет как показатель возрастного различия указывал в своих исследованиях М.М.Муқанов: “Если лицо женского пола одето в бархатный пиджак, на голове тубетейка с украшениями (перья филина), на указательном пальце левой руки – кольцо, то это признак того, что она девушка. Если женщина одета в белое платье, поверх него камзол, на голове белый платок, а на обеих руках выше запястья браслеты, то это признак того, что она замужняя” (М.М.Муқанов 1972: 113).

Цвет был важным этническим, социальным, эстетическим признаком, который проявлялся в национальном костюмном комплексе. Выполняя декоративную функцию, цвет выступал способом выражения национального мировоззрения, психологии, вкуса, подчеркивал повседневность или торжественность в одежде, выделял обрядовую одежду, передавал социальные градации. Цвет является своеобразным языком, определяющим понятия чистоты, благородства, силы, долголетия, родовитости, символизирующим также человеческие чувства: радость, печаль, любовь.

Цитируемая литература

- Байтанаев Б.А. А.А. Диваев – очерк жизни и деятельности. – Алматы, 2004.
Драгунский В.В. Цветовой личностный тест: Практическое пособие. – М., 2003.
Калыбекова А.А. Теоретические и прикладные основы народной педагогики казахов. – Алматы, 2005.

Муқанов М.М. Этнопсихологическая специфика невербальных коммуникативных знаков // Психология. – Вып. 2. Интеллект и речь. – Алма-Ата, 1972.

С.Е.Окунева (Елец)

ЗНАЧЕНИЕ ИГРЫ В РАЗВИТИИ РЕЧИ ДОШКОЛЬНИКОВ

В настоящее время проблема развития речи является одной из актуальных проблем современности. Речь человека сложна и многообразна, и развивать ее нужно с раннего возраста.

Великий русский педагог К.Д.Ушинский говорил, что родное слово является основой всякого умственного развития и сокровищницей всех знаний. Поэтому важно заботиться о своевременном развитии речи детей, уделять внимание ее чистоте и правильности. В дошкольном возрасте важно учить детей четко и ясно произношению слов. Благодаря этому у ребенка правильно будут развиваться речевой слух и фонематическое восприятие, которые играют большую роль при овладении ребенком чтением и письмом.

Речь не дается человеку с рождения, она формируется постепенно, вместе с созреванием ребенка. Одним из эффективных средств развития речи является игра.

В период дошкольного детства игра становится ведущим видом деятельности, т.к. она вызывает качественные изменения в психике ребенка. Именно в игре наиболее ярко обнаруживается формулирующая знаковая функция сознания ребенка. Игра требует от ребенка таких качеств, как инициативность, общительность, способность координировать свои действия с действиями группы сверстников, чтобы устанавливать и поддерживать общение [В.С.Мухина 1999].

На основе проведенного исследования мы выяснили, что в игре развиваются и формируются познавательные процессы, закрепляется культура поведения, навыки общения, развивается наблюдательность, обогащается словарный запас детей. Играя, дети знакомятся с окружающим миром, получают новые впечатления, знания, умения и навыки. К тому же специфику детских игр составляет то, что она невозможна без речевого оформления. В игре совершенствуется звуковая сторона речи, развивается диалогическая речь, ее грамматический строй.

Нельзя не сказать и о значении речи взрослых (родителей и воспитателей) в играх детей. В.С.Мухина отмечает, что обычно, общаясь с малышом, взрослые требуют от него четкого произнесения слов, что влияет на развитие фонематического слуха и артикуляции. Поэтому, занимаясь с детьми, играя с ними, родители должны говорить неторопливо, ясно и четко называть слова, правильно структурировать свои предложения.

Таким образом, значение взрослого в развитии речи ребенка представляет, несомненно, огромную роль. Именно из-за недостаточности внимания к ребенку у него могут появляться речевые нарушения. Родители должны уделять больше внимания детям, заниматься и играть с ними, ежедневно читать детские

книги. Вечером необходимо поговорить с ребенком о прошедшем дне и рассказать о своих делах.

Анализируя литературу (Выготский Л.С., Поддьяков Н.Н., Спиваковская А.С.), мы выявили, что игра является наиболее эффективным средством развития речи ребенка. В игре дошкольники объединены общей целью, общими интересами и переживаниями; в игре развивается дружба, раскрываются основные нравственные правила и идеалы, нормы общения и человеческих отношений.

Понимая значение игровой деятельности в развитии речи детей, следует уделить особое внимание организации занятий в дошкольных учреждениях. Для полноценного речевого развития дошкольников необходимо разработать специализированную программу, содержащую игровые элементы.

Цитируемая литература:

Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учебник для студ. вузов. – 4-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 1999. – 456 с.

Канд. филол. н. Ф.Г.Самигулина (Ростов-на-Дону)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Речевое поведение, взятое в многообразии коммуникативных ситуаций, отражает специфику языковой картины личности, анализ которой позволяет определить характер индивидуальной концептуальной картины мира. Исследование концептуальных систем, связанных с познанием мира, в диахронии позволит выявить общечеловеческие черты концептуальной картины мира, обусловленные спецификой развивающегося мышления. Речь идет об эмоциональных концептах, содержанием которых являются различного рода эмоции.

Эмоции квалифицируются как предразум, при помощи которого происходит самая общая первичная оценка индивидом полезности/вредности сложившейся ситуации. Средством доступа к концептуальному знанию является слово, хотя его значения представляют не всё содержание концепта, так как концепты (ментальные сущности) могут быть вербализованными и невербализованными вследствие существования вербального и наглядно-образного мышления, детерминированного межполушарной асимметрией мозга. Несмотря на ограниченные возможности слов в передаче всего богатства наполнения концепта, этимологический анализ их значений способен дать некоторую информацию о том, какие изменения претерпевали концептуальные структуры.

Эмоции составляют мотивационную основу деятельности человека и отражаются в речи. Эмоциональных состояний очень много, в большинстве своем они мимолетны. Получают отражение в языке и обозначаются словами-терминами (*горе, радость, гнев*) только те из них, которые отличаются длительностью и переживаются чаще других. При передаче других переживаний используются развернутые описания. Континуальный характер эмоций обуславливает отсутствие четкой классификации по их модальности. Они поддаются четкой классификации только по оценочному признаку: хорошо – плохо.

При этом жизненно важные отрицательные эмоции преобладают в психике, что находит отражение в ментальной картине мира и зафиксировано в языковой (в разнообразии словарного запаса для передачи отрицательного эмоционального состояния). Языковые проекции концептов дают возможность увидеть не только картину мира, но и своеобразие освоения внешнего и внутреннего мира человеком. Анализируя внутреннюю форму имен эмоциональных концептов в русской лингвокультуре, можно показать их исходную соматическую природу. Известно, что соматический код, базовый код культуры, ставится на первое место как наиболее древний из существующих. Изучение слов со значением эмоции с точки зрения истории их происхождения показывает динамику концептов, передаваемых этими словами. Например, слово *счастье* из лексико-семантической группы (далее ЛСГ) «Положительное эмоциональное состояние» в праславянский период имело конкретное значение ‘хороший кусок, лучшая часть, доля’. Последнее значение в отделении от конкретной вещи затем стало восприниматься как ‘хорошее, довольное состояние человека’. В славянских языках зафиксировано только абстрактное значение слова *счастье* [Фасмер 1987, 3:816]. В памятниках письменности лексема с этим значением фиксируется с XV века. У слова *блаженство*, входящего в данную ЛСГ, существующие в праславянский период формы так же имели преимущественно конкретные значения ‘сладкий’; ‘варенье, имущество, деньги’; ‘пировать; жить в довольстве, счастливо’ [Этимологический словарь 1974-1988, т. 2: 172-175]. Впоследствии со значением эмоции развивается одна словоформа *блаженство*. Такое же изменение значений можно увидеть и у слов ЛСГ «Отрицательное эмоциональное состояние» (*грусть, скорбь, горе, печаль* и др.). В семантическом развитии наблюдается ассоциативный метафорический перенос соматических ощущений человека в область психических переживаний. Языковые факты говорят, что развитие значений слов ЛСГ «Эмоциональное состояние человека» в древнерусском языке шло от конкретного к абстрактному, продолжая тенденцию, заложенную в праславянском языке. Как в истории мышления абстрактные понятия формируются сравнительно поздно на базе конкретных представлений, так и в языке слова с более абстрактным значением обычно развиваются на основе слов с конкретным значением.

Содержание значений слов, а также тех концептов, которые они называют, мотивируются так или иначе отражаемой в нем действительностью. Континуальный характер эмоций прослеживается в истории формирования рассматриваемых ЛСГ: долгий период в языке одновременно существовало большое количество абсолютных синонимов, постепенно переходящих в разряд идеографических. Специфика эмоций вела к трудности их категоризации, а это соответственно отражалось в трудности номинации. Но развитие психики человека приводило ко все более тонкой дифференциации психических явлений, понятий и, как следствие, обозначающих их слов, значения которых постепенно уточнялись. Наши понятия и представления о тех или иных реалиях изменяются в связи с их более глубоким познанием, изменение понятий приводит к изменениям значений слов и, следовательно, к новым толкованиям слов носителями языка. При этом необходимо учитывать и интралингвистические факторы

(процесс выравнивания значений идеографических синонимов), влияющие на развитие семантики.

Цитируемая литература:

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4-х т. – М., 1986-1987.

Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974-1988.

Докт. психол. наук Ю.Е.Серебрянский, соискатель И.Ю.Филатова (Елец)

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ МЫШЛЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Подростковый возраст отличается особым своеобразием физиологических и психологических процессов в организме, большой их подвижностью и ранимостью. Динамика развития мышления в подростковом возрасте имеет свою специфику и особенности. В отечественной психологии в рамках системно-функционального подхода считается, что в подростковом возрасте центральной, или ведущей, функцией является развитие мышления (И.В.Шаповаленко 2005).

Изучение развития мышления – актуальная проблема в современном мире. Образовательные учреждения в лице педагогов и психологов должны учитывать все трудности и проблемы развития в этом возрасте. Актуальным является вопрос о том, как помочь подросткам справиться с трудностями, возникающими в учебном процессе. Перед образовательными учреждениями стоит задача создать такие условия учебного процесса, которые бы способствовали развитию и совершенствованию мышления в подростковом возрасте.

Анализ литературы свидетельствует о том, что мышление в подростковом возрасте активно развивается и совершенствуется под влиянием ряда факторов. Такими факторами могут являться учебная деятельность, стремление стать взрослым, общение со сверстниками.

Исследованиями И.В. Шаповаленко (2005) показано, что под влиянием обучения, усвоения более обобщенных знаний и основ наук высшие психические функции преобразуются в хорошо организованные, управляемые процессы. Согласно этому, обучение в средних классах, которое постепенно усложняется, способствует активному совершенствованию мышления в подростковом возрасте. Подросток, решая сложные математические задачи, развивает такие операции как классификация, анализ, синтез, обобщение, аналогии и т.д. Дети в этом возрасте при решении задач, размышляют логически и делают обоснованные выводы, а это способствует развитию мышления. Таким образом, учебная деятельность является одним из главных факторов, который влияет на развитие мышления в подростковом возрасте.

Согласно Л.Ф.Обуховой (2003), интеллектуальная взрослость в подростковом возрасте не менее важный фактор, который развивает мышление. Ею отмечено, что интеллектуальная взрослость выражается в стремлении стать взрослым, что-то знать и уметь по-настоящему. Это стимулирует развитие познавательной деятельности, содержание которой выходит за пределы школьной про-

граммы (кружки, музеи и т.п.). Из этого следует, что у таких подростков в результате самостоятельного получения новых знаний, учение превращается в самообразование. Повышенный интерес подростка к проблемам взрослого мира заставляет его рассуждать, создавать собственные теории, приобретать новый взгляд на мир. Таким образом, ребенок в этом возрасте приобретает взрослую логику мышления.

Как показывают данные литературы, общение со сверстниками в подростковом возрасте играет важную роль в развитии познавательных процессов.

Согласно Л.Д. Столяренко (2006), общение со сверстниками проявляется в освоении новых норм поведения и отношений с людьми на основе необходимости «завоевать» признание, расположение и уважение сверстников к себе. Им отмечено, что общение со сверстниками является ведущей деятельностью в подростковом возрасте.

По данным Л.С.Выготского (1956), главное в развитии мышления – это овладение подростком процессом образования понятий, который ведет к высшей форме интеллектуальной деятельности. Он утверждал, что для осмысления действительности необходимо познание других и понимание себя – это то, что приносит с собой мышление в понятия.

Отсюда следует, что при помощи общения со сверстниками подросток постигает окружающую реальность, получает и накапливает новые знания о мире. Стремясь завоевать признание и уважение среди сверстников, он расширяет свой кругозор. Стараясь быть интересным для сверстников, подросток рассуждает об идеалах, ищет ошибки и логические противоречия в суждениях, развивая и совершенствуя свое мышление.

Таким образом, общение подростка со сверстниками является важным фактором, развивающим и совершенствующим мышление в подростковом возрасте.

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что развитие мышления в подростковом возрасте – это сложный процесс, который необходимо контролировать. Организованная психолого-социальная работа с подростками, направленная на развитие мышления, актуальна в условиях образовательного учреждения. Психологи и педагоги должны регулировать учебный процесс, стимулировать подростка к расширению своих интересов и знаний. Такую работу можно проводить в форме организованных в школах кружков, проведения диагностики мышления и консультаций с подростками, занятий по развитию творческого мышления.

Докт. филол. наук Т.Ю. Тамерьян (Владикавказ)

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ

Актуальными направлениями изучения этноментального мира человека с рамках психологии и психолингвистики являются исследования в области этнического и национально-культурного сознания, в том числе языкового (С.В.Дмитрюк, Б.В.Дашиева, Ю.М.Тхагазитов, Нгуэн Тхи Хьонт,

Н.В.Уфимцева). Существуют научные направления, которые трактуют культуру через ее отражение в национальном языке – лингвострановедение и лингвокультурология (Н.И.Толстой, М.М.Маковский, В.Н.Топоров, Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, В.В.Красных, А.С.Мамонов).

Поиск этнокультурной специфики языкового сознания рассматривается как средство познания своей и чужой культуры в ее предметной деятельности и ментальной форме. Результаты подобных, в том числе кросс-(суб)культурных исследований проявляют основные методологические тенденции: от изучения внеязыковой реальности, прежде всего психологической, через ее описание и интерпретацию – к формированию представлений о языковом сознании.

Национальный язык рассматривается как ядро знакового сознания, включающее фонеморфологическую, лексико-семантическую, синтаксическую и прагмалингвистическую подсистемы с выделением в составе последней метакоммуникативного уровня, т.е. знаний и умений определять возможное и невозможное в знаковом поведении [Портнов 1988: 139-141].

В силу того, что ментальные репрезентации, связанные с самой реальностью, а не с ее моделями, могут быть представлены в том числе и лингвистически (т.е. в виде языковых репрезентаций), когнитивные модели формируются одновременно двумя способами репрезентации – символьным и вербально-образным. Поскольку когнитивные аспекты языка подразумевают концептуальную организацию знаний в процессах понимания и построения языковых сообщений, то исследование этнического сознания в его языковой форме дает возможность раскрыть особенности образа мира, присущего представителям того или иного этноса.

В традиционном обществе языковое сознание является практически гомогенным, а критический компонент реализуется в отношении к другому языку/подъязыку или же диалекту, а также к языку специфических языковых групп (женский/мужской язык, язык людей, находящихся в условиях депривации, и прочее). Распад традиционной культуры и социальные катаклизмы приводят к нарушению однородности языкового сознания, возникают различные инварианты языкового сознания, ориентированные на идеалы и нормы разных социальных групп, которые противоречат друг другу. Эта ситуация может осложняться и формированием специальных сфер общения, обслуживаемых специфическими подъязыками [Фефилов 1988:184].

Термин «этнокультурная специфика сознания» вошел в научный оборот наряду с термином «национально-культурная специфика сознания», хотя понятия «этническое» и «национальное» не характеризуются идентичными параметрами.

Термин «этнокультурная специфика сознания» подчеркивает детерминированность языкового сознания культурой этноса. Отечественная психолингвистика в русле психологической теории деятельности исходит из того, что источник национально-специфического следует искать во внешней деятельности – действиях, которые зависят от природных и социальных условий и совершаются определенным способом, а также артефактов.

Сознание индивида как представителя определенной этнокультурной общности воспринимает и осмысливает окружающий мир соответственно сложив-

шимся правилам, установкам, нормам, которые выполняют роль анализаторов, фильтрующих психику от чуждых ему элементов.

Носители разных языков могут понимать друг друга в той мере, в какой образы их сознаний совпадают, несовпадение этих образов служит причиной непонимания при межкультурном общении. Главной причиной непонимания при межкультурной коммуникации является не различие языков, а различие национальных сознаний коммуникантов.

В процессе межкультурной коммуникации представители разных этносов воспринимают «чужую» культуру через призму своей собственной, опосредуя понимание «чужого» сознания своим сознанием, следствием чего является различная степень непонимания специфических форм существования «чужой» культуры. Даже владея языком собеседника, носители разных национальных культур действуют по «своим» моделям поведения, употребляют «свои» кинесические и проксемические системы, опираются на «свои» культурные знания. Поэтому взаимодействие представителей разных лингвокультурных общностей осложняется, кроме языковых, такими национально-специфическими компонентами культуры, как традиции, обычаи, быт, повседневное поведение, национальные картины мира, национальные особенности мышления и психики, национальное искусство [Дмитрюк 1998].

«Центральная зона» культуры (инвариантная ее часть), по мнению С.В.Лурье, а не все культурные проявления данного народа, является основой этничности [Лурье 1997: 191-192]. В ней заключены адаптационно-деятельностные модели, благодаря которым «человек получает такой образ окружающего, в котором все элементы мироздания структурированы и соотносены с самим человеком, так что каждое человеческое действие является компонентом общей структуры. Этнос адаптируется к реальному миру тем, что всему в мире дает как бы свое название, определяет его место в мироздании» [Лурье 1997: 221].

Чаще заимствование проявляется в обновлении периферийных элементов при сохранении ядра культуры (ее ценностей) или же наполнении заимствованных форм старым содержанием. Возможно сопротивление культуры внутренне чуждым ей элементам. Более существенные изменения связаны с трансформацией элементов культуры народа, расширением ее центральной зоны или заменой некоторых ее элементов. Такие изменения являются проявлением социальной и культурно-исторической динамики. Так, скажем, осетины-язычники, принявшие ислам или христианство, продолжают сохранять некоторые языческие обряды и праздники, что не приводит к функциональному внутриэтническому конфликту. К традиционным советским и российским праздникам добавляются европейские/американские (например, День Святого Валентина). Корректируются стереотипы поведения, национальные традиции соблюдаются менее регламентировано. Основные причины инокультурных заимствований, как правило, связаны с экономическими, социально-политическими процессами, происходящими в обществе, с глобализацией, расширением информационных потоков и межкультурными контактами.

Традиционно этническая зона языковой картины мира осетин отражает вышеуказанные сферы общения, другая же часть картины мира получает экс-

пликацию на русском языке, что характерно для многих младописьменных народов. При наложении осетинской языковой картины мира на русскую языковую картину мира отдельные элементы дублируются, квази-понятия передаются средствами двух языков, но чаще объем понятий, даже заимствованных, не совпадает. В силу социально-исторических условий социализация осетин в условиях осетинско-русского билингвизма осуществляется на двух языках. Двуязычное выражение получает и картина мира осетин. Следует также принимать во внимание влияние соседних языков.

Социализация русскоязычного населения – монолингвов, а также русских, слабо владеющих осетинским языком, в условиях Республики Северная Осетия-Алания осуществляется на русском языке, тем не менее картина мира русских также представлена двумя зонами культуры – русской и осетинской (выраженной в большей или меньшей степени). Таким образом, целостная картина мира как осетин-билингвов, так и русских-монолингвов не является сугубо этнической, поскольку представлена как минимум двумя компонентами (без учета инокультурных влияний) в разных соотношениях – осетинской картиной мира и русской картиной мира. Кроме того, необходимо учитывать влияние инокультурных картин мира – в первую очередь европейской и американской. Если между осетинской и русской картинами мира происходит постоянное взаимодействие, то взаимодействие между осетинской и инокультурной картинами мира осуществляется как непосредственно, так и через русское посредство.

Поскольку овладение другим языком включает человека в социокультурный контекст развития сознания, он овладевает и другой картиной мира, отраженной в языке. Формирование поликультурного пространства, погружение в которое происходит по принципу расширения круга культур, обеспечивает межкультурное и би/полилингвальное развитие языковой личности.

Таким образом, традиционное сознание этноса практически гомогенно. Оно составляет комплекс культурных представлений, связанный с этнической картиной мира. Национальный язык рассматривается как ядро знакового сознания. Языковое сознание детерминировано культурой этноса. Центральная зона культуры является основой этничности. В основе мировидения лежит система предметных значений, стереотипов и когнитивных схем. Традиционное сознание основывается на этнической картине мира и проявляется как своеобразие видения окружающего мира и моделей поведения. Национальный характер является частью менталитета как интегральной характеристики личности.

Диалог культур в сознании билингвов представляет собой общение образов разных культур в рамках одного сознания. Целостная картина мира осетин-билингвов и русских-монолингвов представлена двумя зонами культуры – осетинской и русской. Языковая картина мира осетин получает двуязычное выражение.

Цитируемая литература:

Дмитрюк С.В. Образ времени в сознании носителей русской и английской культур //Языковое сознание: формирование и функционирование. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. – С. 208-212.

Лурье С.В. Историческая этнология. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.

Портнов А.Н. О понятии знакового сознания//Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации: Языковое сознание. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – С.139-141.

Фефилов А.И. Язык как результат и как средство деятельности сознания // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации: Языковое сознание. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – С.183-184.

Докт. филос. наук Н.А.Шергенз (Стерлитамак)
О СООТНОШЕНИИ МЫШЛЕНИЯ И БЫТИЯ

Все рассуждения о соотношении мышления и бытия являются неплодотворными до тех пор, пока из философии изымается проблема жизни. «Обращение к жизни как феномену культуры и истории, – пишет Л.А.Микешина – обусловлено, во-первых, необходимостью постижения изначального опыта восприятия реальности и выявления непосредственного, дорефлексивного знания, предшествующего разделению на субъект и объект. Во-вторых, осознанием недостаточности, неполноты абстракции чистого сознания – логической конструкции, в конечном счете лишаящей Я тех связей, которые соединяют его с реальным миром. Введение понятия «жизнь» означает признание значимости эмпирического Я как наделенного жизнью индивида. Единично-всеобщее в таком случае предстает как живое бытие реальности, обладающей темпоральностью, связностью и целостностью. Обращение к феномену жизни предполагает расширение сферы рационального, введение новых его типов и, соответственно, понятий и средств концептуализации, а также принципов перехода иррационального в рациональное, что осуществляется постоянно в естественно-научном познании и должно быть также признано как законная процедура в гуманитарных науках» (Л.А.Микешина 1999: 236-237).

Итак, понятие «жизнь» позволяет коснуться дорефлексивного знания и тем самым расширить сферу рационального. Обращаясь к «жизни», мы достигаем метафизических корней самой диалектической логики, преодолеваем абсолютизацию субъектно-объектного подхода, дополняя его историческим разумом и выходя к новым формам рациональности.

Жизнь как некое бытие в бытии, как внутренняя сила бытия, неизбежно оказывается предшествующей мышлению. Положенная как субъект, она становится причиной самой себя; в то же время она есть то, чем желает быть.

Ведь достаточно часто мы можем наблюдать то, что чем выше в духовном отношении стоит некое существо, тем в большей степени оно трансцендирует за свои собственные пределы. Ограниченный человек пребывает исключительно в своих собственных границах, даже если это и границы мысли. Начало, следовательно, «есть лишь там, где есть то, что не должно быть непосредственно ради себя самого. Начало не может быть тем, что должно быть, ибо тогда это уже не начало, а конец» (Ф.В.Й.Шеллинг 1999: 243). Следовательно, всякое подлинное начало сопряжено с творчеством, с трансцендированием. Шад же, идя вслед за Фихте, считал наоборот: всякое первоначало исходит как раз из то-

го, что должно быть. (Это то общее, что объединяет и рефлексивную и продуктивную модели). Не побоимся сказать, что именно фихтевская философия, истолковав трансцендентальный принцип как чистое «бытие-долженствование», приблизила философское мышление к завершающей точке. Ведь далеко не случайно, уже вскоре после смерти Фихте, многие сначала робко, потом открыто и уверенно заговорили о конце философии. При этом к числу достоинств философии иногда причисляют ее способность владеть самой собой. Но из жизни мы знаем, что существо, имеющее только лишь одну способность самообладания, в действительности оказывается исключительно заурядным существом. «Все, чему дано не быть, тем самым оказывается в состоянии владеть самим собой» (Ф.В.Й.Шеллинг 1999: 232). Таким образом, мы вновь оказываемся перед парадоксом: чем больше человек владеет собой, тем больше он оказывается самостоятельным и самодостаточным, но тем менее он способен желать, тем менее он способен приоткрыть свое бытие для другого, реализовать свои творческие потенции.

Таким образом, мы вплотную подошли здесь к проблеме творческого самовыражения. Не надо стремиться к тому, чтобы объять в своих мыслительных построениях весь мир и всего человека. Самое главное состоит в том, чтобы уметь выйти за свои границы, отойти от себя, не делать предметом своего творчества только самого себя. Наше трансцендентальное «Я» – это не чистое бытие, а всего лишь усилие быть, т.е. полагание бытия. Эвристические (творческие) потенции идеи «трансцендентального субъекта» коренятся, следовательно, в том, что предшествует бытию мысли. Научный подход к действительности заключается здесь в том, что «мы должны дать явлению (в том числе и мысли, как явлению) – созидаться по его собственному внутреннему закону» (цит.по: Б.П.Вышеславцев 1914: 251). Однако это достигается «не самонаблюдением, а уничтожением своей самости» (цит.по: Б.П.Вышеславцев 1914: 251). Только в этом плане и можно говорить о том, что мышление имеет место лишь поскольку, поскольку мы «освобождаемся» от него.

Итак, классическое философское мышление с присущим ему понятием «трансцендентального субъекта» должно быть представлено генетическим образом, т.е. оно должно учитывать и уровень дорефлексивного знания, предшествующий разделению на субъект и объект.

Цитируемая литература

Вышеславцев Б.П. Этика Фихте. – М., 1914. – С. 251.

Микешина Л.А. Категория жизни в гуманитарном контексте // XXI век: будущее России в философском измерении. Материалы Второго российского философского конгресса (7-11 июня 1999 г.) В 4-х т.: Т.1.4.2. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 236-237.

Шеллинг Ф.В.Й. Система мировых эпох: Мюхенские лекции 1827-1828 гг. в записи Эрнста Лассо. – Томск: Изд-во «Водолей», 1999. – С. 243.

Шеллинг Ф.В.Й. Система мировых эпох. – С. 232.

ВРЕМЯ В МИФОПОЭТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ:

На материале русских народных загадок

Ю.С.Степанов считает концепт 'время' «очень трудным и запутанным разными точками зрения», поэтому он предлагает выделять в нем культурологический компонент, т. е. «вопрос не о времени вообще, а о 'времени мира'». Индоевропейские этимологии этого концепта группируются в две основные сферы: а) обозначения «отрезка», «от и до», или «меры», первоначально длины, перенесенные на время вообще; б) разнообразные обозначения «точек» и «порций» времени (не времени как длительности), таких, как «час», «год», «день» и под.

Ю.С.Степанов делает вывод, что рус. *время* отражает архаическое представление о времени как о «круговороте», получившее название «циклическое время», которое противопоставлено более новому, связанному, главным образом, с библейским образом мира, – «линейному времени». Концепт «циклического времени» не знает понятий «начало мира», «конец мира», - все в мире повторяется по кругу. Напротив, библейское «линейное время» вводит обязательные точки – «начала» и «конца» мира. «Циклическое» время является наиболее архаическим.

Для наиболее ранних этапов развития человеческого общества характерно так называемое *магическое, мифопоэтическое (мифотворческое) сознание*. Первобытное мышление не знает отвлеченных понятий. Оно основано на мифологических образах. Эти образные конкретные представления далеки от способности обобщения, но они умеют различать предметы схематически, приблизительно и без частных. Например, цепь причин и следствий представлялась в виде круга, замкнутой линии, где каждый член ряда был и причиной и следствием (ср. цикличность). Такая причинность вызывала представление об окружающем как о сменяющейся неизменности: для первобытного человека все, что существует, казалось статичным, но эта статичность имела для него свои фазы. Время представлялось первобытному сознанию в виде пространства, имеющего свои отрезки; пространство же воспринималось им в виде вещи.

Целью нашего доклада является анализ русских концептов «день» - «ночь», образующих дихотомию и обозначающих определенные «порции» времени в суточном цикле. В качестве анализируемого материала мы использовали русские народные загадки из сборника, составленного В. В. Митрофановой. Истоки формирования самого жанра загадок восходят к глубокой древности, а само загадывание носило когда-то ритуальный характер. Построенные на приеме иносказания, сравнения, метафоры, аллегории, загадки содержат закодированную информацию о явлениях природы, свойствах и качествах предметов.

Загадки играют определенную роль при описании культуры того или иного народа. Примечательно, что среди русских загадок отсутствуют загадки с загадками «утро» и «вечер». По этому поводу В.Н.Топоров пишет, что «диатеза *день-ночь* или *ночь-день* оказывается наиболее сильной: она или включает в себя рассматриваемые как «подчиненные» утро, полдень, вечер, полночь, или

же выступает как обобщенное воплощение всех этих временных частей суток, включая и «полутемные», и «полусветлые», одним словом, промежуточные».

Нерасчлененность мышления породила явления тождества разнородных предметов; часто в языке противоположные явления назывались одним и тем же словом. Мышление носило конкретный характер; каждая вещь воспринималась чувственно, и образ воспроизводил только внешнюю сторону предмета – то, что было видимо и осязаемо. Многообразие не осознавалось, но оно объективно отражалось в метафорическом образе. Мифологические представления могли быть только образами и ничем иным, потому что «образ» есть зрительный «внешний вид», зрительная «наружная сторона» предмета. Этот образ – производное именно мифотворческого мышления со всеми законами мифотворческого восприятия пространства, времени и причины, с его слитностью субъекта и объекта. В результате этого создается особая картина мира. Человек представляет себе, что его жизнь и жизнь природы – одно. Представления о дне и ночи как явлениях природы также связано в народном сознании с определенными образами.

Древние представления русского человека о дне и ночи сформировались в русле зооморфного, биоморфного, антропоморфного, артефактного, акционального и пространственного кодов культуры, чему способствовало появление одноименных метафорических образов в русских загадках, на основании чего можно сделать вывод, о сохранении в языке элементов тотемизма, анимизма, антропоморфизма.

Студент А.А.Штеба (Волгоград)

ЭМОТИВНАЯ СЕМАНТИКА КОЛЕРНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «СЕРДЦЕ» / «COEUR» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматривая понятие «сердце» во французском языке, нужно отметить приписываемую ему кумулятивную функцию: в нем, согласно эмпирически полученным и отраженным в многочисленных словарных статьях сведениям находятся все эмоции, чувства человека, а также его характер, воля. Соответственно, в контексте выбранного направления возможным кажется рассмотреть фрагмент, входящий в аффективную парадигму жизни французской языковой личности.

Целью данного исследования является определение цветового спектра, эксплицитно или имплицитно транслируемого фразеологизмами с компонентом «сердце», и последующее выявление их колерной и эмотивной доминант. Гипотезой является предположение о том, что коннотация фразеологизмов с компонентом «сердце», передающих обозначения некоторых цветов, будет нестабильна в зависимости от ситуации общения в силу неоднозначности трактовки влияния цвета на человека и закреплении за исследуемым понятием значения вместилища эмоций *homo sentiens*.

Отметим, что цветовые концепты связаны с позитивными и негативными жизненными ситуациями, извлеченные универсальные элементы которых обозначаются как день и ночь, солнце, огонь, растительность, небо и земля, кровь.

Нами был выявлен ряд фразеологизмов, в которых колерный образ передается эксплицитно (*avoir le coeur noir* – иметь черное сердце; *coeur d'or* – золотое сердце; *coeur saigné* – кровоточащее сердце; *bouche de miel, coeur de fiel* – изо рта мед, в сердце желчь) и имплицитно (*coeur de caillou, coeur de pierre* – каменное сердце, булыжник вместо сердца, доминанта – серый цвет; *coeur glacé* – замерзшее сердце, светло-голубой, белый цвет; *la foudre et l'amour laissent les vêtements intacts et le coeur en cendres* – молния и любовь оставляют вещи нетронутыми, а сердце превращают в пепел, доминанта серый, черный цвет; *coeur d'airain* – медное сердце, красно-желтый цвет).

Швейцарский психолог М. Люшер изобрел тест, основанный на экспериментальном установлении зависимости между предпочтением индивидом определенных цветов (оттенков) и его актуальным психологическим состоянием. По прохождению теста, встречается термин «сердечная чувственность», вбирающая непосредственные переживания человека в данный момент.

Желтый цвет предполагает радость солнечного цвета и вызывает состояние счастья; располагая к внутреннему равновесию мыслей и чувств, способствует развитию когнитивных процессов человека. Но, его избыток приводит к частым перепадам настроения, возникновению депрессии. Данный цвет вызывает чувство разочарования и раздражение, что свойственно эмоциональной насыщенности представленного фразеологизма 'желчное сердце': отвращение, неприязнь. Рассматривая красный цвет, через понятие «сердце», необходимо обратить внимание на его референт, который выступает в форме сердца как органа и ассоциируется с кровью, красным цветом. Этим возможно обосновать частое изображение алого сердца как символа не только любви, но и энергии, силы, жизни. Красный – цвет огня, солнца, страсти; он мотивирует на победу, придает сил, повышает кровяное давление и увеличивает сердцебиение, но, тем не менее, включает в себе склонность к соперничеству и разрушению, что также сопровождается усилением частоты сердечных сокращений. Эмоциональным центром фразеологизма 'кровоточащее сердце', подразумевающим реализацию агрессии в направлении на говорящего, будет отчаяние, коррелирующее с кластером эмоций, включающим обиду, растерянность.

Таким образом, в силу, во-первых, эмотивно-кумулятивной функции понятия «сердца» во французском языке, а также, неоднозначности производимого тем или иным цветом влияния на человека, изученные фразеологизмы определили такие транслируемые кластеры эмоций и чувств, входящие в глобальное семантико-эмотивное поле понятия «сердце», как восхищение, радость, с центром влечение, а также разочарование, обида, неприязнь, грусть, злость, с центром равнодушие. Красный цвет как естественная доминанта понятия «сердце» эксплицировал, в проанализированном случае, не любовь, а разочарование, нарушая некоторую ассоциативную норму франкофона: первый ассоциат связан с любовью, т.е. «сердце – алый объект, пронзенный стрелой». Тем не менее, данное явление может свидетельствовать о стремлении говорящего акцентировать внимание на произошедшем событии и передать собственную горечь от неудовлетворительного исхода. Данное направление кажется вполне перспективным и требующим дальнейшего изучения: вопрос о связи эмоций и мышления остается актуальной и, рассматриваемая проблема, способствует ее разработке.

ЛОГИКО-СТРУКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

Канд. филол. наук Г.С.Бородкина (Воронеж)

О СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ И ЛЕКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВЕРБАЛЬНЫХ ЭКСПЛИКАТОРОВ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ

Стремление к познанию психики, проникновение в глубины внутреннего мира человека находит выражение в акцентировании роли эмоциональной личности. Когнитивный подход указывает на полную объективность неразрывного единства эмоциональных состояний человека и познавательных процессов. Поскольку без изучения внутренней стороны личности адекватное понимание познавательной сущности человека в целом невозможно, в этой связи возрастает внимание к эмоциональным концептам.

Одним из способов выявления структуры и описания эмоциональных концептов является анализ лексических отношений на основе таких семантических связей как: (а) идентичность (Identität), (б) инклюзивность (Inklusion), (в) наложение (Überlagerung), (г) эксклюзивность (Exklusion) (Cruse 1986). "Идентичность" образует основу лексических отношений между так называемыми "когнитивными синонимами", т.е. взаимозаменяемыми словами. „Инклюзивность" характеризует гипонимы. "Наложение" предполагает отношения дополнительности. "Эксклюзивность" объясняет признаки самостоятельности лексем и предполагает взаимное отторжение, взаимное исключение (Inkompatibilität). Особым случаем взаимоисключения является оппозиция (Opposition).

В основе перечисленных семантических связей лежат отношения (а) сходства и (б) дифференциации. *Отношения сходства* характеризуют: а) *расширенное семантическое наложение* (fröhlich/zufrieden: Freude); (Zorn/Wut:Zorn); б) *частичное семантическое наложение*: (Freude / Glück / Euphorie: Freude), (Angst / Beklemmung / Schrecken: Angst); в) *отношение ограниченного семантического наложения*. *Дифференциальные отношения* проявляются: а) в семантической несовместимости или б) в оппозиции лексических значений. *Семантическая несовместимость* наблюдается между лексемами в одной таксономической плоскости при наличии единого обобщающего понятия (радость, страх, гнев: эмоции). *Оппозиции* выявляют несовместимые значения слов, обнаруживая полярность между двумя парными понятиями, одновременно исключающими друг друга при наличии одного несовпадающего критерия среди прочих общих признаков. Среди *видов оппозиций* выделяются: а) *комплементарность*, т.е. полное взаимоисключение понятий (Ср.: Das erschossene Tier war weder lebendig noch tot) и б) *противопоставление* на основе признака, которому свойственна градация (Ср.: Ich fühle mich weder fröhlich noch traurig). Нередко эмоциональные концепты вербализуются на основе комбинации слов, между которыми существуют отношения *сходства в виде расширенного или частичного семантического наложения* внутри одного класса эмоций (Glück, Euphorie: Freude) и *дифференциации в виде несовместимости или оппозиции* среди лек-

сем, относящихся к *различным* классам эмоций (Glück, Beklemmung, Angst) (Burstein 1996).

При описании эмоциональных концептов выявляются особые виды отношений: *концептуальной совместимости* (konzeptuelle Verträglichkeit), при котором одно понятие не исключает другое (Ср.: zufrieden – ruhig) или наблюдается противопоставление значений (Ср.: Ich empfinde eine Mischung von *Wut und Freude; Ruhe und Entsetzen; Empörung und Euphorie*). Отсутствие в языке отдельных понятий, вмещающих в свои рамки признаки противоположных по знаку эмоций, можно рассматривать как отражение оппозиции по динамическому признаку (а) как *процесс* и (б) как *результат*. Сложное эмоциональное состояние как процесс представляет собой одновременное разворачивание нередко различных по содержанию эмоций (человек одновременно испытывает, например, радость и ужас, страдание и счастье как единое состояние). Объяснение подобным психологическим реалиям дают механизмы, которые лежат в основе сочетания эмоций в чувства (В.Вундт). Согласно принципу градации чувства, эмоции разной интенсивности сливаются в единое чувство, в котором наиболее сильная эмоция-доминанта придаст окраску всему чувству. Помимо этого, результат сложения чувств представляет собой не количественное, а качественное изменение эмоций, при котором происходит возникновение нового чувства, компонентами которого нередко являются полярные эмоции.

В вербализации эмоциональных концептов нередко наблюдается нарушение языковых законов лексической сочетаемости. Ввиду феноменальной сущности внутренних переживаний человека их экспликаторы следует рассматривать не как исключения, а как авторскую норму.

Докт.филос.наук А.А.Гагаев (Саранск), докт.пед.наук П.А.Гагаев (Пенза)
ЯЗЫК И СУЖДЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ОБЫДЕННОСТИ

I. В системе сфер общества имеется сфера – вертикальная – сфера повседневности и обыденности, которая суммирует и интегрирует всю нашу деятельность во всех сферах – природы, техники и технологии, экономики, социальности, права, социально-демографической сфере, социомобильной, социально-культурной сферах, сфере религии и сфере идеальности. Эта сфера – повседневности и обыденности – задает лингвистическую и логическую форму наших суждений о жизни на основе которых мы реально действуем в жизни, подавляя духовную перфекцию человека.

II. Повседневность суть:

1) Род экзистенциального опыта жизни

2) личности и соцгруппы в практико-прагматическом (совершенствование личности) отношении,

включая все сферы общества – природа, техника и технология, социальность, политико-правовая сфера, социально-демографическая сфера, социомобильная сфера, социально-культурная сфера, социально-этническая сфера, синтезируемые в образе жизни, сознании,

3) в выделенном пространстве-времени, настоящем времени,

4) осуществляя на основе личного образа жизни систематизацию всех общественных отношений, стереотипизируя их (габитус),

5.1) синтезируя все знания на основе повседневного знания, коммуникации, формы языка,

5.2) осуществляя системообразующие идентификации, идентичности – очищения – патологии, альтернации, объективацию, легитимизацию, институционализацию, интеграцию в экстернализации (экстериоризация) и интернализации (интериоризация) на языковой основе;

5.3) телеологию жизни в целом,

5.4) циклы социализации (первичной и вторичной),

5.5) систему стандартных переменных действия.

III. Обыденность есть:

1) Род экзистенциального опыта жизни

2) личности и соцгрупп в частном и интимном аспекте, практическом отношении, в том числе и в сфере труда, но именно имея в виду задний план трудовой деятельности, а не передний, то, что скрывается в сознании,

3) в выделенном местном пространстве-времени, настоящем времени,

4) осуществляя на семейно-частной основе сохранение и развитие в стереотипной форме (габитус) личности и семейных групп, общественных отношений,

5.1) формируя личную форму общественных отношений, коммуникации, языка,

5.2) идентификации – идентичности, очищения, альтернацию, объективацию, легитимизацию, институционализацию, интеграцию в интернализации – экстернализации на языковой основе,

5.3) частную телеологию,

5.4) циклы аффективных, эмоциональных отношений,

5.5) реальные мотивации и стандартные переменные действия.

IV. Общий статус повседневно-лингвистических процедур.

1. Повседневность и обыденность образуют специфический знаково-символический универсум реальных сущностей, отличных от декларируемых.

2. Основной язык в повседневности и обыденности – именно личная социально-ролевая и социально-профессиональная группа языков.

3. В повседневной и обыденной рефлексии внутренняя речь доминирует над внешней, имеют место быть примитивизация языка и речи и доминирование речи над языком в обыденности и языка над речью в повседневности. Вероятно, в повседневности приоритетна форма коллективности, а в обыденности приоритетна форма индивидуальности; необходима мера их сочетания. Во внешней же речи языковые конструкции стереотипизированы, являются формой габитуса.

4. Коммуникационный процесс троичен: а) типизирован; б) частично интимен и представлен именно частными языками; в) суэта, которая уничтожает духовное и душевное.

5. Всеобщей характеристикой языка и речи в повседневности и обыденности является их манипулятивная интенциональность, конструкции тождества – идентичностей, цель использования людей в своих интересах путем навязыва-

ния ложных потребностей, реализация которых позволяет реализовать интересы других людей, циклы аффективного воздействия, перформативность.

V. Система суждений в повседневности и обыденности.

1. Официальные позиции заинтересованного знания в селективной индукции.

2. Мнения как суждения без аподиктического и эмпирического обоснования.

3. Точки зрения специализированного узкого опыта, ограниченное знание личности определенной профессии.

4. Свидетельское знание, отказ от суждений. Пробабилистские суждения, вероятностные суждения на основе субъективной теории вероятности или ставочной модели вероятности ($P = r/r+s$).

5.1. Научные суждения вероятностного характера.

5.2. Взвешенные суждения (альтернативные суждения).

5.3. Целевые заинтересованные суждения в прагматической логике.

5.4. Суждения в рамках естественных циклов событий и стадий жизни.

5.5. Суждения об организациях и действиях, институтах – исходя не из истины или лжи, а из того, что по поводу реального положения вещей думают люди, с которыми ты сотрудничаешь и конкурируешь за выживание.

Система логик и суждений повседневности и обыденности, чтобы быть эффективной, должна:

– содержать меру истины и знания лжи, не быть соллипсистской и релятивистской,

– основываться на современном уровне науки и профессионального знания,

– включать в себя культуру устной речи как основы понимания и культуру письменной речи как форму институционализации, открывающей способности человека, реализуемой именно в устной речи и коммуникации субъектов формы жизни.

Литература

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Academia-Центр, «Медиум», 1995. – 323 с.

Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. - 528 с.

Гуляйкина С.О. Вариативность в речевых манипуляциях персонажей сказок (на материале англ. и русского языков). Автореф. к.ф.н. по спец. 10.12.19 – теория языка. – Ульяновск, 2007. – 20 с.

Луман Н. Реальность массмедиа. - М.: Праксис, 2005. - 254 с.

Шюц А. Структуры повседневного мышления // Социологические исследования, 1996. №1.

К ВОПРОСУ О СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИИ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ И МЕТАФОР

В современной науке оправдано внимание к изучению образных средств языка. Информация, полученная и получаемая человеком в процессе его развития, активно перерабатывается в процессе мышления и нуждается в постоянной систематизации и категоризации для дальнейшей передачи следующим поколениям. Роль своеобразных носителей информации – «номинативных ячеек» берут на себя образные средства языка, хранящие и передающие сформировавшиеся символы, устоявшиеся каноны, закореневшие стереотипы и накопленный опыт предшественников. К числу основных образных средств традиционно относят *устойчивые сравнения* и языковые *метафоры* в силу богатства их образно-мотивационных оснований.

Отметим, что сравнение – это явление междисциплинарное и каждая область науки склонна определять его по-своему. Например, в языковедении сравнение рассматривается как один из видов тропа. Н.Д. Арутюнова, определяя сравнение таким образом, обращает внимание на его близость с метафорой, и приводит несколько существенных признаков отличия между ними:

1. Для сравнения характерна свобода в сочетаемости с предикатами разных значений, метафора же лишена синтаксической подвижности. Ср.: *Он горд и непреклонен словно скала* и *Это человек – скала*.

2. Метафора лаконична, она сокращает речь, сравнение ее распространяет. В классическом варианте сравнение трехчленно (А сходно с В по признаку С), для метафоры в норме характерны две составляющие (А есть В).

3. Подобие (сравнение) может быть иллюзорным, это то, что показалось. Метафора – это то, что есть. Ср.: *Сегодня она порхала, как птица* и *Этот мальчик – настоящий медвежонок*. Делая выводы, Н.Д. Арутюнова отмечает, что «подобие есть нечто субъективное и иллюзорное».

В своем исследовании мы придерживаемся основных положений концепции Л.А.Лебедевой о том, что устойчивое сравнение не только понятие, фигура речи или стилистический прием, но особое языковое явление, особая языковая единица, наделенная значением и особой формой его выражения. Как и любая языковая единица, устойчивое сравнение обладает признаками, отличающими его от других явлений подобного рода.

Исследуя сходства и различия таких образных средств, как *устойчивое сравнение* и *языковая метафора* на материале ассоциативных экспериментов, отметим следующее:

1. Сравнения выражают существующие в том или ином обществе стереотипы, метафоры же не обладают подобным потенциалом (сравним *юноша сильный как лев* и *он – лев!*).

2. Метафоры со временем могут перейти в разряд устойчивых оборотов (*красивый как цветок, быстрый как река, прозрачный как озеро*). Устойчивые сравнения передаются из поколения в поколение, оставаясь практически неизменными в силу устойчивости компаративных элементов (*добрая как мама, глупый как осел*). Однако существуют сравнения, на формирование которых

влияние оказывают средства массовой информации, социально-экономические и политические события современности: *сильный как Рембо, жестокий как киллер, безжалостный как террорист, честный как пионер* и т.п.

3. Метафоры и устойчивые сравнения исследователи относят к явлениям постоянно развивающимся. Являясь особыми языковыми единицами, они предполагают широкий спектр направлений для интерпретации, поскольку являются одними из ярких образных средств, способных дать ключ к разгадке не только национального сознания, но и различных видов информации, так как участвуют практически в любой сфере познания.

Устойчивое сравнение и метафора, без сомнения, соотносятся на понятийном уровне, но эта соотнесенность регламентируется семантически: сумма частей в них не равна целому – это новые смыслы. Фоновые знания, пресуппозиции, представления о значимости обозначаемого явления в системе ценностно-смысловой ориентации этноса лежат в основе формирования семантики данных языковых единиц. Детерминированный характер ассоциаций – устойчивых сравнений содействует образности и убыстрению мышления («компрессии мышления»), потому что они и создаются и используются в нашей речи.

Канд. филол. наук М.И.Кадеева (Чимкент, Казахстан)
О СООТНОШЕНИИ ФЕНОМЕНОВ «ЯЗЫК»
И «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР»

Язык как важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире объединяет собственно языковое (структурное) своеобразие с особенностями характера той или иной социально-этнической общности. В этом случае принято говорить о *национальном характере*, занимающем важное место в каждом этническом образе языковой картины мира. «В языке мы всегда находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации <...> Именно они [языки] первостепенным образом <...> определяют национальный характер» [В.Гумбольдт 1985: 363]. Принято считать, например, что типичными чертами национального характера англичан является уравновешенность, чопорность, надменность, стремление следовать правилам; немцам же причисляют пунктуальность, бюрократизм, аккуратность, любовь к порядку, основательность в делах, дисциплинированность, трудолюбие; французам – страстность; американцам – прагматичность [И.С.Кон 1971: 125]. В соответствии с чертами национального характера, в том или ином обществе формируются стереотипы, призванные подчеркнуть характерные черты и сложившиеся представления об этносе.

В настоящее время изучение вопроса о соотношении феноменов *язык* и *национальный характер* во многом затруднено отсутствием четко разработанного понятийно-терминологического аппарата, и в первую очередь четкого и непротиворечивого определения понятия *национальный характер*

Отношение исследователей к понятию *национальный характер* сложно и противоречиво. Наряду с достаточно широким признанием понятия *национальный характер*, основанного на мнении о том, что представители одной нации

имеют общие личностные черты, типы мышления и модели поведения, бытует точка зрения, которая оспаривает его существование из-за опасения перед стереотипизацией и политической некорректностью. Поэтому в современных трудах, в особенности на Западе, на смену термину *национальный характер* приходят термины *базовая личность* или *социальный характер*, суть которых заключается в попытке найти основополагающие черты сходства между представителями определенной культуры. Н.А.Ерофеев для обозначения «словесного портрета или образа чужого народа» предлагает термин *этническое представление* [Н.А.Ерофеев 1982: 7]. С.М.Арутюнян говорит о *психологическом складе нации* как «своеобразной совокупности разнопорядковых явлений духовной жизни народа» [С.М.Арутян 1966: 23]. Однако наиболее распространенным термином остается *национальный характер*.

Несмотря на терминологический разнобой, ученые не отказываются от попыток исследовать национальный характер. Н.Джандильдин рассматривает национальный характер как «совокупность специфических психологических черт, ставших в большей или меньшей степени свойственными той или иной социально-этнической общности в конкретных экономических, культурных и природных условиях ее развития» [Н.Джандильдан 1971: 122]).

С.М.Арутюнян определяет его как «своеобразный национальный колорит чувств и эмоций, образа мыслей и действий, устойчивые и национальные черты привычек и традиций, формирующихся под влиянием условий материальной жизни, особенностей исторического развития данной нации и проявляющихся в специфике ее национальной культуры» [С.М.Арутюнян 1966: 31].

Распространенным является определение национального характера не как совокупности специфических, своеобразных, присущих только данному народу черт, а как своеобразного набора универсальных общечеловеческих черт. Так, Ю.В.Бромлей говорит «лишь об относительной специфике черт национального характера, нюансах их проявления» [Ю.В.Бромлей 1975: 94].

Согласно концепции А.Вежбицкой, можно «выявлять свойства национального характера, вычитывая их из национально-специфического в соответствующих языках» [А.Вежбицкая 1996: 21]. Однако, в отличие от теории Сепира-Уорфа, она считает, что, «наряду с огромной массой понятий, специфичных для данной культуры, существуют также некоторые фундаментальные понятия, подлежащие лексикализации во всех языках мира» [там же: 321], и предлагает выражать их с помощью семантических примитивов.

Отмечая национальную специфику каждого народа, в нее включают самосознание, привычки, вкусы, традиции, связанные с национальными чувствами, национальную культуру, быт, национальную гордость и национальные стереотипы в отношении к другим народностям. Дальнейшее решение вопроса о национальных особенностях коммуникации посредством междисциплинарного анализа может в перспективе доказать или, наоборот, опровергнуть существующий взгляд на менталитет и национальный характер отдельных народов и этносов.

Литература

- Арутюнян С.М. *Нация и ее психический склад*. – Краснодар, 1966.
Бромлей Ю.В. *Этнос и этнография*. – М., 1975.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996.

Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / Общ. ред. А.В.Гулыги и Г.В.Рамишвили. – М., 1985.

Джандильдин Н. Природа национальной психологии. – Алма-Ата, 1971.

Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853. – М., 1982.

Кон И.С. К проблеме национального характера // История и психология. – М., 1971.

Канд. филол. наук А.Ф.Калинин (Урюпинск)

**«ДВУСОСТАВНОСТЬ – ОДНОСОСТАВНОСТЬ» ПРЕДЛОЖЕНИЙ
ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ ИМЕННОГО ТИПА
В СИСТЕМЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
(ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ)**

Оппозиция «двусоставность-односоставность» является центральной в системе простого предложения русского языка. В русистике существуют две диаметрально противоположные точки зрения на проблему двусоставности-односоставности предложения. Традиционная точка зрения, связанная с именем акад. А.А. Шахматова, состоит в утверждении наличия в русском языке двусоставных и односоставных предложений (Шахматов 1941: 49). Другая точка зрения, проводимая проф. Г.А. Золотовой и её сторонниками, заключается в признании существования в языке только двусоставных предложений (Золотова 1989: 68). Таким образом, проблема типологии простого предложения, выявление его односоставности или двусоставности является в русском языке весьма актуальной.

Предложение как основная синтаксическая единица языка и речи характеризуется многоаспектностью, что определяет множественность подходов в его исследовании и обуславливает наличие различных классификаций.

Лингвистическая сущность предложений фразеологизированной структуры именного типа, их место в системе простого предложения русского языка являются мало изученными. Поэтому анализ структуры и семантики данных предложений, исследование их в основных аспектах: грамматическом и семантическом представляется актуальным.

Полагаем, вслед за авторами «Русской грамматики-80», что фразеологизированными являются предложения с индивидуальными отношениями между компонентами и индивидуальной семантикой; словоформы соединяются в них друг с другом идиоматически, причём служебные и местоименные слова, частицы и междометия в составе данных предложений функционируют не по действующим синтаксическим правилам (Русская грамматика 1980: 383).

В русском языке следует различать два крупных класса двусоставных предложений фразеологизированной структуры: глагольные и неглагольные, или предложения именного класса.

Заметим, что подобная классификация на данные два больших класса имеет место в научных грамматиках и в вузовском, и в школьном преподавании русского языка по отношению к предложениям, строящимся по свободным структурным схемам (см.: Русская грамматика 1980: 237-383).

Двусоставные глагольные предложения фразеологизированной структуры представлены в русском языке такими несвободными субстантивно-глагольными предложениями, как *Чего я не передумала; Где он только не бывал; Чтобы он когда-нибудь опоздал!* и др.

Семантика структурной схемы данных несвободных двусоставных предложений может быть определена как отношение между семантическим субъектом и его семантическим предикатом – предикативным признаком, обозначающим действие или состояние.

Двусоставные неглагольные предложения фразеологизированной структуры, исходя из грамматического аспекта, следует расклассифицировать, по аналогии с предложениями со свободными структурными схемами на следующие структурно-семантические типы: 1) бисубстантивный: *Вот голос так голос!; И тир весёлый им не в тир (А.С. Пушкин); Обед вышел как обед;* 2) субстантивно-адъективный: *Жизнь пустым – пустешенька (Л.Н. Толстой);* 3) субстантивно-прономинальный: *Её друг был ни то ни сё;* 4) субстантивно – квантитативный: *Мой приятель был там один-одиошенек;* 5) субстантивно – адвербиальный: *Всё оказалось вкривь и вкось.*

В семантическом аспекте данные предложения являются также двусоставными из-за наличия в их семантической структуре и семантического предиката, и семантического субъекта.

В современном русском языке, исходя из грамматического аспекта, обычно выделяют пять свободных структурно-семантических типов односоставных глагольных предложений: определённо-личные, неопределённо-личные, обобщённо-личные, безличные и инфинитивные и два свободных субстантивных, или именных типа предложений: номинативные и генитивные (Современный русский язык 2001: 423-441).

Как показал исследованный материал, в грамматическом аспекте в составе несвободных, или фразеологизированных односоставных глагольных предложений следует выделять такие же структурно-семантические типы, что и в свободных односоставных глагольных предложениях, и, кроме того, ещё один тип – безлично-инфинитивные предложения: 1) определённо-личные: *Вот возьму убегу!; Какой вы отец...?, Удавлюсь вот возьму!* (Г. Успенский); 2) неопределённо-личные: *Мало ли куда зовут!; Мало ли о чём говорят;* 3) обобщённо-личные: *Плачь не плачь, былого не воротишь;* 4) безличные: *И надо же было ему опоздать; Чего там только не было; Надо же такой беде случиться;* 5) инфинитивные: *Нет бы помолчать!; Нет бы уехать;* 6) безлично-инфинитивные: *Спрятаться от дождя было негде; Кипренскому было некого рисовать (К. Паустовский); Нечему было завидовать.*

В семантическом аспекте данные предложения являются двусоставными: в их семантической структуре представлены семантический предикат и семантический субъект.

В грамматическом аспекте субстантивные, или именные односоставные предложения фразеологизированной структуры, как и свободные предложения, представлены двумя структурно-семантическими типами: 1) номинативными предложениями: *Что за характер? Что такое художник?* (М.Е. Салтыков-Щедрин); *Что я ему?* и 2) генитивными предложениями: *Никаких разговоров!; Ни одного приятного воспоминания; Ни тонны угля.*

Синтаксические категории модальности, времени и лица, как составные компоненты предикативности (по В.В. Виноградову) – универсального грамматического значения предложения – проявляются следующим образом в данных фразеологизированных предложениях.

В именных односоставных предложениях фразеологизированной структуры, как и в соответствующих им свободных предложениях, проявляется объективная модальность реальности-ирреальности, зависящая от интонации предложения. В повествовательных именных предложениях выражается объективная модальность реальности, а в вопросительных – объективная модальность ирреальности, ср.: *Что за характер! – Что за характер?; Ни капли воды! – Ни капли воды?*

Субъективная модальность проявляется в данных типах предложений при наличии в них вводных слов или модальных частиц *конечно, безусловно, вероятно, разве, неужели* и др.: *Конечно никаких праздников!; Разве ни одной встречи?; Неужели никаких событий?*

Значимое отсутствие глагола в именных односоставных предложениях фразеологизированной структуры, как в именных свободных предложениях, передаёт расширенное настоящее время. Эти предложения не имеют парадигм временных форм.

Главный член в исследуемых именных односоставных предложениях не указывает на лицо, но по значению данные предложения соотносятся с третьим лицом: *Что за люди?; Что за толпа?; Никаких вопросов!; Ни литра молока.*

В семантическом аспекте именные предложения фразеологизированной структуры являются двусоставными. Семантику схемы в номинативных фразеологизированных предложениях можно определить как существование, наличие предмета или предметно-представленного действия, состояния. Семантический субъект в них эксплицитен, а семантический предикат – имплицитен.

Семантика схемы генитивных фразеологизированных предложений – это отрицание наличия предметов или предметно представленных действий, состояний; наличие семантического субъекта отрицается, семантический предикат имплицитен.

Итак, исследование предложений фразеологизированной структуры именного типа в двух основных аспектах выявило, что они являются односоставными предложениями в грамматическом аспекте, однако они представляют собой двусоставные предложения в семантическом аспекте.

Следовательно, при решении проблемы классификации и типологии простых предложений, и в частности, именных предложений фразеологизированной структуры, следует исходить из аспекта исследования предложения, что имеет определенное значение в теоретическом и практическом планах при изу-

чении несвободных предложений в системе простого предложения в русском языке.

Цитируемая литература

Золотова, Г.А. Об основаниях классификации предложений / Г.А. Золотова // Русский язык за рубежом: 1989.- №5.

Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т.2. Синтаксис. – М., 1980.

Современный русский язык: Учеб. для студ. вузов, обуч. по спец. «Филология» / под ред. П.А. Леканта. М., 2001.

Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – Л. 1941.

Асп. О.В.Колочкова (С.-Петербург)

ИМЯ И ГЛАГОЛ КАК КАТЕГОРИИ МЫШЛЕНИЯ И УЧАСТНИКИ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

Антитеза имени и глагола была осознана ещё в античности. До сих пор, исследуя данную проблему, многие учёные пытаются свести её решение к анализу связей, возникающих между субъектом и предикатом, темой и ремой, подлежащим и сказуемым, именем существительным и глаголом, зачастую чётко не отграничивая один уровень от другого. Действительно, так или иначе эти четыре оппозиции тесно взаимосвязаны, однако о прямой зависимости, а тем более о тождестве, на наш взгляд, здесь говорить не приходится. Рассмотрим подробнее соотношение данных рядов.

Существует множество определений предложения, однако все лингвисты сходятся в одном: предложение – это, прежде всего, законченная («окаменевшая») мысль. При этом возникает вопрос: **что такое мысль?** Традиционный ответ на него: «Мысль – это *результат* мышления», однако, на наш взгляд, данное определение требует существенного уточнения: «Мысль – это условная единица мышления, искусственно зафиксированная в предложении». *Искусственно* и *единица*, а не просто *результат*, так как мышление – как природная способность человека непрерывно интерпретировать явления окружающей действительности – является процессом недискретным.

Таким образом, можно говорить о том, что мысль всегда актуализирует понимание происходящего через соотнесение неизвестного с известным (=узнавание), то есть имеет бинарную структуру *О Чём? ~ Что?*, где *О Чём?* можно назвать предметом мысли (тема), а *Что?* – тем актуальным смыслом, который данному предмету мысли предикруется в конкретных условиях (рема), причём в *О Чём?* должно быть дано основание того, почему оно требует именно такого *Что?*

Прежде чем произнести *помысленное*, мы обязаны его оформить по законам языка, иначе можем потерпеть коммуникативную неудачу. В этом смысле язык расчленяет мысль на отдельные слова, модифицируя (иногда до неузнаваемости) тот смысл, который мы желали передать вначале. Итак, теперь мы имеем дело с конкретным высказыванием, в котором, используя синтаксиче-

ский инструментарий языка, уже можем выделить подлежащее и сказуемое, то есть данная операция нахождения грамматической основы предложения вторична по отношению к «высказанной мысли», это собственно научная процедура, целью которой является установить новые – вербализированные – *Что?* и *О Чём?*, необязательно совпадающие с первоначальными.

Однако очень часто в русском языке встречаются не «идеальные» двусоставные предложения, а всякого рода неполные (особенно в разговорной речи) и односоставные, то есть такие структуры, в которых наличествует лишь *Что?*, какая-то коммуникативно релевантная информация. Исходя из такого положения дел, можно задаться следующим вопросом: где в таких конструкциях *О Чём?* Очевидно, что оно где-то должно быть, так как признак чему-то нужно предиктировать, таким образом, можно говорить о том, что в некоторых случаях это *О Чём?* может находиться за пределами мышления, а следовательно, за пределами и собственно языкового контекста, однако при этом входить в структуру речевой ситуации (ср., например, предложение: «Принеси мне газету»). Иными словами, необходимо ещё раз подчеркнуть, что мысль в любом случае остаётся двучленной (невозможно присоединить признак к «ничему», точно так же, как не имеет смысла говорить только *О Чём?* без добавления к нему нового смысла) независимо от структуры предложения, которая может включать в себя лишь один из её компонентов.

Следующий уровень анализа отношений между системами имени и глагола – морфологический, или частеречный. Действительно, форма имени существительного для выражения *О Чём?* и форма глагола для выражения *Что?* являются наиболее удобными. Другими словами, говорящему необходимо как можно точнее выделить предмет своего говорения и в то же время подобрать такой глагол, который был бы наиболее ёмким с точки зрения выражения им смысловых элементов предиктируемого признака.

Что же касается «логической предикативности», воспринимаемой многими лингвистам в качестве идеальных смысловых отношений внутри предложения, которое, несмотря ни на какие объективные препятствия, чинимые естественным языком, эти учёные пытаются редуцировать до суждения, то здесь стоит говорить о ещё одном, самом верхнем уровне анализа формализованных *Что?* и *О Чём?* Иными словами, искать логический субъект и предикат целесообразно только в классическом двусоставном предложении, другие же конструкции суждениями не являются, а значит, не имеют права «быть подогнанными» под процедуры логического анализа.

Докт. филол. наук А.В.Королькова (Смоленск)
АФОРИЗМ – ОБЛАСТЬ ЗНАНИЯ?

Особая точка зрения на афоризм как особую форму изложения философских воззрений представлена исключительно в работах известных философов. Среди них следует назвать М.П.Погодина и его книгу «Исторические афоризмы», П.Я.Чаадаева – «Отрывки и афоризмы» (лаконичная и емкая форма афоризма казалась ему достойной формой выражения «великой мысли о слиянии

философии и религии»), В.О.Ключевского, Л.И.Шестова, В.В.Розанова, которые утверждали, что только афоризмы – единственно возможная форма литературного воплощения их философских воззрений.

Многие современные исследователи также видят в афоризме форму познания действительности и выражения некоей истины. Например, Л.С. Чуманов в статье «Интерактивное изучение философии: от афористики к истории идей» утверждает, что афористика – путь систематизации философских знаний [Л.С.Чуманов 2002].

Некоторые литературоведы утверждают, что афоризмы находятся на самой границе философии и литературы. Об этом писали И.В. Лукьянец и Н.О. Гучинская [И.В.Лукьянец 1996; Н.О.Гучинская 1993].

Однако есть и другие точки зрения на природу афоризмов. Так, в 2002 году появляется работа Д.А.Крячкова «Языковой афоризм как средство репрезентации говорящего в американском политическом дискурсе: На материале избирательной кампании» [Д.А.Крячков 2002], принципиально по-иному рассматривающая природу афористики как таковой. Автор предлагает принципиально иной термин «языковой афоризм», который возник в недрах лингвострановедения, и утверждает, что в таком случае в афористику должны безоговорочно входить крылатые слова, широко известные призывы, девизы, лозунги, формулы, пословицы и поговорки, то есть «изречения, обладающие разным лингвистическим статусом, неодинаковыми системными, структурными и семантическими характеристиками». Объединяются такие разнородные явления лингвистики в единое целое с точки зрения их национально-культурного содержания, способности отражать культурные, эстетические и пр. представления определенной лингвокультурной общности [Д.А.Крячков 2002: 60]. Для объединения столь разнородных лингвистических явлений в единое целое и для смелого названия их языковыми афоризмами Д.А.Крячков привлекает иной лингвистический пласт – фразеологию. И не без основания. Он пишет: «В данном исследовании определение принадлежности ЯА <языковых афоризмов – А.К.> к фразеологии основывается на выявлении в них признаков, характерных для фразеологических единиц». Сопоставляя признаки ФЕ и ЯА, Д.А.Крячков приходит к выводу о том, что большая часть ЯА обладает всем набором черт ФЕ, а именно: «экспрессивность, семантическая устойчивость, коннотативность». Далее в работе делается оговорка о том, что нельзя безусловно отнести все ЯА к фразеологии, но и нельзя безоговорочно выводить их за пределы фразеологии.

Концепция языковых афоризмов Д.А.Крячкова базируется на предложенной В.Г.Костомаровым и Е.М.Верещагиным классификации афоризмов в предисловии к книге В.П.Фелицына и Ю.Е.Прохорова «О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческом учебном словаре». В данной работе они указывают, что афоризм – «изречение (обычно в форме фразы), выражающее какую-либо обобщенную мысль; для афоризма обязательны как законченность мысли, так и яркость, отточенность формы мысли» [В.Г.Костомаров, Е.М.Верещагин 1980: 5].

В.Г.Костомаров и Е.М.Верещагин предлагают все афоризмы разделить на речевые (индивидуальные) и языковые (массовые). Специфическими чертами

языковых афоризмов при этом предлагается считать: массовую воспроизводимость («языковые афоризмы всем известны и всеми употребляются в речи»); возможность иметь второй план, то есть переносное значение («этот признак – наличие второго плана – часто присутствует у языковых афоризмов, но все-таки двуплановость не является таким же неизменным их свойством, как массовая воспроизводимость»); афоризмы в семантическом плане эквивалентны предложениям. [В.Г.Костомаров, Е.М.Верещагин 1980: 6]

Основой для понимания сущности афоризма и афористики, на наш взгляд, должно стать осознание двойственной природы данного явления: и как жанра литературы, и как части фразеологии в широком значении. Заметим, что впервые подобная точка зрения была высказана Ю.Е.Прохоровым в кандидатской диссертации «Лингвострановедческое описание русской афористики в учебных целях» (1977).

Цитируемая литература

Гучинская Н.О. Афоризм как интертекстуальный вариант лирико-стихотворного текста. // Интертекстуальные связи в художественном тексте. – СПб, 1993.

Костомаров В.Г., Верещагин Е.М. О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческом учебном словаре. // В.П. Фелицын, Е.Ю. Прохоров. Русские пословицы, поговорки, крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. – М., 1980.

Крячков Д.А. Языковой афоризм как средство репрезентации говорящего в американском политическом дискурсе: На материале избирательной компании. Дис. ... канд филол. н. – М., 2002.

Лукьянец И.В. Стилистическая эволюция жанра афоризма (Шамфор. Максимумы и мысли, характеры и анекдоты) // Анализ стилей зарубежной художественной и научной литературы. Вып.7. – Л., 1996.

Прохоров Ю.Е. Русские крылатые выражения как объект учебной лексикографии // Актуальные проблемы учебной лексикографии. – М., 1977.

Чуманов Л.С. Интерактивное изучение философии: от афористики к истории идей. // Материалы XII международной конференции-выставки «Информационные технологии в образовании». – М., 2002.

Аспирант Е.В. Куликова (Ульяновск)

ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СПОСОБОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА).

Явление психологической защиты изучается, прежде всего, в рамках психологической области научного знания, однако, несмотря на многоплановость исследовательских подходов, не имеет единого концептуального основания. Так, З.Фрейд, впервые обозначивший термин «защита» в 1894 в работе «Защитные нейропсихозы» (S.Freud 1963), рассматривал психологическую защиту как форму разрешения конфликта между бессознательными влечениями и ин-

териоризованными¹ социальными требованиями и запретами (психоаналитическая концепция). А.Фрейд и представители Эго-психологии рассматривают психологическую защиту как адаптивный способ познания мира, продукт индивидуального опыта и научения (А.Фрейд 1993). В дальнейшем многообразие теоретических и эмпирических представлений о явлении выразилось в научных идеях представителей неопрейдизма (К.Хорни, Г.Салливан, Э.Фромм, Э.Эриксон, А.Адлер, В.Райх, П.Лойстер, Э.Берн и др.), исследователей стресса (Т.Кокс, Х.Крон, Р.Лазарус, Г.Селье, Р.Плутчик, Х.Шредер, Д.Улич и др.), практических психотерапевтов (В.М.Воловик, В.Д.Вид, В.Ф.Бассин), психофизиологов (В.С.Роттенберг) и др. Дифференцированность методологических подходов к изучению феномена психологической защиты позволяет говорить об отсутствии единого понимания сущности и структуры данного понятия.

Современные авторы, продолжая преимущественно психоаналитическую традицию, определяют психологическую защиту как «систему регуляторных механизмов, которая направлена на устранение или сведение к минимуму негативных, травмирующих личность переживаний, сопряжённых с внутренним или внешним конфликтом, состояниями тревоги и дискомфорта (В.П.Зинченко, Б.Г.Мещеряков 1999: 116), «систему стабилизации личности» (С.Ю.Головин 1998: 173), «подсознательную стратегию, защищающую разум от чувства тревоги» (М.Кордуэлл 2000: 111), как «любую из ряда реакций, которую человек бессознательно усваивает и использует для защиты своих внутренних психических структур» (А.Ребер 2000: 277). Как видим, для всех определений психологической защиты характерен общий момент: понятие ситуации конфликта, стресса, травмы, а также цель – снижение эмоциональной напряженности, вызванной конфликтом, и предотвращение дезорганизации поведения, сознания, психики.

Психологическая защита «позволяет человеку «уходить» от окружающей реальности в режиме экономии мыслительных усилий» (А.В.Пузырёв 2004: 57), поскольку проявляется функционированием бессознательных психологических механизмов, количество которых варьируется от 15 до 34. Поскольку, согласно понятийной системе А.В.Пузырёва, закон экономии усилий проявляется наряду с уровнем мышления также на уровнях языка, речи и коммуникации (А.В.Пузырёв 2004: 53), очевидным становится тот факт, что психологическая защита проявляется на всех вышеперечисленных уровнях. Данное гипотетическое утверждение является основанием для психолингвистического исследования явления психологической защиты, основывающееся на субстратном подходе, предложенном А.А.Гагаевым (А.А.Гагаев 1991) и переведенном на категориальную базу лингвистики А.В.Пузыревым (А.В.Пузырёв 1995).

Рассмотрим четыре уровня изучения психологической защиты в рамках данного исследования.

1. Когнитивный уровень.

¹ Интернализация (интериоризация) – процесс принятия разного рода социальных и культурных требований извне и постепенное присвоение их таким образом, что они становятся своими собственными (И.М.Никольская, Р.М.Грановская 2006: 9).

На уровне мышления нас, прежде всего, интересуют предпосылки возникновения психологической защиты у субъекта. Субъект бессознательно склоняется к тому или иному механизму, посредством которого игнорируется или изменяется то, что вызывает ощущение беспокойства или угрозы. Вероятно, на данном уровне исследования следует разграничить понятия «субъект - инициатор» и «объект» психологической защиты. В одном случае имеет место способ психологической защиты с субъектом, который инициирует её в своё когнитивное поле (вытеснение, регрессия, сублимация и др.). В другом случае психологическая защита субъекта-инициатора может быть направлена на другой объект (субъективной (субъект-адресат) или объективной природы):

Пример 1.

Субъекты-инициаторы: дядя Яков, дядя Михаил.

Субъект-адресат: Цыганок.

Ситуация: дядья Яков и Михаил ругают Цыганка «за глаза».

Способ психологической защиты: проекция.

Способ выражения способа психологической защиты: контекстуальный + прямой.

«Но и о Цыганке за глаза дядья говорили сердито, насмешливо, порицали его работу, ругали вором и лентяем. Я спросил бабушку, отчего это.

Охотно и понятно, как всегда, она объясняла мне:

– А видишь ты, обоим хочется Ванюшку себе взять, когда у них свои-то мастерские будут, вот они друг перед другом и хают его: дескать, плохой работник! Это они врут, хитрят. А ещё боятся, что не пойдёт к ним Ванюшка, останется с дедом, а дед – своенравный, он и третью мастерскую с Иванкой завести может, – дядьям-то это невыгодно будет, понял?

Она тихонько смеялась:

– Хитрят всё, Богу насмех! Ну, а дедушка хитрости эти видит да нарочно дразнит Яшу с Мишей: «Куплю, – говорит, – Ивану рекрутскую квитанцию, чтобы его в солдаты не забрали: мне он самому нужен!» А они сердятся, им этого не хочется, и денег жаль – квитанция-то дорогая!» (Горький, 1982 : 28-29).

В приведённом примере у субъектов-инициаторов функционирует психологический механизм защиты – отрицательные качества («о Цыганке за глаза дядья говорили сердито, насмешливо, порицали его работу, ругали вором и лентяем»; «они друг перед другом и хают его: дескать, плохой работник!») проецируются на субъекта-адресата. На когнитивном уровне прослеживаются также предпосылки, причины возникновения психологической защиты у субъектов-инициаторов, что выражается другим героем в исследуемом примере.

Считаем, что на когнитивном уровне также следует разграничивать понятия «стратегия», «тактика» и «способ» психологической защиты.

2. Языковой уровень

Исследование явления психологической защиты на языковом уровне предполагает анализ лингвистических механизмов её функционирования, языковые проявления психологической защиты. Поскольку анализ психологической защиты затруднён для лингвиста специфичностью данного явления (проявление прежде на бессознательно-психологическом, затем когнитивном уровне, позже

– в языке (наше предположение)), считаем целесообразным проведение исследования на материале художественной прозы.

Анализ психологической защиты в языковом плане предполагает исследование типологических понятийных образований. Уровень языка представляет собой уровень, на котором реализуется анализ событий, происходящих извне – анализ предположительной ситуации, субъектов, в ней функционирующих. То есть языковой уровень предполагает наличие этих структурных образований в объективной реальности, однако не исключает и их отсутствие. Языковой уровень таких «предположений» представляет собой прагматическое единство тех готовых фреймов, которые тот или иной субъект имеет в своём распоряжении. При исследовании психологической защиты в языковом плане мы можем, таким образом, *предполагать* наличие некоей конкретной ситуации, в которой разворачивается данное явление, наличие функционирующих в ней субъектов (инициатора и адресата). Также в языковом плане мы можем предположить, что существует определённое количество способов психологической защиты.

3. Речевой уровень

Полагаем, что при анализе психологической защиты на уровне речи необходимо рассмотреть формы проявления сущности изучаемого феномена и определить набор речевых средств (фонетических, лексических, морфологических, синтаксических, семасиологических), которые характерны для того или иного способа психологической защиты. Кроме того, исследование речевого уровня предполагает анализ прагматических особенностей речевых высказываний, инициируемых субъектом с функционирующей психологической защитой: возможно описание иллокутивных свойств высказываний, характерных для той или иной защиты и их классификация.

В произведениях литературы имеется два типа языкового описания: 1) прямое и 2) контекстуальное. Следовательно, функционирование психологической защиты возможно в двух планах выражения: прямом и контекстуальном.

Пример 2 (жирным шрифтом выделено контекстуальное выражение психологической защиты).

Субъект-инициатор: Каренин А.А..

Ситуация: конфликт Каренина А.А. и Анны из-за её измены.

Способ психологической защиты: подавление.

Способ выражения способа психологической защиты: контекстуальный

Сам того не осознавая, Каренин ждал смерти Анны, так как «смерть её развяжет сразу всю трудность его положения». Войдя в дом, он спросил швейцара:

– Что барыня?

– Вчера разрешилась благополучно.

Алексей Александрович остановился и побледнел. Он ясно понял теперь, с какой силой он ждал её смерти.

– А здоровье?

– Очень плохи, – отвечал он. – Вчера был докторский съезд, и теперь доктор здесь.

– *Возьми вещи, – сказал Алексей Александрович, и, испытывая некоторое облегчение от известия, что есть всё-таки надежда смерти, он вошёл в переднюю (Толстой, 1959: 480).*

В примере 2 о механизме психологической защиты «Подавление» свидетельствует контекстуальное описание автором состояния, мыслей субъекта-инициатора.

Также стоит заметить, что при контекстуальном выражении психологической защиты имеют место невербальные маркеры. В примере 2 маркерами подавления являются характеристики невербального поведения субъекта-инициатора «остановился и побледнел». О невербальных проявлениях психологической защиты упоминается ещё А.Фрейд: «Телесные характеристики, такие, как скованность и напряжённость, такие особенности, как постоянная улыбка, высокомерное, ироничное и дерзкое поведение, – всё это остатки очень сильных защитных процессов в прошлом, которые оторвались от своих исходных ситуаций (конфликтов с инстинктами или аффектами) и превратились в постоянные черты характера, «броню характера»» (А.Фрейд 1993 : 31). Таким образом, в перспективе исследования можно классифицировать невербальные маркеры, характерные для определённых способов психологической защиты, выделенные на основе анализа материала художественной прозы.

4. Коммуникативный уровень

Психологическая защита также может быть исследована в коммуникативном плане, когда учитываются, прежде всего, экстралингвистические факторы. При этом необходим учёт факторов ситуативности, контекста (в широком смысле этого понятия, общего контекста протекания явления психологической защиты), установки, цели субъекта (субъектов), их отношения. Важным для исследования является учёт половых, возрастных и типологических свойств субъектов, которые обуславливают особенности их защитного поведения. Кроме того, представляется возможным классифицировать способы психологической защиты, характерные для того или иного типа психологической личности.

Таким образом, исследование языкового выражения способов психологической защиты является актуальным в связи с отсутствием аналогичных работ в психолингвистическом направлении. Перспектива изучения данного явления в языковом аспекте обуславливается применением субстратного подхода, предполагающего учёт четырёх основных уровней анализа: когнитивного, языкового, речевого и коммуникативного. Каждый уровень имеет характерные особенности, которые позволят развить психолингвистические знания в области исследования психологической защиты.

Цитируемая литература:

Большой толковый психологический словарь / Ребер Артур. Том 1 (А – О): Пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 2000. – 592 с.

Гагаев А.А. Теория и методика субстратного подхода в материалистической диалектике. – Саранск: Изд-во Мордов. университета, 1991. – 308 с.

Горький М. Детство. – М.: Издательство «Правда», 1982. – 624с.

Никольская И.М., Грановская Р.М. Психологическая защита у детей (электронный ресурс). – СПб.: Речь., 2006. – 342 с.

Кордуэлл М. Психология: А-Я: Словарь-справочник /Пер. с англ. К.С. Ткаченко. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 448с.

Психологический словарь /Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г.Мещерякова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Педагогика-Пресс, 1999. – 440с.

Пузырёв А.В. Закон экономии усилий в аспекте тетрахомотии *всеобщее – общее – особенное – единичное* // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 4-ой Всероссийской научной конференции (Пенза, 12-15 мая 2004 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырев. – М.; Пенза: Институт языкознания РАН; ПГПУ имени В.Г.Белинского; Администрация г. Пензы, 2004. – С. 53-65 с.

Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза: Институт языкознания РАН, ПГПУ имени В.Г.Белинского, 1995. – 378 с.

Словарь практического психолога /Сост. С.Ю.Головин. – Минск: Харвест, 1998. – 800с.

Толстой Л.Н. Анна Каренина //Собр. соч.: В 12 т. Т.11., М., 1959

Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы: Пер. с англ. – М.: Педагогика, 1993. – 144 с.

Freud S. The defense neuro-psychoses // The collected Papers: in 10 V. – N.Y.: Collier Books, 1963. – V.2. – 81 p.

Канд. филол. наук М.А.Лапыгин (Елец)

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ *ВТОРИЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ*

Любой письменный текст является отражением сознания автора. В свою очередь, в сознании автора преломляется действительность. Следует, вероятно, признать, что действительность существует в некоем пространственно-временном континууме. Действительность обычно воспринимается человеком в трех аспектах: прошлом, настоящем, будущем. Аспект личного прошлого доступен субъекту в воспоминаниях. Аспект социального прошлого доступен через текст, сообщенный другим субъектом. Семейные и родовые предания долгое время существуют в устном виде, транслируются из поколения в поколение, пока, трансформируясь, не угаснут или не будут зафиксированы в письменном тексте конкретным лицом.

В принципе, то же самое происходит и с более крупными, чем семья и род, социальными образованиями. История города, области или провинции, страны, государства, народа, нации, расы и всего человечества в конце концов отражается в письменном тексте: появляются исторические документы или источники, или письменные «следы» (в терминологии французской историографии) (Г.М.Иванов 1981: 79). Это могут быть погодные списки событий (летописи), составляемые чаще всего современниками этих событий, различные договоры, грамоты, записки участников событий и др. Все указанные источники могут долгое время существовать в различных физических формах (глиняные таблички, папирус, пергамент, бумага, береста, пальмовые листья и т. п.). Однако в силу разных причин может произойти физическая утрата этих носителей. Она

может быть восполнимой (например, договор существовал на двух языках, и другая сторона сумела сохранить его), а может быть и невосполнимой. В первом случае при восстановлении неизбежно произойдет трансформация переводимого текста, а во втором случае события, описанные в источниках, могут быть навсегда утрачены для исторической памяти.

Указанные источники, касающиеся даже одной точки пространственно-временного континуума прошлого, вместе представляют собой конгломерат, в котором как в осколках разбитого зеркала представлены более или менее крупные отражения. На наш взгляд, такой конгломерат и будет *первичным историческим текстом*.

Развивающееся общество со временем испытывает потребность в монолитной, неразрывной картине прошлого. Возникает необходимость в целостном отражении. Такое отражение даёт личность историографа, который собирает осколки разбитого зеркала и создаёт новое. Но в этом случае качества зеркала во многом зависят от творящего субъекта.

Следовательно, *вторичный исторический текст* по времени создания далеко отстоит от описываемых событий, почти всегда персонален, в нем неизбежно представлена личность историка, присутствуют, по словам С. Ф. Платонова, «общая и частная тенденции» (Платонов 1996: 11). Эти обстоятельства позволили сказать Хайдену Уайту следующее: «надо подходить к историческому произведению только как к тому, чем оно с полной очевидностью является, – как к вербальной структуре в форме повествования в прозе» (White 1973: IX).

Таким образом, безусловно, следует говорить о филологических исследованиях как первичных, так и вторичных исторических текстов.

Цитируемая литература

Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В. Методологические проблемы исторического познания. – М.: Высшая школа, 1981. – 296 с.

Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. – Петрозаводск, 1996.

White H. Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. – Baltimore : London: The John Hopkins U. P., 1973. – 286 p.

Соискательница Н.Г.Мирошниченко (Самара)

КОНЦЕПТ «ИГРА»: К ПРОБЛЕМЕ ПОИСКА СЕМАНТИЧЕСКОГО ИНВАРИАНТА

В науке не раз предпринимались попытки классификации различных видов игр, но, как правило, сложность и многомерность самого понятия не позволяли обнаружить «стержень» феномена, то, что объединяет частные проявления под одним общим наименованием.

Анализ метафор, репрезентирующих концепт «игра», дает возможность рассматривать игровые действия как определенный вид деятельности, которая предполагает выделение в своем составе следующих элементов: субъект, другой участник ситуации, процесс, инструмент, цель, результат, пространствен-

ные и временные характеристики, а также качественные признаки, служащие критерием разграничения различных видов игр.

От традиционной структуры деятельности данную схему отличает, во-первых, отсутствие объекта, испытывающего на себе влияние действий субъекта, а во-вторых, обязательное наличие, помимо основного игрока, иного – пассивного или активного – участника.

В большинстве контекстов с «игровыми» метафорами не участвуют компоненты 'цель', 'локус' и 'темпоральные характеристики', однако имплицитно они присутствуют в структуре ситуации и в некоторых случаях могут быть актуализированы.

Особых пояснений требует присутствие в предложенной нами схеме компонента 'качественные признаки', под которым мы понимаем *ритуальность*, т. е. существование установленного порядка действий и норм поведения, в совокупности определяющих ход игры и по этой причине отличающих ее от других видов деятельности, с одной стороны, и от других игр, с другой. В отношении к азартным, спортивным и интеллектуальным играм данный элемент ситуации находит выражение в наличии системы правил. Ритуализованность, заданность развертывания игровой ситуации относительно театральной игры проявляет себя в сценарности последней. Например: 1) метафора «Жизнь – азартная игра»: *Что ни толкуй Вольтер или Декарт – / Мир для меня – колода карт, / Жизнь – банк; рок мечет, я играю, / И правила игры я к людям применяю* (Лермонтов). Компоненты ситуации: играющий субъект и процесс игры (я играю), контрагенты (рок, люди), схема этого процесса (правила игры), инструмент (колода карт). Имплицитно в структуре данной ситуации заявлены цель (сорвать банк), локус и темпоральные характеристики (границы времени и места жизни игрока).

2) метафора «Жизнь – театральная игра»: *Шестой год он жил этой странной, двойной жизнью и, казалось бы, совсем привык к ней, но время от времени ... ему вдруг приходило в голову, что ... разыгрывается причудливое театральное представление с ним, Руматой, в главной роли. Что вот-вот после особенно удачной его реплики грянут аплодисменты и ценители из Института экспериментальной истории восхищенно закричат из лож: «Адекватно, Антон! Адекватно!»* (Стругацкие). Компоненты ситуации: играющий субъект (Румата), процесс (разыгрывается театральное представление), другие участники игрового действия (публика – ценители из Института экспериментальной истории), его регламентированность (соответствие роли). На периферии данной игровой ситуации находится локальная характеристика, которая выражается в противопоставлении актерского пространства (сцены) зрительскому пространству (ложам).

Проведенный анализ языкового материала позволяет сделать вывод о типичности указанного компонентного состава игровой ситуации по отношению к абсолютному большинству примеров метафорической реализации концепта «игра». Данная структура допускает определенную степень варьирования в плане актуализации / деактуализации ее отдельных элементов, но обязательной, ядерной составляющей, безусловно, является *ритуальность*, заданность протекания процесса в соответствии с установленными канонами игрового действия.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА

(на примере концепта «рука»)

Концепт определяется как комплексная единица изучения мышления, культуры и языка в их связи. Поскольку изучению доступна лишь вербализованная часть когнитивных структур, исследование концепта – это исследование средств его языковой объективации для последующего моделирования его содержания. Объектом нашего исследования является концепт «рука». Осветим основные методы и результаты его анализа.

1. В системно-языковых характеристиках базового имени концепта (частотность и место в лексической системе языка, состав ЛСВ и деривационного поля) получает отражение осмысление значимости руки как денотата концепта в качестве универсального орудия. Существительное *рука* входит в активный словарь (в сотню наиболее частотных слов русского языка) и занимает первое по частотности место среди соматизмов), ядро лексической системы русского языка, общеславянский лексический фонд, находит соответствия в индоевропейских языках, относится к полисемантическим единицам лексики и обладает обширным деривационным полем. Одновременная многозначность и словообразовательная активность свидетельствуют об информационной и коммуникативной потребности в объективации исследуемого концепта.

Система значений имени *рука* соотносима с аспектами телесности и деятельности и отражает результат осмысления соответствующего денотата как части тела человека и как орудия его деятельности. Система ЛСВ фиксирует потенциал расширения базовых значений, связывающих руку с категорией тела, в область деятельности. Рука как орудие действий, имеющих предметную основу, соотносится с представлением о различных видах деятельности, типах отношений, приобретает символический характер и может служить для характеристики человека в аспекте его деятельности.

2. Системно-языковой уровень реализации концепта дает возможность очертить контуры его содержания. Более полное моделирование содержательной структуры обеспечивается за счет обращения к функционированию вербализующих концепт средств в различного рода контекстах – к его речевой реализации. Исследование показало, что содержание концепта реализуется в двух аспектах: *телесном и деятельностном*. В этих аспектах концепт представляет человека в различных сферах его *жизнедеятельности*. Телесный аспект (рука как часть тела с присущими ей характеристиками) репрезентирует физиологическую сферу, деятельностный – сферы физической деятельности, труда; социальную, межличностную; психологическую. Активность рук как орудия предметной деятельности обуславливает продуктивное функционирование концепта в сферах деятельности непредметной.

3. В этимологической памяти концепта (происхождении имени *рука*) закреплено не только представление о руке как орудии (*rQka от *ręnkti ‘собирать, загребать’, следовательно, старшее значение – ‘орудие собирания, загребания’), но отражена и семантика обладания – рука названа по своей основной

берущей функции. Семантика обладания/ власти связывает аспекты содержания концепта. Возможность захвата объекта рукой – обязательное условие возможности манипулировать, владеть им. Феномен обладания как предметного владения приобретает расширенную трактовку – рука становится символом власти, управления, контроля в целом. Отношения власти-зависимости являют закономерное перенесение представлений о предметном обладании на абстрактную сферу отношений.

4. Нельзя не отметить обширное поле фразеологических оборотов и выражений, включающих базовое имя и соотносимые соматизмы. Кроме того, что показательно само их количество (всего более 380), они репрезентируют наиболее важные содержательные компоненты концепта, демонстрируют, как сквозь его призму в обобщенном виде представляется жизнедеятельность человека в основных ее сферах.

5. Сопоставление результатов с анализом ассоциативных связей ключевой леммы для установления психологически реального для носителя языка содержания концепта. Анализ выявил, что выделенные аспекты содержания концепта, репрезентируемые им базовые сферы жизнедеятельности человека могут быть прослежены и на уровне ассоциативного реагирования.

Исследование также показало, что основным когнитивным механизмом функционирования концепта является метонимия, участвующая на его базе в различных процессах.

Исследуемый концепт «рука» представляет собой значимую составляющую концептосферы человека, является устойчивым, коммуникативно релевантным и регулярно вербализуемым.

Асп. Н.В. Мыльникова (Самара)

МЕТОНИМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ В СФЕРЕ КОНЦЕПТА «РУКА»

Концепт – единица структурированного знания. Та или иная совокупность наших знаний о предмете или фрагменте действительности определенным образом систематизирована. Изучение языкового воплощения концептов позволяет выявить не только их содержание, но также и когнитивные модели/ механизмы, организующие его, определяющие функционирование концепта.

По итогам проведенного исследования мы можем сделать вывод о том, что базовым механизмом функционирования концепта «рука», действующим наиболее последовательно, является метонимия. В сфере исследуемого концепта она участвует в различных процессах.

1. Семантическая деривация (метонимический перенос базового имени-репрезентанта, леммы *рука*). Анализ показал, что метонимическую логику обнаруживает образование лексико-семантических вариантов имени *рука*, связанных как с телесным, так и с деятельностным аспектами содержания концепта. В рамках деятельностного аспекта значения организуются по логике пропозиционного типа: векторы переноса леммы *рука* отражают типовые пропозиционные связи – переносимое имя обозначает различные компоненты ситуации действия/ деятельности. Общие векторы переноса: *орудие деятельности* → *че-*

ловек как деятель/ его характеристики; орудие деятельности → собственно деятельность/ ее характеристики. Актуализируя метонимические отношения, рука способна репрезентировать и характеризовать своего обладателя в его деятельности, акцентируя при этом тот или иной аспект характеристики: обозначение самого действия, деятеля, его качеств и т.д.

Намеченные в актах переноса слова-названия направления характеристики человека получают более много- и разнообразную речевую реализацию. Человек характеризуется в разных аспектах его жизнедеятельности: в сфере труда (*работящие, умелые, ловкие, искусные, трудолюбивые руки*), межличностных отношений (*заботливые, щедрые, честные, милосердные, жадные, жестокие, злые*), внутренних состояний (*руки спокойные, нервные, робкие, безвольные, чуткие, тоскуют*). При возможности непосредственно указать на субъекта метонимическая характеристика чрезвычайно регулярна и разнообразна. Метонимия обеспечивает так называемый эффект крупного плана, дает возможность сфокусировать внимание на чем-то определенном, существенном в данный момент. Она способствует вариативной номинации, разноаспектной, ситуативно точной, индивидуализирующей характеристике, созданию ярких, экспрессивных образов человека, выполняя нередко текстообразующую функцию.

2. Словообразовательная деривация – деривационное поле имени *рука* также демонстрирует метонимическую организацию – пропозиционного типа. Производные с корнем *-рук-/-руч-* отражают отношения смежности компонентов типовой ситуации и именуют соответствующие компоненты. По логике пропозиции в рамках поля выстраиваются отдельные пары дериватов, гнезда и подгнезда. В качестве организующего центра (вершины) выступает, как правило, именуемый всю ситуацию глагол (реже – отглагольное существительное). Метонимическая логика обнаруживается и в мотивации формирования производных ЛСВ ряда дериватов. Векторы метонимического переноса имен отражают пропозиционную структуру, одно имя используется для обозначения компонентов в рамках определенной ситуации действия/ различных видов деятельности, связываемых с руками.

3. Перенос способа рассуждения о человеке, связанного с концептом, на различные реалии и явления, когда о них говорится в терминах, обычно используемых для характеристики человека, – олицетворение, перенос образа «живое» (способность обладать руками, участвовать в действиях и отношениях, репрезентируемых концептом – в качестве олицетворяющего признака). По метонимической логике (часть-целое) происходит перенос представления о человеке, связанного с концептом, в двух направлениях: с человека как целого на реалии его внутреннего мира (чувства и состояния) как часть; с человека как части на реалии окружающего мира (сферы человека, природы, бытийные реалии) как целое.

Таким образом, содержание и репрезентация исследуемого концепта «рука» в сознании и языке организуется по логике метонимии, которая обнаруживается в различных процессах и выступает основой выявления особого изоморфизма явлений различных уровней.

Интегративная теория речи (от англ. *integrate* – объединять, интегрировать из отдельных частей в единое целое) – теория, рассматривающая речь в многообразии и единстве ее сторон: лингвистической, психической, психофизиологической, поведенческой, деятельностной. (Предложена И.М.Румянцевой, 1989 г., в прикладных целях – обучения иноязычной речи.)

По краткому определению, речь – это язык в действии.

Прежде всего речь имеет семиотический (знаковый) характер, что является ее лингвистической стороной. Это языковой код, действующая языковая система, то средство, при помощи которого человек мыслит и осуществляет общение с миром и другими людьми.

Но с другой стороны, речь – это и явление психики человека, его высшая психическая функция, особый психический процесс.

Как психический процесс, речь связана со всеми другими психическими процессами: ощущениями и восприятием, вниманием и памятью, мышлением и воображением, т.е. с теми процессами, в ряду которых речь находится, вместе с которыми развивается, и при помощи которых человек познает мир. В то же время все эти процессы не просто влияют на порождение и развитие самой речи, но и являются ее органическими составляющими.

Однако человек не просто познает мир с помощью когнитивных процессов (и речи, в том числе). Он живет, действует и творит в этом мире и обществе, сознательно преобразуя их и себя. Т.о. речь включается в деятельность человека и сама по сути своей организации может являться деятельностью.

Кроме того речь по своей природе – явление психофизиологическое. Это результат согласованной деятельности многих областей головного мозга человека. Различают *сенсорный* (восприятие речи, понимание того, что говорят другие) и *моторный* аспекты речи (произнесение звуков, собственно говорение), которые, однако, теснейшим образом связаны между собой. Речь напрямую сопряжена также с мышечной моторикой.

Наконец, о речи можно говорить и как об особой форме человеческого поведения, т.е. как о речевом поведении.

В 50-60-е годы XX века – время оформления психолингвистики как науки – ключевым понятием отечественной психологии являлась «деятельность». В эти годы установилась советская психологическая платформа под названием «теория деятельности» (А.Н. Леонтьев). Эта психологическая теория, основой которой являлось сознательное действие, вызванное мотивом, направленное на цель и подверженное планированию и контролю, была транспонирована А.А. Леонтьевым на область языкознания. Так появилась «*теория речевой деятельности*», которая фактически стала синонимом термина «психолингвистика» в отечественном варианте этой науки.

Согласно А.Н. Леонтьеву, деятельность – это специфическая форма активности человека по познанию и преобразованию окружающей действительности. Деятельность представляет собой совокупность действий, вызываемых мотивами.

вом и имеющих цель и предмет (материальный или духовный). Деятельность побуждается потребностью и регулируется сознанием.

По А.А. Леонтьеву, речевая деятельность представляет собой вид деятельности (наряду с трудовой, познавательной, игровой и др.). Речевая деятельность, – согласно данной концепции, – психологически организована подобно другим видам деятельности, т.е. с одной стороны, характеризуется предметным мотивом, целенаправленностью, эвристическим характером, с другой – состоит из нескольких последовательных фаз (ориентировка, планирование, реализация плана, контроль). Речевая деятельность может выступать или как самостоятельная деятельность со специфической мотивацией, составляющими которой являются речевые действия (имеющие цель, подчиненную цели деятельности) и речевые операции (варьирующиеся в соответствии с условиями), или в форме речевых действий, включенных в ту или иную неречевую деятельность.

В сущности, под речевой деятельностью, согласно А.А. Леонтьеву и его последователям, понимается сам феномен речи, и такое понимание является в нашей стране фактически общепринятым.

Считается, что деятельность имеет сложное иерархическое строение, т.н. «макроструктуру деятельности». Ее «слои» принято располагать «сверху вниз»: сначала выделяется уровень особых видов деятельности (профессиональной, общественной и т.п.), далее следует уровень действий, за ним – уровень операций и замыкает эту «пирамиду» низший уровень психофизиологических функций.

В речевой деятельности, по аналогии, предполагается, что «сверху» находится все, что связано с планированием и контролируется сознанием (речевые действия, речевые акты), «ниже» располагаются операции в виде автоматических речевых навыков, а в самом «низу» отводится место психофизиологическим функциям речи, которым предназначена «операционально-техническая» роль (Ю.Б. Гиппенрейтер). Главным признается все сознательное, плановое, контролируемое, мотивированное, целенаправленное. Все остальное призвано выполнять лишь служебные функции, подчиненные руководящим сознательным действиям.

Однако, по нашему мнению, при обучении речи важным является не только «высший» деятельностный аспект, но и тот психический и физиологический, традиционно ставящийся несколькими «этажами» ниже первого. При этом важная роль в обучении отводится не только сознанию, но и подсознанию.

Исходя из практических задач нового времени – в частности, создания высоких и тонких технологий обучения иностранным языкам – предлагается построить иную речевую модель: не в виде многоэтажной пирамиды (возводить которую традиционно полагалось с «крыши»), а объемную, многогранную модель речи, где каждая ее грань в равной степени важна и доступна для целенаправленного на нее воздействия в процессе обучения.

Чтобы выполнить такую задачу, трудно оставаться только в рамках теории деятельности, т.к. она является лишь одной из многих психологических теорий, выработанных научной мыслью человечества. Каждая из теорий имеет рациональное зерно, но выбирает для интерпретации психологических феноменов определенный угол зрения, согласно господствующему в этой школе понятию.

Так, например, бихевиоризм рассматривает не только внешние, но и внутренние психические процессы через призму поведенческих реакций или поведений особого рода, а теория деятельности находит в этих процессах все признаки деятельности. Имеются ли для этого основания? – Да, имеются. Можно ли, в таком случае, назвать речь поведением, как это делает бихевиористская школа, деятельностью как утверждает теория деятельности, когнитивным процессом как принято в когнитивной психологии или психофизиологическим процессом, как постулирует психофизиология? – Несомненно. Проблема заключается в том, что каждый отдельно взятый такой подход неизбежно будет односторонним, ибо речь как сложный психологический, а точнее психолингвистический, феномен совмещает в себе все эти аспекты, не говоря уже о самой главной, *лингвистической*, ее стороне. Поэтому *интегративная теория речи* и предлагает иной – комплексный подход, рассматривающий речь во всей полноте и многогранности ее аспектов.

Цитируемая литература:

Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию: Курс лекций. – М., 2000.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М., 1972.

Леонтьев А.А. Речевая деятельность // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Румянцева И.М. Психология речи и лингвопедагогическая психология. – М., 2004.

Канд. филол. наук О.А.Селеменова (Елец)

РЕЧЕВЫЕ МОДИФИКАЦИИ СТРУКТУРНОЙ СХЕМЫ «ГДЕ ЕСТЬ КАКОВО» В ТРИЛОГИИ А. ЧЕРКАСОВА И П. МОСКВИТИНОЙ

Под структурной схемой простого предложения (далее – *ССПП*) мы понимаем знак «отдельного синтаксического концепта, представляющего собой типовое отношение, установленное между компонентами пропозиции, избранными на роль субъекта и предиката суждения» [Волохина, Попова 2003: 8]. Объектом нашего изучения явилась структурная схема «где есть какво», выступающая репрезентантом концепта «состояние природы и окружающей среды», и её речевые модификации в трилогии А. Черкасова и П. Москвитиной («Хмель», «Конь Рыжий», «Чёрный тополь»).

ССПП «где есть какво» трёхкомпонентная. Структурообразующим компонентом выступает семема `состояние`, маркированная словами категории состояния: *душно* (`насыщено испарениями`), *жарко* (`знойно, горячо`), *пасмурно* (`хмуро и сумрачно`), *сумрачно* (`охвачено сумраком`), *тихо* (`погружено в безмолвие`), *холодно* (`с низкой температурой воздуха`) и др. Второй компонент – локативный субъектив – представлен пространственными предложно-именными формами, реже – локативными наречиями. Показателем отношения

между означаемым субъектива и предикатива – третьим компонентом схемы – выступает глагольная связка «есть». Например: *В бане было сумрачно, и она вынесла туес в предбанник* (Чёрный тополь); *Костёр полыхает, тьма жжёт, лицо греет, и так-то хорошо окрест, что даже Меланья умилилась: «Ноченька-то экая теплуцая!»* (Конь Рыжий) и др.

Структурные схемы предложений не существуют в застывшем виде. Лингвисты отмечают: «Для того чтобы предложения в меняющихся условиях общения постоянно сохраняли живой контакт с действительностью... они должны быть предельно гибкими и обладать способностью варьироваться по целому ряду параметров» [Ломов 1994: 51]. Эта гибкость проявляется в том, что в процессе речевой реализации структурная схема претерпевает различные видоизменения, обусловленные интенцией говорящего относительно конкретной ситуации, представленной в высказывании, а также отношением говорящего к высказываемому. Речевую реализацию, приводящую к видоизменениям схемы, как правило, называют *модификацией* [см.: Золотова 1969; Золотова 1973; Казарина 2002 и др.].

По своему характеру модификации структурной схемы дифференцируются на *грамматические* и *структурно-семантические*. Под *грамматической модификацией* понимается изменение грамматических показателей предикативности исходной модели, прежде всего значений модальности и времени [Золотова 1973: 138].

Речевая реализация ССПП «где есть какво» в произведениях А. Черкасова и П. Москвитиной, представленная исходной формой, составляет около 60%: *У трёхэтажного дома контрразведки тихо* (Конь Рыжий); *В избе жарко* (Хмель). Чуть реже (около 40%) наблюдатель стремится описать то состояние природы или окружающей среды, которое уже имело место в прошлом: *В дороге было так же пасмурно и дождливо* (Конь Рыжий). В единичном случае предикатив представлен формой будущего времени: *Тучи ползут так низко, словно сейчас вот спустятся на землю и станет темно и сыро* (Чёрный тополь).

Структурно-семантическая модификация схемы «где есть какво» в трилогии А. Черкасова и П. Москвитиной представлена *фазовой, неполной, вопросительной* модификациями. Если грамматические модификации не изменяют семантику предложений, а лишь поворачивают его ось, то *структурно-семантические модификации* (или смысловые преобразования) вносят в предложение новый семантический элемент [Золотова 1973: 205].

Неполная модификация схемы «где есть какво» продуктивна (около 70% высказываний выборки); она представлена эллипсисом субъектива. Однако невербализованный ингредиент схемы легко восстанавливается из контекста (лат. contextus – сцепление, связь). Например: *В большой гостиной, где отводили поминки, в переднем углу под старообрядческими иконами мотали свои жёлтые язычки восковые свечи, хотя и без них было светло от двух ламп-молний, свисающих с потолка* (в гостиной было светло) (Конь Рыжий) и др.

Достаточно регулярной является фазисная модификация, представленная в нашем материале лексемами *стать, становиться*, обогащающими пропозицию высказывания семой `переход из одного состояния в другое` или фазовой

семей `начало`: *Собака взлаяла в ограде, и опять стало тихо* (переход из одного состояния в другое) (Конь Рыжий); *В избе становилось темнее* (начальная фаза состояния), *сумерки сгущались, оседая в углах, на полу...* (Чёрный тополь) и др.

Речевая реализация структурной схемы «где есть каково» не исключает и вопросительной модификации, не приводящей, однако, к трансформации схемы: *Но тихо ли?* (Конь Рыжий); *Тихо?* (Конь Рыжий) и др.

Таким образом, в процессе речевой реализации ССПП «где есть каково» подвергается грамматическим и структурно-семантическим модификациям. Среди грамматических модификаций достаточно частотна модификация, представленная прошедшим временем, среди структурно-семантических – неполная.

Модальная и отрицательная модификации анализируемой схемы возможны, но в нашем материале они не встретились.

Асп. О.А.Симонова (Москва)

К ВОПРОСУ О СЛОГОВЫХ ИНТОНАЦИЯХ В ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ

Латышский язык входит в восточнобалтийскую группу ветви индоевропейской семьи языков. Как и в литовском языке, в нем сохранилось много элементов индоевропейского праязыка, которые можно отследить на различных уровнях, в том числе и в фонетике.

На всем протяжении формирования и развития латышского языка на него оказывали влияние другие языки, например ливский, немецкий, славянские языки. Характерной чертой латышского языка является фиксированное ударение на первом слоге. Многие ученые, в том числе основоположник латышской лингвистики Я. Эндзелин, видели в этом возможное влияние финно-угорского субстрата.

Однако не всегда ударение в латышском языке падает на первый слог, из этого правила есть немало исключений. Например, исключениями является целый блок заимствований из других языков (*ateljē*), слова, с недавно приросшими проклитиками (*nekad, pavisam, labrīt*), некоторое количество наречий с уменьшительными суффиксами (*ramazīņam*), некоторые слова в аффектированном произношении (*galīgi slinks*). Из этого ряда исключений к области словоизменения относится лишь ударение в словах с приставкой *vis* в превосходной степени [Андронов, 2002, с.327].

С точки зрения способов выделения ударного слога, латышское ударение является полиакцентным. Различают три типа слоговых акцентов (или слоговых интонаций) на долгих слогах: длительный, нисходящий и прерывистый. Иными словами слоги, содержащие долгий гласный или тавтологическое сочетание краткого гласного с *l, ļ, m, n, ņ, r*, могут быть различно интонированы, т.е. произноситься с модуляцией голоса по интенсивности и высоте тона. У каждого диалекта своя интонационная система. Древнейшей является система среднелатышского диалекта, где сохранены три основные слоговые интонации. Каждая из слоговых интонаций имеет свою историю развития и соответствует оп-

ределённым интонациям в родственных языках. Именно слоговые акценты \интонации придают латышскому языку столь неповторимую мелодику.

В современном латышском литературном языке употребление слоговых интонаций слабо нормировано, что связывается обычно с большим разнообразием, которое наблюдается в этом отношении в диалектах. Возможно, что такой разноречивостью в слоговых интонациях связан с перемещением ударения на первый слог. В каждом диалекте существует своя система, и все они друг с другом связаны определенными корреляциями. В латышском языке сосуществуют несколько различных просодических оппозиций, соответствующих различным диалектам без преобладания какой-то одной. Существуют корреляции и между литовскими и латышскими тонами: закон Я.Эндзелюна (1899). Я. Эндзелюн выявил соответствия слоговых акцентов латышского и литовского языков.

Интерес вызывает тот факт, что диалекты в литовском языке также имеют сильно различающиеся акцентологические системы. Однако в литовском языке возникает меньше трудностей с нормированием слоговых акцентов.

В настоящее время в качестве литературной нормы в латышском языке выступают две системы слоговых интонаций: трехчленная (длительная, нисходящая и прерывистая) и двухчленная, где различается только длительная и недлительная интонация. В современном литературном языке наблюдается нивелировка слоговых интонаций. Все большее распространение находит система двух интонаций. В лингвистических работах традиционно используется система трех интонаций.

Работ, посвященных употреблению слоговых интонаций и тонов, крайне мало. Наиболее авторитетным источником информации о слоговых интонациях и тонах является словарь К. Мюленбаха и Я. Эндзелюна (Рига, 1923-32 гг.). Еще одним источником, который содержит информацию о слоговых интонациях и тонах, является «Орфоэпический и орфографический словарь современного латышского литературного языка» [LVPPV]. Однако эти два словаря имеют множественные несоответствия норм произношения.

По мнению многих лингвистов, в частности Андрюнова А.В., акцентологической проблематике в настоящее время уделяется крайне мало внимания. Специальных работ, посвященных употреблению слоговых акцентов и тонов, крайне мало. Латышская акцентология открывает широкое поле для исследований.

Таким образом, вопрос о тонах и слоговых интонациях в латышском языке заслуживает отдельного исследования.

Цитируемая литература:

- Андрюнов А. В. Материалы для латышско-русского словаря. – СПб., 2002.
Дини П.У. Балтийские языки. – М., 2002.
Лау А.Г. Фонетика латышского литературного языка. – Рига, 1997.
Сталтмане В.Э. Латышский язык // Языки мира. Балтийские языки. М., 2006.

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. психол. наук С.В. Забегалина (Ульяновск)
РАЗВИТИЕ ИНТУИТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ

Наука предполагает, что физиологической основой мышления являются те зоны коры головного мозга, которые обеспечивают гностические (познавательные) функции мышления, начиная от тех, что служат основой для более элементарных психических процессов, например ощущения и заканчивая более сложными. Однако в настоящее время нет единого мнения о значимости и порядке взаимодействия всех физиологических структур, обеспечивающих процесс мышления. Значимую роль в мыслительной деятельности как одном из вариантов целенаправленной деятельности играют лобные доли мозга, и речевые центры КГМ, так как мышление человека по своей сути носит вербальный характер.

Ключевой момент в развитии интуиции – уяснение специфики обработки информации и овладение способами ее развития и стимуляции.

Р.М. Грановская выделяет три операции обработки информации, в ходе которых задействована интуиция: конденсация, смещение и символическая трансформация.

Конденсация – совмещение разнородных элементов в единый образ. Основой для формирования опыта конденсирования является развитие пространственного воображения, с помощью реального манипулирования предметами или моделями условий обстановки.

Смещение – из центра на периферию – это представление о значимых событиях и предметах посредством второстепенных эмоционально не существенных деталей, выявляющих скрытое, но лично-значимое для человека содержание этих событий.

Символическая трансформация – операция, в некотором смысле обратная смещению. Это замещение сложного содержания символом, в котором игнорируются все эмоционально несущественные элементы и гиперболизируются эмоционально значимые.

Р.М. Грановская характеризует способы, помогающие развить интуицию в процессе решения творческих задач. Так, для облегчения операции смещения служит сознательное торможение подробного, детального анализа задачи, выделения в ней значимой детали.

Если человек недостаточно доверяет своей интуиции, то его переживания незаметно обедняются и преобразуются сообразно с теми схемами и стереотипами, которые он воспринял от окружающих людей. Поэтому полезно научиться доверять себе больше и структурировать свои чувства в представления, усиливая символическую трансформацию. С этой целью можно, например, тренироваться в отгадывании значения слова при подпороговой его экспозиции. Если оказывается, что слова угадываются достаточно часто, т.е. при возможности

использовать слабые сигналы, человек начинает больше доверять себе, чаще опирается на свои еще не отчетливые ощущения.

На начальных этапах решения полезно уяснить не столько то, что желательно получить, сколько личную значимость ожидаемого результата. Повышение эмоциональной вовлеченности создает оптимальные условия для символической трансформации и для последующего поиска в памяти конкретного решения с помощью организации зоны направляющих стимулов. Однако при слишком сильной эмоциональной вовлеченности в проблему (особенно это касается интеллектуально сложных задач) человек начинает не только прилагать значительно больше усилий для ее разрешения, но и совершать большее количество ошибок.

Ощущение проблемы как когнитивного диссонанса между имеющимся и желаемым вызывает у человека определенное познавательное напряжение, которое может разрешиться либо отысканием логического решения (дискурсивное мышление), либо внезапным усмотрением решения как новой структуры исходных данных – инсайтом (интуитивное мышление).

Оправдано стремление максимально опираться на предметы и образы, модели и картины при решении задачи, тем самым стимулируется конденсация.

Способствует развитию интуиции предъявление задач с недостающими элементами, как если бы кто-то уже нашел решение, но оно частично потеряно или неизвестно полностью. Здесь снимается ряд психологических барьеров: не надо бояться войти в противоречие с законами природы (существование решения доказано), не надо страшиться авторитетов (ведь кто-то уже решил).

В заключение можно сказать, что развитие описанных элементов интуитивных решений не только стимулирует творческие возможности, но и дает важное преимущество в общении. Поведение людей, способных к интуитивным решениям, трудно предсказать, и поэтому ими сложнее манипулировать. И, наоборот, те, кто не обладает развитой интуицией, оказываются в известном проигрыше, ими легче манипулировать, поскольку их поведение направляется по высоковероятному и поэтому легкопредсказуемому пути.

Докт. психол. наук Н.В. Калинина (Ульяновск)

ОСОБЕННОСТИ ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫМИ ПОДРОСТКАМИ

Ориентация на достижение успеха в современном обществе заставляет каждого человека задумываться о факторах, способствующих, либо препятствующих его достижению. Современное образование, решая задачу формирования социальной компетентности школьников, ищет ориентиры, составляющие содержательную основу данного феномена. Нам представляется значимым включить в систему ориентиров представления о социальной компетентности самих школьников. В этой связи мы провели изучение особенностей осмысления феномена социальной компетентности личности современными подростками. Учащимся было предложено охарактеризовать социально компетентного

сверстника. Метод контент-анализа позволил составить психологический портрет социально компетентного подростка.

Наиболее полно представлена подростками разнообразная палитра нравственных качеств, проявляемых по отношению к другим людям, и коммуникативных качеств. Эти характеристики встречаются у 86% и 78% опрошенных соответственно. От коммуникативных умений, эмпатичности зависит эффективность общения со сверстниками, потребность в котором очень высока у подростков. В этом возрасте закладываются представления о настоящем друге, этим объясняется большое количество выше названных личностных качеств в описаниях подростков. Кроме того, 75% подростков в своих портретах указывают интеллектуальные качества. 57%- черты характера, характеризующие отношение к делу и 53%- себе самому. Компетентный человек, по их мнению, должен быть ответственным и уверенным в себе, с чувством собственного достоинства. Большое место в портрете занимают характеристики отношения человека к делу: работоспособный, трудолюбивый.

Предполагая, что осмысление феномена социальной компетентности зависит от особенностей социальной среды, где происходит процесс социализации личности, мы решили углубить анализ данных о содержании понятия «социальная компетентность» в представлениях подростков с учетом специфики образовательной среды, в которой они находятся (жителей села и города). В целом большинство из опрошенных подростков (как городских, так и сельских) считает что социально компетентный человек должен быть честным, добрым, дружелюбным, активным, общительным, решительным, терпеливым. Однако, несмотря на общность приоритетов, у городских и сельских школьников выявились и различия. Почти все ученики сельских школ решили, что социально компетентный человек должен быть прежде всего добрым. Они посчитали немаловажными такие личностные качества человека, как чувствительность, уважительность к другим людям, настойчивость и целеустремленность в деятельности. Кроме того, эти дети считают, что социально успешный человек должен быть хозяйственным, преданным, строгим. Сельские дети значимо отличаются от городских по количеству включений в социальную компетентность таких составляющих, как целеустремленность, а также уважительность и чувствительность.

Городские же дети уверены, что для того чтобы добиться в жизни успеха нужно быть не только дружелюбным, честным, добрым, активным, общительным, решительным, но еще иметь самообладание и больше полагаться на свой ум. Количественно их выборы более значимы по сравнению с сельскими детьми и по таким качествам, как самостоятельность и жизнерадостность.

Полученные данные мы уточнили при сравнении значимости каждого из компонентов социальной компетентности для городских и сельских школьников. Ученикам предлагалось проранжировать составляющие социальной компетентности в порядке значимости.

Большая часть опрошенных городских школьников считает, что самое главное для социально компетентного человека – это верить в себя, свои возможности, способности. Городские подростки выделили как наиболее значимые такие качества, как умение принимать решения и делать выбор, умение

ставить перед собой цели, умение понимать самого себя, готовность отвечать за свои поступки. Эти выборы позволяют определить, что для достижения социальной компетентности они считают необходимым научиться больше полагаться на себя самого. А вот подростки села отмечают, что для того чтобы быть успешным в жизни важно уважать права и обязанности других людей, уметь понять и поставить себя на место другого человека. Кроме того, важным для социально компетентного человека сельские дети посчитали умение принимать решения и делать выбор, а также умение общаться с людьми. Как видно, сельские дети более ориентированы на взаимоотношения между людьми, и умение устанавливать эти взаимоотношения с их точки зрения является основным для социальной компетентности.

Полученные данные позволили зафиксировать значимые составляющие социальной компетентности с точки зрения подростков, и определить психологические «ориентиры» для работы педагогов и психологов. Для городских школьников в качестве этих «ориентиров» выступают: вера в свои способности и умение общаться; умение понять другого, уважение его прав, умение ориентироваться в жизненной ситуации. Для сельских школьников важно понимание и умение принимать решения, а требует повышения значимости – стремление к независимости и понимание себя. Для всех школьников значимыми являются способы конструктивного поведения в трудных жизненных ситуациях.

Канд. филол. наук Г.А.Калмыкова (Ульяновск)

КОГНИТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОЦЕССА ПРОГНОЗИРОВАНИЯ КОНДИЦИОНАЛА

Процесс прогнозирования каузальных конструкций (кондиционала) в языке находится под воздействием многих факторов. Учитываются, в основном, следующие три:

1) семантический фактор, в основе которого лежит явление потенциальной сочетаемости языковых элементов;

2) структурный фактор, который, главным образом, связан с формированием отношений между пропозициями,

3) информационно-когнитивный фактор, в основе которого присутствует та общая область знания и информации, которая объединяет социум и позволяет людям существовать в едином информационно-когнитивном пространстве.

Проведенные исследования показали, что наряду с этими основными факторами, в разных случаях добавляются те или иные лингвистические и экстралингвистические факторы, но они уже не носят столь универсального характера, как семантический, структурный и информационно-когнитивный.

Данная гипотеза нашла свое подтверждение в лингвистическом эксперименте, который был проведен в среде носителей языка. Для исследования процесса прогнозирования кондиционала испытуемым были предложены отрывки четырех предложений, которые в оригинале (т.е. в завершенном виде имели структуру кондиционала).

Испытуемым предлагалось завершить предложения. Основной целью данного эксперимента было: выяснить, каким типам логико-лингвистических структур (импликации или конъюнкции) будет отдано предпочтение. Дополнительной задачей являлось выявление тех элементов, которые заставили испытуемого при завершении предложения избрать ту или иную интерпретацию.

Обработка полученных в результате эксперимента по прогнозированию кондиционала данных подтвердила рабочую гипотезу о том, что при выборе окончаний предложений испытуемыми, семантика предъявленных частей предложений являлась своеобразным триггером, т.е. пусковым механизмом когнитивных процессов. Во-первых, она определяла лексико-семантическое поле поиска вариантов неизвестной части высказывания. Во-вторых, выявлялись сами ситуации, которые могли включать в себя информацию, имеющуюся в первой (известной части). В-третьих, испытуемые, руководствуясь правилами потенциальной сочетаемости семантических и логико-семантических типов предикатов, выбирали тот вариант, который, на их взгляд, мог бы иметь место. Для выражения своей мысли испытуемые практически всегда отдавали предпочтение отношению обусловленности.

Для первого предложения характерным являлась структура с придаточным предложением цели или инфинитивным оборотом со значением цели. Отношения обусловленности были представлены в 93%. Во втором предложении отношения обусловленности были связаны все предложения, однако виды связи варьировались: от причины (33,3%) и следствия (33,3%) до ситуативной последовательности действий (33,4%), которая испытуемыми кодировалась как причинно-следственная цепочка. В третьем предложении обусловленность нашла свое выражение в использовании каузаторов в качестве предикатов главного предложения, что также включило всю структуру в конструкцию с отношением обусловленности. Для четвертого предложения характерно разнообразие структур причинно-следственных отношений. Количество предложений со значением причины и аргументации (*weil, denn* и *aufgrund*) составило 60%. Обусловленность с временной коннотацией (*als, wenn*) – 13,4%, обусловленность со значением уступки (*obwohl, doch, aber*) – 20% и простая последовательность действий, которая объединяется в причинно-следственную цепочку (*und*) – 6,6%.

Докт. филол. наук А.Э. Левицкий (Украина, Киев)

ПОВТОРНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ВОСПРИЯТИЯ НЕЧЕТКИХ СУЩНОСТЕЙ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В повседневной жизни человек постоянно сталкивается с необходимостью категоризации объектов окружающей его действительности. Это необходимо, в первую очередь, для осуществления разных видов деятельности. Кроме того, для эффективного моделирования своего поведения человек воссоздает образ мира, в котором он живет. Именно поэтому и возникает необходимость категоризации новых объектов, с которыми индивид неизбежно соприкасается. Операция категоризации отражает реальную ментальную способность человека.

Она напрямую связана с выявлением сущностных свойств определенных предметов, явлений, состояний, действий, признаков и их оценкой, которые взаимодействуют с процессами обработки полученной информации и ее интерпретации. Находясь в материальном мире, люди автоматически категоризируют свои чувства, одушевленные и неодушевленные объекты, их признаки, состояния, действия. Таким путем предметы, явления, состояния или признаки объединяются в естественные классы. О каких бы сущностях не шла речь, мы обращаемся к категориям. Человеку необходимо знать, каким образом и до какой степени данная сущность отвечает его требованиям, и как / когда он может на нее полагаться, т. е. использовать в своих целях. Не всегда, однако, категоризация окружающего мира бывает успешной в смысле четкости разделения мира на элементы и установления между ними связей и отношений: сходства, тождества, различия, принадлежности, последовательности и т. п.

Собственно благодаря существованию мыслительных категорий происходит познание человеком мира, а также самого себя. При этом, какой бы уникальной не казалась некая сущность, если из фокуса внимания выводятся несущественные свойства и качества, увеличивается возможность ее описания в рамках системы существующих в сознании людей категорий.

Механизм приблизительности основывается на ассоциативном восприятии окружающего мира и «работает» в направлении поиска некой нормы, наиболее полно соответствующего ключевым параметрам рассматриваемого объекта. При неудаче первичной категоризации объекты нуждаются в более детальной оценке, поэтому индивиду приходится прибегать к приблизительным описаниям предметов, явлений, состояний и действий. Данное явление мы называем повторной категоризацией, которая действует как механизм восприятия нечетких сущностей.

В повседневной жизни, наряду с четкими (*well-defined*) распространены и нечеткие (*ill-defined*) категории, богатые деталями, которые не всегда могут быть повторены: индивидуальные или существующие только в комбинации, либо представляющие гештальты более высокого уровня абстракции (например, *стиль, интонация, фотоснимок, красота – уродство*) [Homa, et al 2001]. Для последних удачным является термин *субъективные* категории, поскольку особую важность для их определения приобретают индивидуально-психологические особенности восприятия мира индивидом. Отметим и размытость форм ряда объектов, что составляет трудности определения их границ; наличие явлений, процессов, состояний и действий с чертами нескольких категорий. Данные сущности вызывают особые проблемы в ходе их категоризации, возникающие вследствие особенностей отражения человеком реального или вымышленного мира, а именно, получения, обработки и хранения информации.

Представление о диффузности, т. е. нечетких границах неких сущностей, варьируется в зависимости от ситуации и от индивида. При этом речь идет о референциальной нечеткости, так называемой фазификации [Zhang 1998], отражающей отсутствие четких границ у предмета или явления (*Встреча прошла неплохо*). Фазификация возникает в случае неудачи первичной категоризации. Причем о повторной категоризации можно говорить не только в случае уточнения (*Это – похоже на фрукт*), но и при восприятии нечеткого, размытого, не-

дискретного количества (*Подождите около 20 минут*) или признака (*Я был слегка обижен*). Таким образом, обозначается нечто неопределенное, неточно воспринятое или непонятое, которое не соответствует имеющимся у индивида данным. Однако, это *нечто* является подобным или схожим с некой сущностью; близкой либо имеющей отношение к рассматриваемой.

Докт. филол. наук А.В. Пузырёв, докт. мед. наук Л.М. Киселёва (Ульяновск)
**О СТЕПЕНИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВЫГОД ЗАБОЛЕВАНИЙ
И ОСОЗНАВАНИЯ ЭТИХ ВЫГОД
У ГУМАНИТАРИЕВ И БУДУЩИХ ВРАЧЕЙ**

В настоящем докладе рассматриваются результаты исследования психологических выгод заболеваний и осознания психологической выгоды болеть у студентов-гуманитариев и будущих врачей.

О психологической выгоде болеть, о зависимости состояния здоровья от психологического состояния личности свидетельствуют многие специалисты (см. напр.: Ф.Александр 2002; К.Гехт 1979; Н.А.Магазаник 1991; Э.Киршбаум 2000; Психологические методы... 2001; Психология здоровья 2003; Психосоматика 1999). Известный американский психотерапевт и теоретик психоаналитического направления Эрик Берн пишет об этом так: «Психологические "купоны" – это "валюта" транзакционного рэкета. <...> Большинство людей понимают, что психологические "купоны" на самом деле не бесплатны, что за их коллекции надо платить, причём кому одиночеством, кому бессонницей, а другим – повышенным кровяным давлением или желудочными болями. В результате они перестают собирать "купоны". Другие до этого могут так и не задуматься в течение всей своей жизни. Некоторые люди, чувствуя опасность, всё же продолжают играть, ибо без этого жизнь им кажется слишком серой» (Э.Берн 1988: 247, 248).

В то же самое время проблема психологической выгоды болеть у здоровых людей, как кажется, ещё не рассматривалась. Не подвергалась анализу и степень психологической выгоды болеть в студенческой среде, в частности – у студентов медицинского и немедицинского профилей.

В рамках подготовки материалов для настоящего доклада его авторами было проведено тестирование студентов по составленному первым из авторов настоящей статьи опроснику, позволяющему выявить у студентов: а) сам факт наличия/отсутствия психологической выгоды болеть, б) степень осознания студентом собственной психологической выгоды болеть.

Приведём текст опросника.

«1. Часто ли Вы болеете?

- а) да;
- б) нет;
- в) иногда;
- г) я вообще не болею.

2. Последний раз Вы болели тогда:

- а) когда были какие-то проблемы в семье, с друзьями;
- б) когда были какие-то проблемы на работе;
- в) когда вообще не было никаких проблем;
- г) другой вариант ответа (привести его).

3. Если Вы заболели и при этом необходимо выполнить не очень приятную работу, то Вы:

- а) выполните эту работу сами;
- б) передадите её другому;
- в) отложите её на потом.

4. Заболев, Вы:

- а) отдадитесь течению болезни и выздоровления и отложите на время все дела;
- б) будете делать всё, чтобы выздороветь скорее, но отложите на время все дела;
- в) будете продолжать делать все свои дела, не обращая внимания на своё нездоровье.

5. Если Вы заболели, то:

- а) никто (даже близкие) об этом не узнает;
- б) об этом станет известно только Вашим близким;
- в) об этом станет известно всем, с кем общаетесь.

6. Когда Вы болеете, то замечаете, что:

- а) Вам уделяется больше внимания со стороны близких и родных;
- б) на Вас обращают внимания ровно столько же, как если бы Вы были здоровы;
- в) никто не обращает внимания на Ваше нездоровье, а все ведут себя с Вами, как будто Вы совершенно здоровы.

7. Есть ли что-нибудь хорошее в болезни? (Ответ сформулируйте сами)

8. Можете ли Вы вспомнить, когда болезнь помогала Вам достичь желаемого?

- а) да (привести пример);
- б) возможно;
- в) нет».

Представим ключ к исследованию:

№ по порядку	Формулировка вопроса и варианты ответа	Степень психологической выгоды
3	3. Если Вы заболели и при этом необходимо выполнить не очень приятную работу, то Вы:	
	а) выполните эту работу сами;	низкая
	б) передадите её другому;	высокая
	в) отложите её на потом.	умеренная
4	4. Заболев, Вы:	
	а) отдадитесь течению болезни и выздоровления и отложите на время все дела;	высокая

	б) будете делать всё, чтобы выздороветь скорее, но отложите на время все дела;	умеренная
	в) будете продолжать делать все свои дела, не обращая внимания на своё нездоровье.	низкая
5	5. Если Вы заболели, то:	
	а) никто (даже близкие) об этом не узнает;	низкая
	б) об этом станет известно только Вашим близким;	умеренная
	в) об этом станет известно всем, с кем общаетесь.	высокая
6	6. Когда Вы заболеваете, то замечаете, что:	
	а) Вам уделяется больше внимания со стороны близких и родных;	высокая
	б) на Вас обращают внимания ровно столько же, как если бы Вы были здоровы;	низкая
	в) никто не обращает внимания на Ваше нездоровье, а все ведут себя с Вами, как будто Вы совершенно здоровы.	умеренная

Приведём ключ и к выявлению в различных ответах той или иной степени осознания психологической выгоды заболеваний:

№ по порядку	Формулировка вопроса и варианты ответа	Степень осознания психологической выгоды
2	2. Последний раз Вы болели тогда:	
	а) когда были какие-то проблемы в семье, с друзьями;	средняя
	б) когда были какие-то проблемы на работе;	средняя
	в) когда вообще не было никаких проблем;	низкая
	г) другой вариант ответа (привести его).	
7	7. Есть ли что-нибудь хорошее в болезни?	
	а) да	высокая
	б) нет	низкая
	в)	
8	8. Можете ли Вы вспомнить, когда болезнь помогала Вам достичь желаемого?	
	а) да (привести пример);	высокая
	б) возможно;	средняя
	в) нет.	низкая

Обозначив высокую степень проявления психологической выгоды числом 2, умеренную степень – числом 1, низкую степень – числом 0, мы получаем возможность математико-статистической обработки полученных ответов:

высокая степень психологической выгоды – 6-8 баллов;

умеренная степень психологической выгоды – 5-3 баллов;

низкая степень психологической выгоды – 2-0 баллов.

Обозначив высокую степень осознанности психологической выгоды болеть числом 2, среднюю степень – числом 1, низкую степень – числом 0, мы также получаем возможность математико-статистической обработки полученных ответов:

максимум осознанности – 5-4 балла;

средняя степень осознанности – 3-2 балла;

минимум осознанности – 0-1 балл

Параллельно использовалась известная методика по определению уровня тревожности (шкала Спилбергера), а также методика Г.С.Прыгина, связанная с определением стиля учебной деятельности (см.: А.А.Реан 2001: 66-69). Результаты исследования находятся в настоящее время в процессе обработки. Достоверно выяснилось, что у большей части студентов доминирует умеренная и высокая степень личностной тревожности (статистически существенных различий в количестве ответов у студентов-медиков и гуманитариев не обнаружено).

Табл. 1

Личностная тревожность								
	Всего ответов		Низкая		Умеренная		Высокая	
	Количество	%%	Количество	%%	Количество	%%	Количество	%%
Гум.-1	65	100	2	3,1	27	41,5	36	55,4
Мед.-1	48	100	3	6,3	29	60,4	16	33,3
1 курс	113	100	5	4,4	56	49,6	52	46,0
Гум.-2	56	100	3	5,4	22	39,3	31	55,4
Мед.-2	46	100	7	15,2	19	41,3	20	43,5
2 курс	102	100	10	9,8	41	40,2	51	50,0
Гум.-4	53	100	5	9,4	23	43,4	25	47,2
Мед.-4	49	100	2	4,1	24	49,0	23	46,9
4 курс	102	100	7	6,9	47	46,1	48	47,1
Итого	317	100	22	6,9	144	45,4	151	47,6

В плане же реактивной тревожности высокую степень обнаружили 4,7% испытуемых, умеренную – 32,2%, бóльшая часть испытуемых – 61,8% – показала низкую степень реактивной тревожности (при составлении таблиц использовалась программа Microsoft Office Excel 2003, поэтому суммирование результатов в таблицах может отклоняться от 100%).

Точно так же, как у 90% студентов была выявлена умеренная и высокая степень личностной тревожности, у них была выявлена умеренная и высокая степень психологической выгоды болеть. Так, у более 60% опрошенных сту-

дентов наблюдается умеренная психологическая выгода болеть, у 19% – высокая степень психологической выгоды болеть, и у примерно 20% – низкая степень психологической выгоды болеть.

Табл. 2

Испытуемые	Психологическая выгода болеть							
	Всего ответов		Низкая		Умеренная		Высокая	
	Количество	%%	Количество	%%	Количество	%%	Количество	%%
Гум.-1	64	100	8	12,5	42	65,6	14	21,9
Мед.-1	49	100	11	22,4	32	65,3	6	12,2
1 курс	113	100	19	16,8	74	65,5	20	17,7
Гум.-2	56	100	14	25,0	33	58,9	9	16,1
Мед.-2	43	100	12	27,9	18	41,9	13	30,2
2 курс	99	100	26	26,3	51	51,5	22	22,2
Гум.-4	53	100	7	13,2	36	67,9	10	18,9
Мед.-4	49	100	11	22,4	30	61,2	8	16,3
4 курс	102	100	18	17,6	66	64,7	18	17,6
Гум.всего	173	100	29	16,8	111	64,2	33	19,1
Мед.всего	141	100	34	24,1	80	56,7	27	19,1
Итого	314	100	63	20,1	191	60,8	60	19,1

Была выявлена и степень осознания собственной психологической выгоды болеть. Использование «хи-квадрат» критерия позволяет утверждать высокую степень статистической однородности полученных результатов. Единственный случай выхода за рамки допустимой величины наблюдается при сопоставлении степени осознания собственных психологических выгод болеть у гуманитариев и будущих медиков:

Табл. 3

Испытуемые	Степень осознания психологической выгоды болеть							
	Всего ответов		Низкая		Умеренная		Высокая	
	Количество	%%	Количество	%%	Количество	%%	Количество	%%
Гум.-1	64	100	27	42,2	23	35,9	14	21,9
Мед.-1	43	100	26	60,5	14	32,6	3	7,0
1 курс	107	100	53	49,5	37	34,6	17	15,9
Гум.-2	56	100	25	44,6	25	44,6	6	10,7
Мед.-2	28	100	21	75,0	7	25,0	0	0,0
2 курс	84	100	46	54,8	32	38,1	6	7,1
Гум.-4	53	100	37	69,8	13	24,5	3	5,7
Мед.-4	47	100	32	68,1	13	27,7	2	4,3
4 курс	100	100	69	69,0	26	26,0	5	5,0
Гум.всего	173	100	89	51,4	61	35,3	23	13,3

Мед.всего	118	100	79	66,9	34	28,8	5	4,2
Итого:	291	100	168	57,7	95	32,6	28	9,6

Продemonстрируем справедливость данного утверждения использованием «хи-квадрат» критерия:

$$\begin{array}{l} 23 \text{ из } 173 \\ 5 \text{ из } 118 \\ 28 \text{ из } 291 \end{array} \quad \begin{array}{l} x_{\text{ср.}}^1 = 16,6 \\ x_{\text{ср.}}^2 = 11,4 \end{array}$$

$\chi^2 = (23 - 16,6)^2/16,6 + (5 - 11,4)^2/11,4 = 6,4^2/16,6 + 6,4^2/11,4 = 6,0599 \approx 6,06$, что значительно выше максимально допустимых 3,84.

По результатам проведённого исследования статистически достоверным оказывается вывод, что студенты – будущие врачи – в меньшей степени, нежели гуманитарии, осознают собственные психологические выгоды болеть.

В настоящем докладе обратим внимание на противоположные позиции в осознании психологических выгод заболеваний у будущих медиков (процитируем их с сохранением орфографических особенностей ответов на 7-й вопрос – «Есть ли что-нибудь хорошее в болезни?»):

а) высокая степень осознания: «Внимание со стороны близких»; «Избавляет от лени! Когда работаешь и болеешь тебе ужасно плохо! Но когда выздоравливаешь – клёво! → И когда лень что-то сделать, вспоминаешь, что тебе всё равно придётся работать, так что лучше это пожелать здоровья»; «тебе уделяют больше внимания, в прошлые годы можно было устроить небольшой отдых от школы. А теперь в универе приход.отрабатывать, что это не есть приятно. Вообще болезнь никому ещё не приносила радость», «передышка в делах» и т.п.;

б) низкая степень осознания: «нет» (самый частый ответ), «Ничего нет хорошего! Люди не умеют себя беречь! Нам дано всё для здорового образа жизни, но зачастую люди ещё больше усугубляют свой образ жизни!», «Нету. Здоровье – это самое главное в жизни человека», «Для меня в болезни нет ничего хорошего», «Конечно нет! Это самый тяжёлый период в жизни каждого человека», «А что хорошего? Лежать с температурой или ещё хуже! Так что, нет», «Ничего, только отнимают силы и время», «Ничего. Нужно держать себя в форме и стараться быть здоровым», «ничего, потому что плохо себя чувствуешь и все дела делаются с трудом» и т.п.

Интересно, что низкая степень осознания психологической подоплёки заболеваний у будущих медиков часто соседствует с их умеренной или высокой степенью психологической выгоды болеть.

У обнаруженного феномена могут быть различные объяснения:

1) возможно, достижения психосоматической медицины остаются пока неизвестными будущим врачам, и наличие у заболеваний психологической подоплёки для студентов-медиков ещё не является общим местом;

2) возможно также, что бóльшая степень осознания психологической выгоды заболеваний, отмеченная у студентов-гуманитариев, связана с более высоким уровнем преподавания у них психологически ориентированных учебных

дисциплин (одним из преподавателей психологии у гуманитариев является один из авторов настоящей статьи).

Новый поворот проблемы намечается в диалогах Сократа, например, с Гиппием меньшим:

«...Кто достойнее – те, кто совершают проступки добровольно, или те, кто невольно? И я думаю, что к этому рассмотрению правильнее всего приступить так... Кто будет лучший борец: тот, кто падает с умыслом, или тот, кто невольно?»

Гиппий. Похоже, тот, кто с умыслом.

Сократ. А что в борьбе хуже и постыднее – упасть или повергнуть противника?

Гиппий. Упасть.

Сократ. И в борьбе, следовательно, тот, кто добровольно совершает дурное и постыдное дело, является лучшим борцом, чем тот, кто это вершит невольно.

Гиппий. Похоже, что так... <...>

Сократ. Мне представляется, что люди, добровольно совершающие какие-либо проступки, лучше, чем те, кто вершат их невольно» (Платон 1990: 215, 213)

Из того, что студенты-гуманитарии в большей степени осознают свою психологическую выгоду болеть, вытекает закономерный вывод, что они уходят в болезнь (по Сократу, совершают дурное и постыдное дело) в большей степени добровольно, т.е. в большей степени склонны управлять своим физическим состоянием, т.е. потенциально обладают бóльшим здоровьем, чем студенты – будущие врачи.

Справедливости ради следует заметить, что полученные результаты носят всё-таки промежуточный характер, поскольку требуют дополнительных исследований в вынесенном в заглавие доклада аспекте.

Цитируемая литература

Александр Ф. Психоматическая медицина. – М.: Эксмо-пресс, 2002. – 352 с.

Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы: Пер. с англ. / Общ.ред. М.С.Мацковского; Послесл. Л.Г.Ионина и М.С.Мацковского. – М.: Прогресс, 1988. – 400 с.: ил.

Гехт К. Психогигиена. – М.: Прогресс, 1979. – 188 с.

Магазаник Н.А. Искусство общения с больными. – М.: Медицина, 1991. – 134 с.

Киршбаум Э. Психологическая защита. – М.: Смысл, 2000. – 181 с.

Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. I. – М.: Мысль, 1990. – 860, [2] с. – (Философское наследие).

Психологические методы обретения здоровья: Хрестоматия / Сост. К.В.Сельченко. – Мн.: Харвест, АСТ, 2001. – 720 с. – (Библиотека практической психологии).

Психология здоровья: Учебник для вузов / Под ред. Г.С.Никифорова. – СПб.: Питер, 2003. – 607 с.: ил. – (Серия «Учебник для вузов»).

Психосоматика: Взаимосвязь психики и здоровья. Хрестоматия / Сост. К.В.Сельченко. – Мн.: Харвест, 1999. – 640 с. – (Библиотека практической психологии).

Пузырёв А.В. Психологические выгоды заболеваний у студентов педагогического университета // Идеалы и реальности культуры российского города: Материалы V городской научно-практической конференции (25 октября 2004 г.) / Под ред. А.М.Пронина. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2004б. – С. 62-65.

Реан А.А. Практическая психодиагностика личности: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – 224 с. (С. 66-69).

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. филол. наук А.А.Белоногова (Ульяновск)

К ПРОБЛЕМЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ И АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА

Любой теоретик и практик перевода знает о том, что тексты оригинала и перевода, как правило, не совпадают как на формальном уровне из-за существующего в языках различия формальных средств выражения одного и того же содержания, так и на семантическом уровне, поскольку одни и те же явления и ситуации описываются в языках по-разному, включая далеко не идентичные компоненты. Они не совпадают также и на уровне семантической и ситуационной информации, потому что несовпадающие семантические компоненты двух текстов обязательно изменяют общее количество информации в них.

Таким образом, центральной проблемой теории перевода становится проблема качества перевода, а центральными понятиями – понятия эквивалентности и адекватности. Именно они определяют качество продукта переводческой деятельности – текста перевода, поэтому содержание и отношение этих понятий друг к другу не может не интересоваться как теоретиков, так и практиков перевода.

В современном переводоведении нет единого мнения по данному вопросу, однако в его решении намечаются некоторые тенденции, которые можно рассматривать как достаточно перспективные. К основным положениям этого направления можно отнести следующие:

1) Эквивалентность и адекватность описывают различные аспекты переводческого процесса и не могут рассматриваться как взаимозаменяемые категории.

2) Адекватность перевода – это создание функционального тождества, нацеленного на воспроизведение коммуникативного эффекта оригинала, т.е. тождественного прагматического воздействия на получателя. Текст адекватного перевода должен быть прагматическим речевым вариантом, содержащим в себе некоторый смысловой инвариант и выполняющим тождественную оригиналу функцию (Шеловских Т.И., Ванников Ю.В. и др.). Смысловой инвариант мыслится как некий умственный конструкт, вычлняемый из оригинала и материализуемый в эквивалентных лингвистических формах текста перевода, способных воспроизвести функциональную доминанту исходного текста.

3) Эквивалентность перевода определяется как степень передачи полноты содержания исходного текста при достижении адекватного прагматического воздействия переводного текста на читателя языка перевода. Эквивалентность рассматривается в современном переводоведении как категория комплексная, многофакторная (Латышев Л.К.), а у некоторых исследователей и как иерархическая (Швейцер А.Д., Комиссаров В.Н.) при ведущей роли прагматической (динамической, функциональной) эквивалентности. Ее реализация предполагает установление динамического соответствия ИТ и ПТ на различных уровнях – денотативном (сохранение сведений об экстралингвистической ситуации ИТ),

коннотативном (сохранение стилистической направленности ИТ), жанровом (соответствие жанров ИТ и ПТ), прагматическом (доступность ПТ для понимания читателей перевода), художественно-эстетическом (равнозначность эстетического воздействия на читателя ИТ и ПТ).

4) Категория адекватности является описательной, тогда как категория эквивалентности - нормативной. Центральным звеном в теории перевода является признание неизбежности потерь, т.е. невозможности абсолютной и полной эквивалентности текста перевода тексту оригинала.

5) Категория эквивалентности является подчиненной по отношению к категории адекватности (Шеловских Т.И., Сдобников В.В. и др.) Если категорию адекватности можно использовать только применительно к тексту, то отношения эквивалентности рассматриваются и на уровне его отдельных сегментов. Соответственно, перевод может быть 1) адекватным и эквивалентным на всех уровнях; 2) адекватным и эквивалентным только на некоторых уровнях (как минимум, на прагматическом уровне – уровне цели коммуникации); 3) эквивалентным, но неадекватным; 4) неэквивалентным и неадекватным.

Описанный выше подход к понятиям эквивалентности и адекватности может послужить основой для разработки интерпретационных и оценочных процедур объективной оценки качества перевода.

Канд. психол. наук Т.П.Будякова (Елец)

ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК ЖЕРТВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Процесс виктимизации, т.е. превращения лица в жертву преступления, описанный в криминологической литературе, имеет два этапа. Первый этап – первичная виктимизация, второй этап – вторичная виктимизация. В ходе первичной виктимизации лицо в силу обстоятельств, личных или иных индивидуально-типологических особенностей превращается в жертву преступления и в конечном итоге претерпевает вред, причиненный непосредственно преступлением: материальный, физический, моральный или социальный. На втором этапе жертва претерпевает вред, являющимся следствием опосредующих совершенное преступление обстоятельств. Это в первую очередь страдания жертвы из-за участия в различных следственных действиях: допросах, очных ставках, экспертизах, освидетельствованиях и т.д., а также переживания по поводу осуждения окружающих, потери авторитета и т.п.

Интеллект как индивидуально-типологический признак жертвы может влиять на оба этапа. Так, умственная отсталость способствует превращению умственно-отсталого лица в жертву преступления из-за его некритичного поведения. Все виды вреда умственно отсталая жертва претерпевает также на втором этапе виктимизации, когда преступники уверяют следствие (предварительное и судебное), что жертва в силу умственной ограниченности сама виновна в уголовном деянии: сама отдала вещи грабителям, сама потребовала, чтобы к ней применили насилие и т.п.

Умственная одаренность, как правило, является виктимным признаком в случаях насильственных преступлений, посягающих на жизнь и здоровье жерт-

вы. Судебная практика знает немало случаев снижения умственных способностей жертвы в результате преступления.

В законодательных актах практически не закреплено право на развитие одаренных детей. Такие дети в результате преступления могут лишиться такого (по классификации Н.И.Матузова), как развитие своих способностей и талантов. В процессе реабилитационной работы с такими детьми важно восстановить их интеллектуальный потенциал. Это требует разработки дополнительных специально ориентированных на восстановление высокого интеллекта обучающих программ. Такие программы уже ряд лет разрабатываются в Германии.

Перспективной представляется позиция законодателя, когда в отдельных случаях детям, пострадавшим от стихийных бедствий, предоставляется право на особые условия поступления в высшие учебные заведения (Федеральный закон РФ «Об исключительном праве на поступление в учреждения среднего профессионального и высшего профессионального образования выпускников школ, пострадавших от землетрясения в Охтинском районе Сахалинском области»). Это можно рассматривать как специфическую форму реабилитации, обеспечивающую право детей на развитие, особенно значимое для несовершеннолетних жертв. Очевидно, что с позиций принципов справедливости и гуманности закономерным было бы предоставление аналогичного права детям, ставшим жертвами террористических актов. Показательно, что в известном деле болгарских медсестер родители детей-жертв, заразившихся ВИЧ-инфекцией в ливийских больницах, потребовали от Евросоюза кроме денежной компенсации также лечения выживших детей в европейских больницах и, кроме того предоставления детям-жертвам возможности обучения в европейских университетах.

В итоге можно дополнить перечень основных принципов профилактики преступлений против лиц, имеющих особенности интеллектуального развития, следующими принципами:

1. *Принцип учета отсроченности вредоносных последствий преступления*, когда уменьшение интеллектуальных способностей начинает проявляться в учебной или трудовой деятельности уже после судопроизводства.

2. *Принцип учета большей уязвимости* лиц, имеющих особенности интеллекта, как при первичной, так и при вторичной виктимизации.

Канд. филол. наук В.П.Васильев (Кемерово)

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЕГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Изучение языкового способа освоения природной действительности носителями народной культуры позволяет расширить представление об обыденном знании и его структуре, осознать меру влияния социокультурного фактора на целостное понимание выделенных областей натурфактов.

В центр исследования выводится проблема культурно-исторического мироотношения носителей сибирских говоров, сохраняющих в своей ментальности архетипы национальной культуры, те ценности, которые оставались неизменными в течение многих веков.

Этнолингвокультурологический анализ метеонимов, обозначающих атмосферные осадки, с точки зрения обусловленности их содержания мировидением и миропониманием русского крестьянства, базируется на рассмотрении категориального строя мышления в единстве его мировоззренческих и логико-гносеологических функций как определяющего канал воздействия культурного социума на естественное обыденное познание и как репрезентирующего целостность в единой цепи «внешних» и «внутренних» детерминантов процесса приобретения знания.

Материалом для выявления культурных компонентов в концептах базовых метеонимов (*дождь, град, снег, роса, иней*) служат манифестирующие их денотативные классы (ДК) слов, которые сосредоточивают в своём межчастеречном составе единицы ключевые для понимания метеообъекта идеи, выделяемые в связи с социокультурным бытием человека, его менталитетом и ценностными ориентациями.

Рассмотрение лексико-семантического пространства ДК позволяет 1) установить перечень категориальных классов неприродного мира, элементы которых служат «донорами» при номинации и интерпретации атмосферных осадков; 2) обнаружить участки хранения культурной информации в ассоциативно-семантической сети языка, в которую входит тот или иной метеоним; 3) определить степень целостности концептуального поля «атмосферные осадки» сквозь призму его лингвокультурного моделирования.

В качестве наглядного примера лингвокультурологической реконструкции атмосферных реалий, произведённой на основе ДК, приводится метеоним *дождь*, обладающий высокой общеязыковой и текстовой значимостью.

Означиваемое им явление воссоздаётся в языке с участием категорий причины, действия, орудий и объектов деятельности, которые в сопряжении с метеонимом задают следующие модели видения природного объекта и характер его интерпретации: 1) "функциональное состояние дождя" ← "сельскохозяйственные процессы", означенные глаголами а) удаления объекта (*молотить*), б) разделения (*молоть*), в) нанесения удара (*хлестать*), г) помещения объекта в результате перемещения (*сеять*), д) очищения объекта (*сеять через сито*). Ср. *Вот дожж: туча зашла да тёплый проливной дожжык самый который ... Если он молотит хорошо, то прямо растения поднимаются* (Кем. Юрг. Вар.). *А в знойной погоде мелкий бывает дожжык, как в сито мелет - мелет – это сеногноитель. Знойный был. Надоел он нам: надо метать, а он сеет* (Кем. Юрг. Н-ром.).

2) "дождь как атмосферное явление" ← а) "участок земли" (*дождь-как-полоса / гряда*); ← б) "плоды злаковых культур" (*дождь-как-зерно / семя*); ← в) "продукты переработки плодов злаковых культур" (*дождь-как-мука*); ← г) "Бог как причина дождя" (*дождь-как-Божья воля*); ← д) "сено как объект воздействия дождя" (*дождь-как причина-гнилого сена*). Ср. *Мелкий дожж как мукой сеет, ...идёт как вроде туман* (Кем. Яшк. Итк.).

3) "источник дождя" ← "посуда, ёмкости" (*дождевая туча-как-сито / ведро / бочка / ушат*). Ср. *Улевен дождь как из ушата льёт* (Красн. Кеж.). *Вчера лил дожж как из ведра* (Кем. Кем. Подъяк.).

В свёрнутом виде культурное знание о дожде сосредоточивается во внутренней форме производного слова (*сеногной, мукосей*), семантически производных словозначений, которые являются либо номинациями дождя (*божья воля*), либо номинациями, связанными с метеонимом *дождь* грамматическими (*молотить, сеять* и др.) и тематико-ситуативными (*полосой...*) отношениями.

Посредством единиц лексикализованного знания выясняется, что императивом традиционной культуры является производящий земледelec, архетипом языкового сознания которого предстаёт Бог. Уровень понимания диалектоносителями мира атмосферных явлений, унаследованный от предшествующих поколений, поддерживается не только практическими интересами и целями, психологическими особенностями восприятия, но и отголосками религиозно-мифологической ментальности.

Докт. филол. наук Е.И. Голованова (Челябинск)

МОДЕЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ УЧЕНОГО

Работа над словарем языковой личности В.П. Тимофеева (1931-2004), известного уральского лингвиста, автора книг «Личность и языковая среда» (1971), «Диалектный словарь личности» (1971), «Фразеология диалектной личности» (2003) привела нас к необходимости построения модели языковой личности ученого. Под моделью в данном случае понимается отражение действительности, воссоздающее реальные связи и отношения с целью познания объективной истины.

Ученый – особый тип профессиональной личности, его язык и стиль мышления имеют ряд отличий: постоянная рефлексия и саморефлексия, «внутренний диалог», стремление классифицировать явления окружающей действительности, попадающие в «поле зрения» и ставшие предметом анализа; выделить закономерности, обнаружить сходное и различное между объектами; вербализовать и одновременно интерпретировать в слове свои эмпирические наблюдения, отсюда – специфическое отношение к слову и языку в целом как средству осуществления мысли, элементу мыследействия.

В словаре выделены три основных раздела: «Научное содержание концептосферы», «Индивидуальные личностные смыслы», «Прецедентные тексты и имена». Каждый из этих разделов объективирует важную часть структуры (модели) языковой личности ученого.

Первый раздел объективирует содержание *когнитивных структур*, то есть структур, связанных с познанием личности – для ученого это научное познание, являющееся основной формой его деятельности. В данном разделе представлены научные понятия, которые составляют главный познавательный интерес Тимофеева-ученого и с которыми связан его вклад в науку.

Второй раздел эксплицирует *концептуальные структуры*, или наиболее значимые для мыслительной деятельности личности устойчивые, базовые смыслы, определяемые принятой ею системой ценностей. Данные концепты не только мыслятся, но и переживаются. Совокупность этих смыслов формируется всем разнообразием деятельности человека на протяжении его жизни. Это отражение внутренней работы самосознания личности.

Третий раздел репрезентирует *мотивационно-прагматический компонент* структуры языковой личности ученого. В нем представлены прецедентные тексты и прецедентные имена, воспроизведенные личностью в текстах. Выбор имени в качестве объекта познания или обращение к нему как средству аргументации, использование тех или иных значимых для культуры текстов ярко характеризует анализируемую языковую личность, поскольку этот выбор всегда является осознанным.

Сравнение словников трех разделов четко разграничивает их содержание. Первый раздел представлен собственно лингвистическими и общенаучными терминами, которые являются ключевыми для анализируемой личности: *антоним, говор, идиолект, инстатив, личность, поэтический, рифма, словарь, среда, топоним, фактор, фразеологизм, явление, язык* и др. Полный перечень терминов демонстрирует широту научных интересов ученого. Данные единицы представлены в заголовках (и названиях разделов) научных трудов, имеют подробную классификацию (что актуально в рамках специального знания) и развитые парадигматические связи. Так, например, статья «Словарь» эксплицирует разветвленную типологию словарей, включающую их отраслевую дифференциацию (лингвистический, библиографический, биобиблиографический); сложную дифференциацию внутри науки о языке: референтную (омонимический, топонимический и др.); функциональную (арготический, диалектный); стилистическую (словарь рифм); формальную (частотный), формально-семантическую (фразеологический); практическую (индекс, реестр, толковник). Статья «Фразеологизм» включает вариантный ряд обозначений, что свидетельствует о сложности, поликатегориальности исследуемого понятия (фразеологическая единица, фразема, идиома; фразеологическая текстема – фраземная текстема), рассмотрении его в статике и динамике (фразеология – фразеологизация).

Второй раздел репрезентирует такие важные для В.П. Тимофеева личностные смыслы, как *друг, душа, жить, книга, краевед, лексикограф, лингвист, мать, мой, наследие, наш, слово, собирать, стихи, хранилище* и др. Среди перечисленных сущностей выделяются универсальные концепты (*мой*); концепты, имеющие национально-культурную специфику (*душа, друг, мать, слово*) и индивидуальные концепты (*книга, лексикограф, лингвист, наследие, собирать, хранилище* и пр.). В целом в разделе в вербализованном виде представлены наиболее значимые для личности духовные смыслы, сформированные под влиянием национальной культуры и социальной среды (важнейших факторов социализации личности).

Третий раздел состоит из собственных имен лиц и микротекстов, включенных в научные труды В.П. Тимофеева. В ряду собственных имен выделяется группа ученых: *В.В.Виноградов, Р.Р.Гельгардт, М.В.Ломоносов*; поэтов и писателей: *С.Есенин, М.Ю.Лермонтов, Е.Евтушенко, П.П.Бажов*; лексикографов: *В.И.Даль, В.П.Бирюков*. Имена названных людей создают «личностный ореол» вокруг Тимофеева, высвечивают его духовное и коммуникативное окружение. «Плотность» обращения к ним в текстах демонстрирует отбор автором наиболее близких ему по духу, мыслительному складу и деятельности людей: Есенин, Виноградов, Даль, Бирюков. Первый близок своим мироощущением (не

случайно именно есенинские строки составляют большую часть прецедентных текстов, ср. «Хлестнула дерзко за предел нас отравившая свобода», «С резными ставнями окно...», «Я тоскую по родине» и др.), второй – стилем научного мышления, третий – энциклопедизмом и любовью к русскому слову, четвертый – страстью к сохранению культурного наследия региона во всех его формах.

Словарь базируется на анализе разных типов текстовых источников, к которым относятся: 1) опубликованные и неопубликованные научные труды В.П. Тимофеева; 2) его научно-методические работы; 3) публицистические статьи; 3) автографы (инскрипты); 4) эпистолярные тексты; 5) материалы картотек; 6) материалы личного архива ученого (деловая документация, отзывы и рецензии на книги, статьи, диссертации и т.д.). Языковая личность В.П.Тимофеева воссоздается в словаре прежде всего на основе анализа опубликованных научных трудов. В центре внимания оказываются заголовки научных статей, индивидуально маркированная терминология, система образных средств, разнообразные проявления личностного начала (в посвящениях, в текстах предисловий, введении и заключении к монографиям, в авторских комментариях, в текстах статей в юбилейных сборниках и т.п.).

Создание словаря языковой личности ученого, представляющего собой первый опыт лексикографического описания профессиональной личности по данным языка, имеет теоретическую значимость, поскольку способствует формированию представлений об индивидуальных особенностях научного познания, позволяет выявить соотношение концептуальной и языковой картин мира ученого, углубить понимание процессов их динамики и эволюции. Проблема «человек в языке» в данном случае раскрывается на примере конкретной личности, что позволяет апробировать предложенную трехчастную модель языковой личности ученого, установить меру ее адекватности и возможности экстраполяции на другие личности.

Канд. филос. наук, докторант В.Н.Гребеньков (Москва)

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В ВОЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ОБЩЕСТВА

Язык выступает как синтез интегративного опыта. Данный синтез представлен в «Я». «Я» есть человеческое сознание, развившиеся до самосознания. «Я» – это целый человек. Согласно И.Канту, «Я» есть сознание, сопутствующее всем понятиям (И.Кант 1965: 143). Одновременно, оно есть «только осознание моего мышления» (И.Кант 1965: 377). В связи с этим, если человек не идет дальше мышления, то у него «нет необходимого условия для применения к самому себе как мыслящему существу понятия субстанции, т.е. самостоятельно существующего субъекта» (И.Кант 1965: 377). Согласно взглядам И.Г. Гердера (J.G.Herder 1954; 1971) и В. фон Гумбольдта (В. фон Гумбольдт 1984: 78-80), язык есть нечто не только конвенциональное или коммуникативное, но и абсолютно специфическое для природы человека. Гердер разрабатывал такие темы, как: 1) проблема интерпретации языка; 2) новое понимание истории в связи с проблемой концептуализации языка; 3) проблема примирения Спинозизма и те-

изма; 4) идею христианства как всечеловеческой религии. Согласно взглядам Гердера, язык есть нечто не только потенциальное или коммуникативное, но и весьма специфичное для природы человека.

Язык, по Гумбольдту, есть непрерывное творение человеческого духа. Язык – это энергия, «*energia*», а не «*energon*», благодаря энергии языка рождаются мысли. Взаимообусловленность, взаимовлияние языка и мышления выступают тем основанием, которое делает человека человеком.

Что следует понимать под военным языком? Под военным языком нами понимается общение в военной сфере, основной интенцией которого является установление особых отношений в военной сфере деятельности. Другими словами – выявление механизмов порождения и функционирования военных текстов, анализ метафор связанных с характеристикой речевого поведения субъектов воинской деятельности, изучение вербальных и риторических стратегий в военной сфере.

Ценностная сторона военного языка соотносит нормы, закрепленные в воинских уставах, наставлениях, инструкциях с важнейшими ориентациями человеческого поведения. Это выражается не только в деятельности, но и в оценочных суждениях.

В пределах одной культуры знак оценки того или иного явления, поступка, действия, качества в военной сфере деятельности в правовом и деонтическом кодексах совпадает, что обусловлено накопленным социальным опытом. При этом особо следует подчеркнуть, для нашей страны – это многовековой военный опыт, разнообразные военно-исторические события. История российского государства – это во многом история вооруженной борьбы за независимость страны, за ее целостность, это оказание вооруженной помощи другим странам и народам.

Военный язык так же опирается на ценностную картину мира, присущую данной культуре, вбирая в себя раз и навсегда определенный, условленный смысл того или иного явления, заключая его в конкретные формулировки, которые становятся уже знаками, отсылающими нас уже к накопленному, то есть прошлому опыту: «Хочешь мира, готовься к войне», «Каждый воин должен понимать свой маневр», «Принял присягу – от нее ни шагу», «Один в поле не воин».

Отдельные военные изречения дошли до нас в русских летописях. Так, знаменитый князь Киевской Руси Святослав, обращаясь к своей дружине произнес: «Да не посраим земле Русские, но ляжем костьми, мерты ибо срама не имам» (Полное собрание... 1962: 70).

Вместе с тем выделяются прецедентные тексты для определенной сферы, которые должны быть известны в той или иной мере всем ее представителям и которые приобретают высокий индекс цитируемости. Для военного языка – это могут быть распространенные тексты пословиц и поговорок, афоризмов, в определенной степени латинских «крылатых выражений». Они включают многочисленные оценки, требования к определенным воинским нормам поведения, выступая при этом не только действенным средством воспитания, но и средством в практике обучения воинов.

Язык, таким образом является продуктом высокой духовности общества. «Формальная сторона языка есть, однако, – пишет Гегель, – дело рассудка, который запечатлевает в нем свои категории; этот логический инстинкт порождает их грамматическую сторону» (Г.В.Ф.Гегель 1977: 87).

Изучение военного языка показывает, что он обладает достаточно и детально развитой грамматикой, является неотъемлемой частью жизни, отражает социальную и культурную историю его народа.

Цитируемая литература:

Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. – Т. 3. Философия духа. – М., 1977.

Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. С. 78-80.

Кант И. Соч. в 6 т. – Т. 4. Ч. 1. – М., 1965.

Полное собрание русских летописей. – Т. 1. – М., 1962.

Herder J.G. Sallio sull'origine del linguaggio. – Roman, 1954.

Herder J.G. Iden per una filosofia della storia dell'umana. – 1971; Ancora una filosofia della storia per l'educazione dell'umana. – Torinj, 1971.

Аспирантка Н.А. Гуливец (Севастополь, Украина)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СИТУАЦИИ ДОСУГА СРЕДСТВАМИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В современной когнитивно-дискурсивной парадигме ситуация понимается как «когнитивно-коммуникативная форма представления знаний в языке и речи, что позволяет раскрыть взаимодействие определенной языковой формы с обозначаемым ею экстралингвистическим фактом, закрепленным в сознании членов конкретного социума и реализованным ими в речевом континууме» [Левицкий, Савчук 2007:171].

Ситуация получает различные речевые номинации вследствие индивидуального членения мира каждым участником и обобщения его собственного опыта, основанного на этнических, социальных и индивидуально-психологических параметрах [Переверзев 1998:28]. Так, например, эстетическая составляющая досуга может реализовываться с учетом социального и возрастного фактора: *They'd been to Hodgkin at the Hayward, and Shostakovich at the Festival Hall. They'd seen Pinter at the Almedia, and Ballet Rambert at Sadler's Wells* [Wolff], либо *'What would you like to do next, Max? How about the museum? Would you like to see the mummies?'* [Cox]. В некоторых случаях прием пищи как разновидность досуга определяется личными гастрономическими пристрастиями участника ситуации: *...guided her to a small Greek restaurant in Bayswater* [Shelton 2000:105]; *...hit Leon's Tapas Bar for a drink and tapas* [O'Flanagan 2002:154] и т.п.

Одной из форм репрезентации знаний в когнитивной лингвистике является фрейм, введенный в научный обиход М.Минским для обозначения иерархиче-

ски организованной структуры данных, которая аккумулирует знания об определенной стереотипной ситуации или классе ситуаций [Minsky].

Ситуация досуга может быть отражена как серия динамических фреймов – скриптов, формирующихся в результате прямого опыта или наблюдения над другими людьми. ДОСУГ выступает как родовое понятие, включающее ряд стереотипных ситуаций (скриптов), в совокупности составляющих полную картину действия. Так, ДОСУГ охватывает такие привычные ситуации, как посещение кинотеатра (*Jane had a sudden, happy vision of them attending the Royal Premiere of 'Star-Quake!' in Leicester Square* [Wolff]), прогулка (*Then on Sunday we drove to Kew and walked all around and we're taking a picnic to Hampstead this weekend* [Shelton 2000:109]), ужин в ресторане (*We went to a different restaurant each night, shared a bottle of wine, had coffees and talked* [O'Flanagan 2002:223]) и т.п.

Формирование скриптов происходит в филогенезе, но постоянно обновляется вследствие приобретения человеком жизненного опыта [Демьянков] и изменений структуры общества, а в последнее время обуславливается влиянием научно-технического прогресса. Именно поэтому скрипты, входящие в ситуацию ДОСУГ, получают потенциальные социальные (*Clubbing tonight if I can convince him, and said I'd come and see him play [football] on Saturday* [Shelton 2000:49] vs. *Her neighbours on both sides were elderly widows who occasionally called in on her in the evenings to invite her for cups of tea* [Shelton 2000:69]), культурные (*Like her, he loved the opera – he went to Glyndebourne every year* [Wolff] vs. *Maybe I'd go to the pictures, I thought* [O'Flanagan 2002:75]) и возрастные (*Three young girls glided along on rollerblades, making skillful turns and jumps so that they almost floated in the air* [O'Flanagan 2002:197] vs. *On Saturday night I've got a fund-raising dinner to attend* [Shelton 2000:122]) характеристики.

Перспективным представляется рассмотрение референтного и коммуникативного аспектов ситуации досуга, а также способы ее текстового воплощения.

Литература:

Демьянков В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка. – Режим доступа: <http://www.ifolex.ru/>.

Левицкий А.Э., Савчук И.И. Ситуация как когнитивно-коммуникативная форма представления знаний в языке и речи // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: Сб. науч. тр. – М.-Калуга: Изд-во «Эйдос», 2007. – С. 171-179.

Переверзев К.А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка // Вопросы языкознания. – 1998. – №5. – С. 24-52.

Cox A. No Problemo. – Режим доступа: <http://www.eastoftheweb.com>.

Minsky M. A Framework for Representing Knowledge. – Режим доступа: <http://web.media.mit.edu/~minsky/papers/Frames/frames.html>.

O'Flanagan Sh. Isobel's Wedding. – L.: Headline Book Publishing, 2002. – 599 p.

Shelton H. Heart at risk. – Richmond: Mills and Boon, 2000. – 187 p.

Wolff I. Short Stories. – Режим доступа: <http://www.isabelwolff.com>.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ВЫСКАЗЫВАНИЙ В РЕЧЕВЫХ МАНИПУЛЯЦИЯХ
(на материале английских и русских народных сказок)

Изучению функционирования высказываний, формирующих речевое манипулятивное воздействие, посвящено немало работ (см., например, А.Вежбицка 1993, Н.А.Купина 1995 и др.). В данной статье предлагается рассмотреть синтаксические параметры, определяющие то или иное высказывание как манипулятивное, то есть способное оказать психологическое воздействие одним персонажем сказки на другого.

Напомним, что под речевой манипуляцией нами понимается вербально выраженный вид психологического воздействия, в результате которого у объекта манипуляции возникает желание или намерение, не являющееся его собственным и приводящее к получению субъектом манипуляции определённой выгоды.

Соглашаясь с идеей В.В.Латынова (1994), С.Г.Кара-Мурзы (2001) и др. о том, что язык обладает определёнными манипулятивными возможностями, подчеркнём, что указанные возможности обнаруживаются на всех пяти традиционно выделяемых в отечественной лингвистике языковых уровнях, а именно: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и семасиологическом.

Использование синтаксических средств в осуществлении манипулятивного акта, в сравнении с использованием средств других языковых уровней, представляется автору наиболее продуктивным. По нашему убеждению, данное явление вполне закономерно, если принять в качестве отправного момента тот факт, что единицей манипулятивного речевого воздействия следует считать высказывание манипулятора. Именно высказывание манипулятора, в синтаксическом плане оформленное как отдельное предложение, обладает определённой целостностью, законченностью и самостоятельностью в сравнении с составляющими других языковых уровней (ярусов).

Параметры функционирования синтаксических единиц в манипулятивных контекстах, по нашему мнению, вполне соотносимы с принятой классификацией предложений-высказываний в современном русском языке. В проводимом нами исследовании манипулятивные высказывания, подобно любым другим речевым высказываниям, рассматриваются по следующим критериям (указанные ниже критерии взяты нами из вузовского учебника по синтаксису «Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц», 2002): 1) по цели высказывания, 2) по интонации, 3) по структуре, 4) по отношению к действительности, 5) по количеству главных компонентов, 6) по представленности главных компонентов, 7) по типам связи простых предложений-высказываний внутри сложного, 8) по наличию недостатка/избытка компонентов, 9) по размещению компонентов.

Так, среди синтаксических единиц, составляющих манипулятивный речевой акт, по цели высказывания мы выделяем три типа: повествовательные, вопросительные и побудительные. Каждый из перечисленных типов может функ-

ционировать как в собственном, так и в несобственном значении, т.е. может выступать в роли другого типа. Так, повествовательное предложение *Хорошо у вас в доме и красиво; только нет у вас трёх вещей* состоит из двух частей: первая из которых *Хорошо у вас в доме и красиво...* является собственно повествовательной, а вторая *...только нет у вас трёх вещей* – несобственно повествовательная, так как констатируя факт отсутствия *трёх вещей*, она содержит призыв (побуждение) к их приобретению. Действительно, если проследить за развитием событий в сказке «Поющее дерево и птица-говорунья», из которой взята цитируемая реплика старушки-манипулятора, то увидим, что у царевны, объекта манипуляции, возникает желание приобрести данные вещи, и по её просьбе братья отправляются на их поиски (см.: Народные русские сказки т. 2 1985: 308-310).

Проведённый нами анализ высказываний участников манипулятивного воздействия (в количестве 2240 реплик), выявленных в английских и русских народных сказках, показал, что употребление высказываний в несобственном (непрямом) значении составляет 9% у субъекта и 4% у объекта манипуляции в английском языке и 13% у субъекта и 5% у объекта манипуляции в русском языке. Очевидно, что независимо от языка, манипулятор вдвое чаще прибегает к использованию непрямых синтаксических значений в общении со своей жертвой. Отметим, что не прямое значение предложение приобретает тогда, когда его структура не соответствует семантике: повествовательное предложение может содержать в себе вопрос и, наоборот, вопросительное предложение может заключать в себе утверждение (так называемые риторические вопросы). Рассмотрим примеры манипулятивных воздействий из контекстов народных сказок (предложения, употреблённые в несобственном значении, подчёркнуты):

1. Повествовательные высказывания в значении побудительных (повествовательные-побудительные предложения):

А) «“Oh, but,” quoth Jack, “here’s the king’s son a-coming with a thousand men in armour to kill you and destroy all that you have!”

“Oh, cousin Jack,” said the giant, “this is heavy news indeed! I will immediately run and hide myself, and thou shalt lock, bolt, and bar me in, and keep the keys until the prince is gone.”» (из сказки «Jack the Giant Killer»)

«– Да, – говорит Джек, – но вот приближается королевский сын во всеоружии: он хочет убить тебя и разрушить все твои владения!

– Кузен Джек, – сказал великан, – Какие ужасные новости! Я сейчас же побегу спрячусь, а ты закрой меня на ключ, затвори на засов и не выпускай меня до тех пор, пока принц не уйдёт» (из сказки «Jack the Giant Killer/ Джек – победитель великанов»);

В) «Что, добрый молодец, дела пытаешь иль от дела лытаешь?» – «Эх, старая хрычовка! Не накормила, не напоила, да вестей спрашиваешь». Баба-яга накормила его, напоила, вестей повыспросила...» (из сказки «Царь-девица»).

Повествовательные высказывания, употребляемые манипулятором в значении побудительных, по нашему мнению, наилучшим образом отвечают требованиям «идеальной» манипуляции: психологическое воздействие остаётся незамеченным, так как манипулятор всего лишь делает сообщение, а объект воздействия самостоятельно додумывает возможные последствия, принимает

решение и поступает таким образом, что его собеседник неизменно пребывает в выигрыше.

2. *Вопросительные высказывания в значении побудительных* (вопросительно-побудительные предложения):

А) «“Would not your highness call the witness, and prove his truthfulness before condemning me?” asked Ian na Sporrان. “If I am guilty, I am willing to die! if I am innocent, your own justice and your wife’s beauty forbid that I should suffer.”

“I am a just man, and my wife is beautiful,” answered the chief. “You are right. Ian na Piob, call your witness.”» (из сказки «The Faithful Purse-Bearer»)

«– Не соизволит ли ваша светлость позвать свидетелей и доказать правду прежде, чем осудить меня? – спросил Ян-на-Спорран. – Если я виновен, я согласен умереть! Если я не виновен, то ваша честность и красота вашей жены не позволят мне страдать.

– Я справедливый человек, а моя жена красива, – ответил хозяин. – Ты прав. Ян-на-Пиоб, позови своих свидетелей» (из сказки «The Faithful Purse-Bearer»);

В) «Говорит царевна: «Посмотри-ка, царь! За кого мне замуж идти: за тебя ли, старого, или за него, доброго молодца?» Царь подумал: «Если и я в молоке искупаюся, таким же красавцем сделаюся!» Бросился в чан и сварился в молоке» (из сказки «Три царства – медное, серебряное и золотое»).

3. *Вопросительные высказывания в значении повествовательных* (вопросительно-повествовательные предложения):

А) “Hush! there, don’t you hear that?” as a gust of wind swept round the tower; “there he is blowing his nose! Oh! Don’t alarm yourself; he is miles and miles off still.” (из сказки «The Brazen Brogues»)

«Тише! Разве ты не слышал этого? – за башней послышался вой ветра. – Вот он сморкается! Не беспокойся, он от нас ещё за несколько миль» (из сказки «The Brazen Brogues/Медные башмаки»);

В) «И он, Ерш, мне рече: «Братец Осетр, коли меньшей брат ходит напредь большего?» И я на его, господа, прелестное слово положился и в невод пошёл, обратился в невод да увяз...» (из сказки «Сказка об Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове»).

Вопросительно-побудительные и вопросительно-повествовательные высказывания манипулятора служат той же цели, что и повествовательные, однако, они представляются нам более искусными с точки зрения психологического манипулирования. Вопрос, как известно, всегда предполагает ответ (или другую соответствующую реакцию на него), у жертвы манипулятивного воздействия не остаётся времени на то, чтобы хорошо обдумать смысл сказанного, объект воздействия тут же включается в некую акцию, навязанную манипулятором, и попадает в расставленные им сети.

Следовательно, использование высказываний не в своём прямом значении, представляется не только ярким стилистическим приёмом в речи говорящего, но и эффективным собственно манипулятивным приёмом, одинаково успешно используемым представителями англо- и русскоязычных лингвокультур.

Аналогичным является функционирование высказываний по такому параметру, как отношение к действительности (утвердительные и отрицательные

высказывания). Количество высказываний, употребляемых субъектом манипуляции в несобственном значении, несколько выше, чем у манипулируемого объекта в английских народных сказках и значительно выше у русскоязычного субъекта манипуляции по отношению к объекту. Случаи употребления англоговорящим субъектом манипуляции высказываний в несобственном синтаксическом значении довольно редки: 3% несобственно-утвердительных *And don't you have anything else but boy-meat? No pudding?/Вы только мальчиков едите? А пудинг, например?* (из сказки «Mr. Miacca») и 2% несобственно-отрицательных *Why do you blame Adam? You'd ha' done just like Adam, if you'd a-been in his place/Зачем винить Адама? Ты бы сделал то же самое, будь ты на его месте* (из сказки «A Son of Adam»).

В русских народных сказках персонаж-манипулятор представляется более искусным (сравнительно с персонажем английской сказки) в плане речевого умения «маскировки» интенций, предназначенных для осуществления собеседником. Он в 4 раза чаще, чем объект манипуляции, прибегает к использованию несобственно-утвердительных высказываний и в 2,3 раза – несобственно-отрицательных, например:

1) несобственно-утвердительные:

«Да разве ты одну голову прятал в мешок?» (из сказки «Старая хлеб-соль забывается»);

«Вишь прыткий! Ну, где тебе перегнуть меня?» (из сказки «Иванко Медведко»);

«Что тебе и говорить!» (из сказки «Морской царь и Василиса Премудрая»);

«Что вы тут сидите!» (из сказки «Козьма Скоробогатый»);

«Есть из чего хлопотать!» (из сказки «Купленная жена»).

2) несобственно-отрицательные:

«Я за неё [индюшечку] не возьму и невесточку!» (из сказки «Лисичка-сестричка и волк»);

«Как мне не плакать?» (из сказки «Лиса, заяц и петух»);

«Ведь ты моему горю не пособишь?» (из сказки «Морской царь и Василиса Премудрая»).

Подводя итог, отметим, что манипулятивным целям также могут служить восклицательные высказывания (интонационный критерий), сложные, избыточные по своей структуре предложения-высказывания, свойственные в большей степени англоговорящему субъекту манипуляции, простые, чаще – односоставные, характерные для речи русскоязычного манипулятора, высказывания (структурный критерий, критерий представленности главных компонентов) и др. (более подробно см. С.О. Гуляйкина 2007).

Таким образом, синтаксические параметры функционирования манипулятивных высказываний наглядно демонстрируют наличие в языке таких средств, умелое использование которых способствует созданию и проведению определённого психологического воздействия на адресата.

Литература:

Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 107-116.

Гуляйкина С.О. Вариативность/инвариантность в речевых манипуляциях персонажей сказок (на материале английского и русского языков) Дисс. ... канд. филол. наук. – Ульяновск, 2007. – 166 с.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием в России сегодня. – М.: Алгоритм, 2001. – 544 с. (Серия История России. Современный взгляд).

Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. – Екатеринбург – Пермь: Изд-во Урал. ун-та. – ЗУУНЦ, 1995. – 144 с.

Латынов В.В. Речевое воздействие в условиях публичной дискуссии (на материале парламентских выступлений) // Психологический журнал. – Том 15. – 1994. – № 1. – С. 50-59.

Народные русские сказки А.Н.Афанасьева: В 3-х томах. – Т. 1. – М.: Наука, 1984. – 512 с.

Народные русские сказки А.Н.Афанасьева: В 3-х томах. – Т. 2. – М.: Наука, 1985. – 464 с.

Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учеб. для студентов высш. учеб. заведений: В 2-х ч. – Ч.2.: Морфология. Синтаксис. / В.В.Бабайцева, Н.А.Николина, Л.Д.Чеснокова и др.; Под ред. Е.И.Дибровой. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 704 с.

English Fairy Tales / Collected by Joseph Jacobs; illustrated by J.D.Batten. – Frederic Muller LTD, London, 1963. – viii, 331 p.

Scottish Fairy and Folk Tales by Sir G. Douglas. – New York, 1901 – 360 p.

Канд. пед. наук О.В.Дронова, А.И.Жолнерик (Пенза)

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ МЕНЕДЖЕРА К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ

в современном российском обществе имеется социальный заказ на специалистов с рабочим знанием иностранного языка. Россия, вступившая в интеграционные процессы, охватившие все страны, особенно европейские, становится участницей международных проектов, мультинациональных корпораций. Совет Европы, членом которого является Россия, выдвигает требование владения четырьмя иностранными языками всеми гражданами стран-участниц Совета. В некоторых европейских странах распространен «Европейский языковой портфель» – личный документ, который позволяет оценить языковую компетенцию в различных языках и контакты с другими культурами. Он включает:

- языковой паспорт, в котором отражены языковые навыки, описанные на основе уровней «Общеввропейских компетенций владения иностранным языком», сведения об изучении языков и опыте межкультурного общения, перечень сертификатов и дипломов;
- языковую биографию;
- досье, содержащее документы, подтверждающие достижения в области изучения иностранных языков.

В современном открытом обществе интенсивно развиваются прямые международные контакты между российскими и зарубежными предприятиями, учреждениями, учебными заведениями и т.д., что не могло не отразиться на обу-

чении иностранным языкам. Современные тенденции обучения иностранным языкам нашли отражение в документах Совета Европы, трудах отечественных (О.А.Артемьева, Н.Д.Гальскова, И.А.Зимняя, Г.А.Китайгородская, А.А.Леонтьев, С.Г.Тер-Минасова и др.) и зарубежных (Д.Адамсон, А.Дофф, Дж.Ричардс, Т.Роджерс, П.Ур, М.Эллис и др.) авторов.

К тенденциям в обучении иностранным языкам специалистов следует отнести: соотнесенность целей и содержания обучения с формированием межкультурной коммуникативной компетенции, включающей лингвистический, социокультурный и интерактивный компоненты; соотнесенность задач и требований с уровнями владения всеми видами речевой деятельности и с освоением языкового материала, с общеевропейскими и отечественными стандартами обучения; лингвокультурологическую и профессионально-ориентированную направленность обучения (т.е. специальные сведения из различных областей деятельности, позволяющие сделать иностранный язык средством получения новой, профессионально-значимой информации) и т.д.

Цель обучения иностранному языку специалистов предполагает развитие способностей к межкультурной профессионально-ориентированной коммуникации. Реализация цели предусматривает:

- расширение лингвистических представлений, знаний и умений;
- совершенствование культуры межличностного и делового общения в профессионально значимых ситуациях межкультурного сотрудничества;
- использование иностранного языка в качестве инструмента обмена профессионально значимой информацией.

Рост политико-экономических связей и контактов России с другими государствами оказал влияние на все сферы общества, в том числе и на производство. В настоящее время российские предприятия расширяют международные связи и устанавливают прямые профессиональные контакты с зарубежными партнерами, они занимаются проведением совместных научно-исследовательских и экспериментальных работ, осуществляют экспортно-импортные операции, создают совместные предприятия.

Возрастающий масштаб решаемых менеджерами задач диктует необходимость уверенного владения иностранным языком, так называемого «рабочего» знания языка, т.е. умения использовать иностранный язык в профессиональной сфере. По роду своей деятельности менеджер отвечает за становление деловых продуктивных отношений с партнерами, в том числе и зарубежными, обеспечивая своей компании конкурентоспособность на внешнем рынке. Для эффективного выполнения данной задачи менеджер должен уметь общаться на иностранном языке. Партнеры по бизнесу должны хорошо знать друг друга, доверительно и продуктивно сотрудничать, взаимодействуя без посредников. Как показывает практика, самым серьезным препятствием для узнавания и понимания друг друга становится незнание языка.

Сегодня нельзя не учитывать тот факт, что язык во всех его проявлениях приобретает экономическую ценность. Согласно точке зрения Е.И.Пассова «знание иностранного языка на наших глазах из сугубо личной потребности вырастает до поистине государственных масштабов, становится национальным капиталом. Можно без преувеличения сказать, что иноязычная грамотность –

экономическая категория. Мы начинаем осознавать, что нужды производства и иноязычная грамотность неотделимы. Иностраный язык, интегрируясь с техническими науками и материальным производством, перерастает в непосредственную производительную силу».

Процесс профессионального иноязычного общения предполагает наличие у менеджеров умений и навыков ведения профессионального информационного обмена и структурирование наиболее распространенных ситуаций профессионального взаимодействия на иностранном языке (установление личных контактов, проведение презентаций, совещаний и собраний, проведение переговоров, ведение телефонных разговоров, участие в семинарах и конференциях, решение проблем, обмен деловой корреспонденцией, написание отчетов).

Таким образом, обусловленное социальным заказом общества профессиональное иноязычное общение становится одной из самых значимых составляющих профессиональной деятельности менеджера, а знание иностранного языка – капиталом, наличие которого гарантирует менеджеру успех его профессиональной карьеры.

Для применения иностранного языка как средства общения менеджеры должны уметь пользоваться им в устной и письменной формах. Здесь имеется в виду развитие и совершенствование четырех видов речевой деятельности: рецептивных – аудирования и чтения, продуктивных – говорения и письма, а также связанных с ними трех аспектов языка – фонетики, лексики, грамматики.

В результате анализа содержания деятельности менеджера мы выделили необходимые знания, а также ключевые умения и навыки, составляющие, по нашему мнению, компонент готовности менеджера к профессиональному иноязычному общению и распределили их по видам речевой деятельности. Остановимся на них подробнее.

Менеджер должен иметь сведения:

- о социокультурной специфике делового социума страны изучаемого языка;
- о ситуациях межкультурной деловой коммуникации;
- о правовых, финансовых, этических, межличностных аспектах менеджмента страны изучаемого языка.

Менеджер должен знать:

- соответствующие иноязычные терминосистемы (экономика, менеджмент), необходимые для профессионального делового общения в устной и письменной формах;
- основные словообразовательные элементы английского языка;
- грамматические формулы, употребляемые в устной речи и в деловой переписке;
- структуру устного монологического и диалогического высказываний;
- структуру делового письма;
- речевые клише и стилистические средства, используемые в деловой, устной и письменной речи;
- стандарты деловых письменных сообщений;
- основные нормы экстралингвистического и лингвистического поведения в англоязычных странах.

Менеджер должен уметь:

Аудирование:

- понимать в деталях ясные и логичные высказывания, касающиеся профессиональной деятельности менеджера;
- понимать телефонные разговоры общеделовой тематики, интервью (собеседование), тематические программы;
- понимать основные идеи трудной по форме и содержанию речи на общеделовые и профессиональные темы, изложенные на литературном языке;
- понимать переговоры и обсуждения профессиональных тем по специальности.

Чтение:

- владеть всеми видами зрелого чтения профессиональной литературы.

Говорение (монолог):

- уметь давать точное и подробное описание общеделовых и профессиональных проблем;
- уметь давать презентации на различные темы;
- уметь обобщать письменные сообщения, презентации, интервью, переговоры, обсуждения профессиональных вопросов, содержащих различные мнения, аргументы и комментарии;
- уметь давать обоснованные аргументы, четко организуя своё высказывание;
- уметь объяснить точку зрения по важному профессиональному вопросу, объясняя достоинства и недостатки различных вариантов его решения;
- уметь высказывать предположения относительно решения данного вопроса и возможного развития событий.

Говорение (диалог):

- уметь свободно начать деловой контакт, поддержать и завершить его, выступая успешно как в роли слушающего, так и говорящего;
- уметь вести телефонные переговоры общеделовой тематики;
- уметь довольно уверенно обмениваться подробной общеделовой и профессиональной информацией при контактах с зарубежными коллегами;
- уметь активно участвовать в длительном обсуждении по темам делового характера;
- уметь принимать активное участие в полуофициальных беседах на различную тематику, выражать своё мнение, четко высказывать свою точку зрения, гипотезу и реагировать на мнение собеседников;
- уметь во время дискуссии объяснить и доказать свою точку зрения, приводя необходимые объяснения.

Письмо:

- уметь заполнять готовые формы и бланки;
- вести записи во время беседы, переговоров;
- уметь трансформировать информацию в/из графической (табличной) формы;
- уметь составлять деловую корреспонденцию различных типов (письма, резюме при поиске работы, отчеты, служебные записки и т.д.) с соблюдением требований к оформлению;

- уметь вести документацию;
- уметь написать тезисы сообщения/доклада профессионального характера.

Таким образом, овладение вышеперечисленными знаниями, а также развитие ключевых умений и навыков, составляющих компонент готовности менеджера к профессиональному иноязычному общению, позволит специалистам данного профиля эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность и быть конкурентоспособными как на внутреннем, так и на внешнем рынке труда.

Литература

Европейский языковой портфель. – СПб.: Златоуст, 2001. –64 с.

Зеер Э.Ф. Профессиональное становление личности: Кризисы и их преодоление //Профессионально-педагогическое образование. Ч. 1. – Екатеринбург: СИПИ, 1994. – С. 39-44.

Мазунова Л.К. Непрерывное обучение иностранным языкам и языковое развитие человека. //ELT News & Views. – № 2. – 1998. – С.2-4.

Образование взрослых на рубеже 21 века: проблемы и перспективы. /Под ред. Онушкина В.Г. –СПб.: Институт образования взрослых РАО, 1995. –143 с.

Образование взрослых: теория и практика /Под ред. В.Г.Онушкина. – СПб.: Институт образования взрослых РАО, 1995. –97 с.

Пассов Е.И. Коммуникативное иноязычное образование: Концепция развития индивидуальности в диалоге культур. – Липецк, 1998. – 158 с.

Студент А.В.Живаев (Ульяновск)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТОВ «ПРАВДА» И «ИСТИНА» В НАУЧНОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТАХ

Современная лингвистика характеризует себя как лингвистика антропоцентричная.

Данный подход предполагает наличие у индивидуума определённой «языковой картины мира» – результат переработки информации об отражении реального мира в сознании человека.

Языковая картина мира непосредственно связана с концептосферой – совокупностью концептов нации, где концепт – это ментальные образования, существующие в сознании, необходимые для адекватного употребления данного имени, сформированные в процессе познавательной деятельности человека в результате переработки (анализа, синтеза, обобщения) информации, поступающей извне.

Концептосфера каждой нации (так же как и индивидуума) уникальна.

Особый интерес для исследования представляют так называемые «ключевые концепты культуры» (по В.А. Масловой), обладающие определённой значимостью для лингвокультурного сообщества в целом.

К «ключевым концептам» можно отнести концепты «правда» и «истина»: структура и содержание данных понятий отражают сложную духовно-нравственную систему определённой нации; данные концепты широко исполь-

зуются в терминах науки и искусства, то есть сферах, которые непосредственно связаны с национальной культурой; классическим примером различия «языковых картин» разных народов является наличие в русской культуре таких понятий, как «правда» и «истина», и отсутствия аналогов в других языках.

Следовательно, описание концептов даёт возможность показать особенности национального мировидения.

Рассмотрим структуру концепта. Она состоит из трёх слоёв: первый – актуальный компонент в содержании концепта, в виде которого концепт и существует в языке; второй – «неактуальный», или исторический, отражающий дополнительные признаки; третий – внутренняя форма, смысл, который не осознаётся в повседневном использовании, является этимологической основой концепта (по Ю.С.Степанову).

В синхроническом рассмотрении данные концепты очень близки по значению. Сравните: «Истина» – 1) то, что существует в действительности, отражает действительность, правда; 2) Утверждение, суждение, проверенное практикой, опытом (С.И.Ожегов 1998: 221). «Правда» – 1) то, что соответствует действительности, «истина»; 2) порядок, основанный на справедливости, честности; 3) то же, что и правда (разг.) и т.д. (С.И.Ожегов 1998: 498).

Исследователи данных концептов утверждают, что подобное родство в значении – результат исторического развития концептов.

Обратившись к этимологии концептов, заметим существенное различие в их значении. Так концепт «правда» подразумевает соответствие определенным юридическим нормам, справедливости, некому идеалу, в то время как «истина» указывает на некую «объективную» действительность (см.: М.Фасмер, А.В.Трофимов, М.В.Черников, Р.М.Цейтлин).

На синхроническом уровне также обнаруживаем чёткие различия между концептами. *Истина* скорее связывается с чем-то неизменным, высшим, вечным, она ориентируется на знание, в котором описана модель конкретного положения дел, сущего. *Правда* связана с земным, конкретным, изменчивым, тяготеет к знанию нормативного плана, в котором задается модель действия (см.: В.В.Знаков, Н.Д.Арутюнова, М.И.Агиенко, А.В.Пузырёв).

В нашем исследовании мы анализировали не только слова-репрезентативы (правда и истина) концептов, но и их экспликацию посредством языковой модальности.

Каждое предложение своей грамматической организацией определенным образом соотносено с действительностью, формируется же эта соотносённость говорящим. Это отношение к действительности, устанавливаемое говорящим и выражаемое при помощи языковых средств, и получило название модальности.

При изучении категории модальности в русском языке выяснилось, что в системе русского языка существуют микрополя «истинности» и «вероятности» различной степени (микрополя высокой, средней и невысокой «вероятности»; микрополя имплицитной, подчеркнутой и проблематичной «истинности»).

Каждому микро полю соответствует свой набор модальных единиц. Проанализировав функционирование слов-репрезентативов и модальных единиц, соответствующие концептам «правда» и «истина», на примере четырёх научных и четырёх художественных текстах, мы обнаружили, что в художествен-

ных текстах – сравнительно с научными текстами – реже употребляются единицы микрополя истинности (ср.: 3695 и 4782 употребления). В художественных текстах чаще – в сравнении с научными текстами – используются единицы микрополя вероятности (соответственно 1467 и 990 употреблений), причем употребление единиц микрополя вероятности высокой степени заметно чаще в научных, чем в художественных текстах. Частотность употребления единиц средней и низкой степени микрополя вероятности в научных текстах значительно меньше, чем в художественных текстах.

Есть основания утверждать, что научный текст в большей степени, чем художественный, стремится к употреблению единиц, отражающих концепт «истина».

Канд. филол. наук М. А. Лапыгин (Елец)

АВТОЛОГИЯ И МЕТАЛОГИЯ

В «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н.М.КАРАМЗИНА

I. В самом общем виде автология – это «речь, построенная без употребления в ней слов и выражений в переносном значении (тропов)» (Культура русской речи 2007: 18). Языковые единицы всех уровней в автологических текстах употребляются в наиболее частотных, прямых, непосредственных семантических реализациях. Противоположность автологии – металогия – «образная, тропеическая речь» (Культура русской речи 2007: 323). Металогические тексты используют слова и выражения в переносных значениях, связанных с преобразованием семантики.

Металогичность текста влияет на его восприятие. Тропы «приходят на помощь, когда необходимо сделать переход от одного значения к другому. Они извращают смысл слов и заставляют нас поверить, что человек – это не человек, а лев, краб или червяк» (Дюбуа 1986: 225). Таким образом, тропы используются там, где нужно особое воздействие на читателя.

II. Естественно, что классические художественные тексты очень удачно сочетают две указанные антиномии. При этом у русских писателей-реалистов (Д. И. Фонвизин, А. С. Грибоедов, А. И. Герцен, Н. А. Некрасов, А. П. Чехов, А. И. Куприн, И. А. Бунин М. А. Шолохов и др.) в художественных текстах преобладающим является автологический стиль, а у символистов, футуристов, имажинистов доминируют металогические элементы (тропы и фигуры речи, или метаболы, металогизмы, метасемемы в терминологии «Общей риторики»).

III. Казалось бы, что в научном стиле речи преобладающим должен быть автологический стиль речи. Ведь научному стилю присущи прямота, точность, однозначность словоупотребления. К сожалению, автология, при разделении наук на точные (естественные) и гуманитарные, считается и довольно давно считалась обязательным атрибутом первых указанных нами наук, тогда как представители гуманитарных наук могут себе позволить в большей или меньшей степени металогию. Однако, на наш взгляд, одним из действительных критериев подлинной научности того или иного текста и является подавляющее преобладание автологичности. В связи с этим можно напомнить о давнем споре в русской историографии, касающемся «научности» «Истории государства Рос-

сийского» Н.М.Карамзина. Попытаемся подойти к решению этого вопроса с помощью элементов лингвистического анализа текста.

IV. Рассмотрим на предмет наличия автологии/металогии главу «Истории...» Н.М.Карамзина, описывающую одно из ключевых событий русской истории – отказ от язычества и принятие христианства Владимиром Святославовичем.

Сам Н.М.Карамзин писал: «Но мы... не можем ныне витийствовать в истории. Новые успехи разума дали нам яснейшее понятие о свойстве и цели ее; здравый вкус уставил неизменные правила и навсегда отлучил дееписание от поэмы, от цветников красноречия, оставив в удел первому быть верным зеркалом минувшего, верным отзывом слов, действительно сказанных героями веков» (Карамзин 2003: 9). Однако декларация Н.М.Карамзина, свидетельствующая о намерении создавать автологический текст, на наш взгляд, так и осталась всего лишь декларацией, и, во всяком случае, глава о смене веры пестрит тропами и фигурами речи, т. о. доказывая металогичность текста. Отметим лишь те метаболы, которые, по нашему мнению, имеют наибольшее воздействие на читателя.

Начнем с фигуры противопоставления (антитезы). На протяжении всей главы язычество описывается лексемами с отрицательной коннотацией, а христианство – лексемами с положительной коннотацией, например: *Скоро знаменья веры христианской, принятой государем, детьми его, вельможами и народом, явились на развалинах мрачного язычества в России, и жертвенники Бога истинного заступили место идольских требищ* (Карамзин 2003: 136). Князья-язычники названы *великанами сумрака* (Карамзин 2003: 7). Владимир в язычестве был *мстителем свирепым, гнусным сластолюбцем, воином кроваждным и – что всего ужаснее – братоубийцею, наставленный в человеколюбивых правилах христианства, боялся уже проливать кровь* (Карамзин 2003: 143).

Далее остановимся на фигуре умолчания. Дважды в тексте главы употреблены многоточия (Карамзин 2003: 132, 142). Эти места в тексте «Истории...» повествуют о проявлении величия Всевышнего на церковной службе в Константинополе, которое и прельстило русских язычников, и о злом роке Владимира, разделившего Русь на уделы, что привело к гражданской войне. Кроме того, Н. М. Карамзин полностью замалчивает упоминание Иоакимовой летописи о кровавом крещении Великого Новгорода отрядами Владимира под предводительством Добрыни (Соловьев 1988: 177).

Цитируемая литература

Дюбуа Ж., Пир Ф., Тринон А. и др. Общая риторика. – М.: Прогресс, 1986. – 392 с.

Карамзин Н. М. История государства Российского. – Тт. I – VI. – М.: Эксмо, 2003. – 1024 с.

Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта : Наука, 2007. – 840 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. – Т. 1. // С.М.Соловьев. Сочинения: в 18 кн. – Кн. I. – М.: Мысль, 1988. – 797 [1] с.

ВИДЫ АКТУАЛИЗАЦИИ И МАНИПУЛЯЦИИ В ДИСКУРСЕ

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы дать представление о видах актуализации и манипуляции в дискурсе. Для решения этой проблемы, полагаем, следует обратиться к экстралингвистическим параметрам, разграничить проявления актуализации и манипуляции во внеязыковой реальности.

В понимании актуализационного и манипулятивного начал мы следуем за Э. Шостромом. Под манипулятором подразумевается «человек, который эксплуатирует, использует и/или контролирует себя и других как вещи определёнными саморазрушительными способами», а под актуализатором – «человек, который ценит себя и окружающих как личностей или субъектов с уникальным потенциалом» и является выразителем своего действительного «я» [Э.Шостром 2004: 8].

Сравните классификацию другого автора: игрок «прежде всего следует своим собственным интересам», «...к другим людям ... относится как к средствам, предметам для манипуляции», «тщательно скрывает своё пренебрежительное отношение» к своим жертвам при общении с ними; «открытый человек предпочитает откровенные взаимодействия», для него главное – «быть, а не казаться» [В.В.Макаров 2008: 31-32].

Мы полагаем, что вышеприведённые дефиниции указывают на два диаметрально противоположных типа людей: *манипулятора* (или *игрока*) и *актуализатора* (или *открытого человека*).

В соответствии с названными типами можно выделить и два вида поведения в социуме, сопоставив концепцию *актуализации* и *манипуляции* Э.Шострома и теорию игр Э.Берна. По Э.Берну, игра «представляет собой повторяющийся набор порой однообразных трансакций, внешне выглядящих вполне правдоподобно, но обладающих скрытой мотивацией». Игра обладает двумя основными характеристиками: 1) скрытыми мотивами; 2) наличием выигрыша. Игры бывают двух видов. Игры первого вида ведут к урону, содержат в себе эксплуатацию другого человека. Игры второго вида идут на благо всем игрокам, общественная полезность перевешивает сложность их мотивов [Э.Берн 1988: 37, 141]. Целью игры является получение выигрыша. Только в первом случае он будет односторонним, а во втором – обоюдным. Следовательно, принимая во внимание ключевой параметр разграничения *актуализации* и *манипуляции*, данные виды игр можно соотнести с *манипуляцией* и *актуализацией* соответственно [М.В.Маравина 2007].

Следует принимать во внимание, что понятие «игра» нельзя возводить в абсолют. В игре проявляется неполноценность субъекта, бегущего от жизни, с которой он не в силах совладать. «Игры и придуманы для того, чтобы уйти от проживания чувств, которые болезненны или незнакомы и поэтому пугают». Играм противопоставляются более конструктивные формы взаимодействия, например, совместная деятельность или близость [В.В. Макаров 2008: 34, 152].

Таким образом, в неязыковой реальности актуализация проявляется в «хороших», а манипуляция – в «плохих» играх.

ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ЗАПОЛНЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ЛАКУНЫ

Мышление как ментальная активность мозга осуществляется в ментальных образах и реализуется в языке. Сознание как способность к мышлению есть ничто помимо опыта. Поэтому в процессе мыслительной деятельности к объективному восприятию неизбежно примешивается субъективное. Субъективное знание не является противоположностью объективному, оно является составляющей объективного знания в том смысле, что объективным знанием обладает субъект познания.

Познание осуществляется через понимание. Понимание является процессом установления когнитивных связей между новой и уже имеющейся информацией. Коллективное и индивидуальное знание является непрерывно модифицируемой концептуальной системой данных об объектах окружающей действительности. В течение всей своей жизни человек присваивает культурный опыт и постигает различной сложности смыслы, формируя на их основе концепты.

Адекватное выражение ментального содержания удается не всегда. Поиск слова, наименования для еще неясного смысла есть одновременно развитие собственной концептуальной системы, заполнение концептуальных лакун. Поиск средств выражения ведется в том числе и с привлечением опыта других лингвокультур. Однако иноязычные слова называют инокультурные концепты. Смысл, очевидный в одном языке, иногда не поддается адекватной передаче средствами другого языка.

Осмысление значений слов является постижением ментального содержания, для выражения которого необходимы эти слова, освоением концептосферы иной лингвокультуры. При расхождении лингвокультурного опыта происходит заимствование инокультурного концепта с целью заполнения концептуальной лакуны, проявляющейся в процессе межкультурной коммуникации, к которой можно отнести и ознакомление с текстами иной лингвокультуры.

Носителю заимствующей лингвокультуры приходится каким-то образом встраивать инокультурные концепты в собственную концептуальную систему, которая формировалась в соответствии с коллективным опытом его культурно-языкового сообщества. При заимствовании лингвокультурных концептов происходит интерпретация инокультурных смыслов с помощью концептуальной системы носителя заимствующей лингвокультуры путем попытки описания инокультурного феномена.

Основанием для интерпретации инокультурного концепта является текст, его распредмечивающий, речевая практика употребления языковых средств, служащих для именованья данного концепта. Контекст употребления слов, как лингвистический, так и экстралингвистический, позволяет проследить концептуальные связи, общие для носителей лингвокультуры-донора. С помощью контекста заимствованный концепт встраивается в структуру заимствующей лингвокультуры.

Осмысление инокультурного концепта происходит постепенно при условии наличия интереса к опыту иной лингвокультуры. Не все носители языка интересуются всей глубиной инокультурного концепта, стоящего за заимствованным словом. Например, многие ученые знакомы с оборудованием и экспериментами, проводившимися на космической станции «Мир», но не все знают, что это название отражает стремления создателей этого проекта. Для них «Мир» – это название космической станции, реальия, и неизвестными остаются смысловые связи концепта *мир* с концептами *Вселенная, человек, человечество, жизнь, смерть, война*.

Так же, как заимствование иноязычных слов относится к области относительной свободы языковой личности, заимствование инокультурных концептов можно рассматривать как индивидуальное отступление языковой личности от коллективной речевой практики и творческое воздействие на концептосферу своего лингвокультурного сообщества с целью ее расширения и обогащения. Наличие в речи языковой личности инокультурных заимствований следует рассматривать как важную характеристику речемыслительной деятельности, как субъективную готовность к инновациям и стремление расширить свой лингвокультурный опыт.

Сознательная установка автора текста, как правило, художественного или публицистического, на обогащение своей лингвокультуры представлением об интересном с его точки зрения инокультурном феномене приводит к введению инокультурного концепта посредством насыщенного в смысловом отношении текста и может сопровождаться заимствованием иноязычного выражения в качестве имени заимствуемого концепта или описательным переводом и переводческим комментарием.

Канд. филол. наук Е.Г. Панасенко (Ростов-на-Дону)

РОЛЬ ЭТНОНИМОВ В РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Расширение межкультурных связей вызывает повышенный интерес к изучению этнонимов, поскольку обычные словарные определения не исчерпывают всего богатства и специфики этих единиц. Иностранцы граждане, приехав в Россию учиться, зачастую не разграничивают такие понятия, как «русский» и «россиянин», а слова, их обозначающие, употребляют в качестве синонимов.

Знакомство со средствами массовой информации в нашей стране создает довольно расплывчатый образ русского человека. Этому в немалой степени способствуют высказывания отдельных чиновников и деятелей культуры, которые или имеют смутное представление о национальной принадлежности, или в своих высказываниях ориентируются только на фоновые знания сограждан. Так, госсекретарь Союза России и Белоруссии Павел Бородин в беседе с журналистами заявил: *«Мы же все славяне. И армяне, и грузины, и казахи, и узбеки, и белорусы, и русские, и якуты, и эвены, и чукчи – все мы славяне»*. Хотя к славянам в этом перечне можно отнести только русских и белорусов, да еще украинцев, которых Бородин почему-то не упомянул. Депутат Константин Косачев считает, что *«если ты в Азии чувствуешь себя европейцем, а в Европе – азиа-*

том, значит, ты точно русский!» Никита Михалков придерживается другого мнения: «Русским может быть только тот, у которого чего-нибудь нет, но так нет, что нет – и хрен с ним!»

Взаимозаменяемость слов «русский» и «россиянин» в речи иностранцев свидетельствует о том, что национальные акценты в результате длительного исторического проживания в едином культурном пространстве были приглушены, что усилило качество «русскость» в каждом россияnine. Некоторые сочетания слов подчеркивают этнографическое своеобразие обозначаемых явлений: «русское масло» — топленое масло; «русская печь» — особым способом сложенная кирпичная печь для варки пищи, печения хлеба и отопления; «русская рубашка» — верхняя мужская одежда с косым воротом (косоворотка), «русские сапоги» — обувь с высокими голенищами (казаки). Степень устойчивости сочетаний с компонентами «русский» возрастает во фразеологических единицах: говорить «русским языком» — говорить ясно, понятно; *ответить (сказать) по-русски* — выругаться матом.

Налаживая взаимоотношения с иностранными гражданами, полезно взглянуть на нашу жизнь их глазами. И тогда можно обнаружить много интересного. В разных странах словом «русский» называют самые различные явления. Во Франции, например, «русской семьей» считают такую, в которой родители воспитывают более трех детей. При этом говорят о ней уважительно, так как понимают, какую ответственность несут родители. В Польше – напротив, слово «русский» в этом же сочетании приобретает презрительно-уничижительный оттенок: в такой семье муж сильно пьет и буянит, а жена все это терпит и не решается на развод. В Австралии, наряду с устойчивым интернациональным выражением «шведская семья», активно используется и другое – «русская семья». Так называют ячейку общества, где муж имеет постоянную любовницу и, не скрывая этого, демонстративно выводит ее в свет, а его жена заводит продолжительный роман на стороне.

В представлении немцев «русская невеста» — бесприданница, девушка из хорошей, но небогатой семьи. Испанцы так называют женщину, которая побывала замужем, овдовела и решила создать новую семью. В Швеции и Дании «русская невеста» выходит замуж только ради денег, соглашаясь на неравный с точки зрения возраста брак. Американцы считают «русской» невесту любой национальности, с которой жених познакомился по Интернету, даже если она из Португалии, Норвегии или Камбоджи. В перечне слов, сочетающихся с прилагательным «русский», особенно активны такие, как «секс», «бизнес», «обед», «салат» и так далее. В Китае «русским» называют секс прямо на первом свидании. В Бразилии – это длительный процесс, когда влюбленные отключают телефоны, опускают жалюзи и в течение трех дней предаются любовным утехам. «Русский обед» для серба обязательно включает первое блюдо: суп, солянку, борщ. В Норвегии во время «русского обеда» традиционно пьют крепкие спиртные напитки, а в США блюдо «устрицы по-русски» означает «с черной икрой», а в ОАЭ в «русском салате» много майонеза и картофеля.

Во всех странах «русский бизнес» оценивается крайне негативно. Так, в странах Балтии «русским» называется предпринимательство, когда хозяин накручивает цены и обманывает клиентов. В Западной Европе именуют дело, в

котором больше затрат, чем прибыли. В США с «*русским бизнесом*» отождествляют невыплату налогов и связь с русской мафией. Лишь в речи болгар негативный оттенок постепенно сходит на нет: «*русской*» называют любую сферу деятельности – магазины, мастерские, банки и т.д., работающие с перерывом на обед, который длится больше положенного.

Таким образом, впечатления от межнациональных встреч своеобразно преломляются в сознании людей. Обычно этнонимы сначала вводятся в обиход в составе свободных словосочетаний, где прилагательное сохраняет свое словарное значение, а затем оно образует фразеологическую единицу с оценочным или нейтральным смыслом (*русский бизнес, русская семья, русский салат*).

В русской фразеологии сравнительно немного единиц, в состав которых входят этнонимы: *шведский стол, французский поцелуй, китайские церемонии, немецкая педантичность, уйти по-английски* и др. Анализ изменения их значений требует пристального внимания для достижения взаимопонимания в межкультурной коммуникации.

Студент Е.А.Прокофьев (Саратов)

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОМО-ТЕКСТА

Немаловажной отраслью рекламы является реклама устная (УР), доставляющаяся потребителю на индивидуальном уровне. Она включает в себя прямое сообщение об услугах, продукте, предприятии или событии, передающееся от одного индивидуума, который каким-либо образом взаимодействовал с предметом сообщения, другому, с которым каким-либо образом знаком или имеет общие интересы. Исследование способов передачи рекламного сообщения, его строения, функционирования и, соответственно, воздействия на потребителя – актуальная проблема в современной лингвистике. Ответ на вопрос о том, какие именно особенности структуры языка могут быть использованы для эффективного преодоления защитных барьеров сознания при речевом воздействии, т.е. какие языковые инструменты используются для целей речевого воздействия позволит, с одной стороны, выработать новые приемы эффективной рекламы, а с другой – позволит вооружиться приемами защиты от «несанкционированного доступа» в языковое сознание потребителя.

Особой речевой формой в рекламе является промо-текст, понимаемый как заранее подготовленный рекламный текст для произнесения промоутером во время проведения рекламной акции. Произносится многократно, отдельно для каждой группы покупателей для привлечения внимания к акции и вовлечение к участию в ней. Проведенный нами анализ 40 промо-текстов и аудиозаписей их воспроизведения в конкретном акте рекламной коммуникации позволил заметить, что промо-текст открыт и интерактивен. Допускается внесение в него изменений для повышения его эффективности и для доступности. Но все эти изменения могут быть внесены только на уровне лексики, затрагивая, безусловно, стиль текста. Ведь промо-текст должен быть не просто лаконичным и информативным, он должен еще оказывать воздействие на потребителя, выполнять ма-

нипулятивные функции, функции внушения. Убеждающее сообщение, по мнению Вейсса, состоит из трех элементов:

1. Рекомендуемое коммуникатором (промоутером) мнение.
2. Аргументация в пользу этого мнения.
3. Некоторый нейтральный материал, который не повторяет, не обосновывает, но и не опровергает рекомендуемого ранее мнения [Роберт Вейсс].

Если все три элемента использованы в тексте в данной последовательности, то предполагается максимальная его эффективность. Но предугадать развитие диалога коммуникатора и реципиента практически невозможно, ведь уровень воздействия сочетает в себе не только вербальные, но и невербальные аспекты. И, конечно же, на манипулятивном уровне промо-текст и поведение коммуникатора меняются постоянно и оно индивидуально в отношении каждого реципиента.

Каждый промоутер, как известно, обращается к покупателю с заученной промо-речевкой. Но несмотря на то, что многие рекламные агентства запрещают отходить от основного текста, промоутер все равно видоизменяет его, приспособив его к своей личности, окружающей обстановке, рекламируемому товару и реципиенту. Тем не менее, большинство рекламных текстов и варианты развития диалога между промоутером и покупателем прописаны очень четко. В состав речевки нередко входит не только сам текст обращения к покупателю, привлечения внимания, но и возможные варианты развития диалога между промоутером и покупателем. В этих случаях строгое следование тексту является обязательным для промоутера. Например, в брифе на проведение стимулирующей акции пельменей «Русский хит» обозначены 13 возможных вопросов, которые клиент может задать промоутеру, а также ответы на них: *Я уже пробовал(а) эти пельмени и они мне не понравились!»*; *«А что именно вам не понравилось?»*; *Они невкусные: Возможно, Вам попалась подделка? Мы рекомендуем приобретать пельмени в авторитетных магазинах. Может быть, стоит попробовать еще раз?*; *Да там одна соя: В состав пельменей входят ТОЛЬКО НАТУРАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ без генномодифицированных добавок. Может стоит попробовать еще раз?*; *Общий ответ: Все покупатели, пробовавшие пельмени «Русский Хит», отмечают, что пельмени «Русский хит» имеют оптимальное соотношение цены и качества. Может, стоит попробовать еще раз?*

Промоутер, как представитель рекламной коммуникации, использует в своей работе как легальные, так и нелегальные методы работы. Одним из таких методов является суггестия, а как её проявления – конкретные речевые приемы, при помощи которых можно оказать существенное влияние на человека. Таким образом, создатели промо-речевки пытаются создать текст, максимально насыщенный информацией, но многие промоутеры всё же отходят от прямого текста и очень часто импровизируют с разной степенью успешности. Наш материал показывает, что во многом успех зависит от степени речевой культуры конкретного промоутера.

О МЕТОДИКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК МАССОВЫХ ПЕСЕН

Цель настоящего доклада – предложить методику определения организующего (созидательного) или дезорганизующего (разрушающего) характера информации. Её основа – выявление социально-психологических установок конкретного текста.

Полагаем, что фундаментом классификации социально-психологических установок должен стать принцип движения от простого к сложному, от физического уровня к планетарному. В каком-то смысле данный принцип связан с динамиками выживания человека (о динамиках выживания см.: Л.Д.Столяренко 2001: 375-376). Как указывает Л.Д.Столяренко, под «динамикой выживания» понимается подчинение человека – во всех своих проявлениях и целях – одной команде «Выживать!»

Напомним, что внутри динамически проявляющегося принципа выживания обычно выделяются четыре динамики:

Первая динамика – это стремление к максимальному выживанию человека ради себя самого. Такая цель объединяет человека, культуру, в развитии которой он участвует для пользы себе и бессмертия своего имени.

Вторая динамика – это стремление человека к максимальному выживанию посредством половой деятельности, рождения и воспитания детей. Эта динамика включает в себя самих детей, продолжение культуры для детей и их будущего благополучия.

Третья динамика – это стремление человека к максимальному выживанию группы.

Четвертая динамика – это стремление человека к максимальному выживанию всего человечества (Л.Д.Столяренко 2001: 376).

Как пишет Л.Д.Столяренко, ни одна из динамик не сильнее других. Они все сильные, подобны четырем дорогам, по которым человек идёт к выживанию и которые на самом деле являются одной. Можно считать, что все цели человека находятся внутри этого спектра, и это объясняет его поведение. Случается, что четыре динамики соревнуются между собой в воздействии на человека или общество. Но *оптимальным решением любой проблемы является то, которое приносит максимальную пользу наибольшему числу динамик*. Самым лучшим решением любой проблемы является то, которое приносит наибольшее благо наибольшему количеству людей, включая самого человека, его потомство, друзей, семью, политические и национальные группы и в конце концов человечество. Наибольшее количество добра может быть связано с какими-то разрушениями, но ценность решения при этом снижается пропорционально количеству причиненных разрушений. Человек должен приносить пользу самому себе, если он хочет приносить оптимальный результат. Другими словами, посвятить всю свою жизнь служению человечеству и своей группе, блокируя динамики личности и секса, – вовсе не оптимальное решение. *Образец поведения для выживания* построен на основании этого уравнения оптимального решения.

Самопожертвование и эгоизм одинаково понижают ценность уравнения оптимального действия.

Полагаем, что если учесть известную пирамиду потребностей А.Маслоу (её обсуждение не входит в цели настоящего доклада), то число мотивов поведения, установок социально-психологического характера можно несколько уточнить. Позволим себе расположить эти установки в несколько ином порядке, нежели у А.Маслоу, по возрастанию их места в иерархии потребностей, от физического до планетарного, космического уровня:

1) **физические**, куда входят установки, обеспечивающие потребности в еде, питье, сексе и достижение других чувственных удовольствий;

2) **личностные**, направленные на творческую самореализацию личности в искусстве, науке, спорте и других общественно полезных сферах (здесь могут быть выявлены установки как созидательного, так и деградационного плана);

3) **межличностные**, обеспечивающие развитие или разрушение межличностных отношений с близкими, родными, друзьями и товарищами (сюда же относятся установки на отношения с лицами противоположного пола);

4) **этнические**, связанные с принадлежностью к определённом этносу, расе (здесь могут быть выделены тоже две противоположные позиции – альтруистическая и эгоистическая; см.: Л.Н.Гумилёв 1997: 162-163);

5) **социальные**, направленные либо на общекомандные, корпоративные отношения, либо на конформизм и подавление инакомыслящих в социальных обществах;

б) **принципиальные**, предопределяющие следование личности принятым ею принципам поведения или беспринципность, притворство и прагматизм поведения в социуме (в какой-то степени эта оппозиция соотносится с делением на логиков и этиков в соционике, идейно восходящей к психологическим типам К.Г.Юнга);

7) **планетарные**, космические, связанные с бережным или расточительным отношением к матери Природе, к Матери Земле.

Закономерно возникает вопрос о характере установок, связанных с образованием и существованием семьи. Поскольку семья – первичная ячейка общества, в которой все общественные отношения и воспроизводятся, установки этого плана, установки на создание семьи, мы относим к социальным.

Этнические, расовые установки вслед за Л.Н.Гумилёвым мы трактуем как более фундаментальные, более «природные», нежели социальные (см.: Л.Н.Гумилёв 1997: 68-69), потому и располагаем их раньше (и ниже) социальных. Приведём иллюстрацию художественного характера:

Выйдя вместе с Питером из машины, Сазерленд встал около дверцы лицом к нему.

– Вы совершаете ошибку и знаете это, – сказал Питер.

– А вы впадаете в крайности, что, как известно, ни к чему хорошему привести не может. Между нами нет правых и виноватых. Мы оба – жертвы затянувшегося кризиса. Никто из нас в этом не виноват, мы оба оказались втянутыми в нашу борьбу.

– Это точка зрения юриста?

– Нет, господин Ченселор, это точка зрения негра. Прежде чем стать судьёй, я уже был негром (Р.Ладлэм 1993: 427).

К социальным установкам с полным на то основанием относятся государственные установки, обеспечивающие целостность (или связанные со стремлением разрушить таковую) у государства, в котором данная личность существует. Патриотизм связан с государственными установками, космополитизм – с антигосударственными.

Используя в своей практике такого рода рабочую классификацию установок, мы получаем возможность получения объективной экспертной оценки – оценки созидательного или разрушительного характера того или иного текста (в нашем материале – текста массовой песни). Очевидно, что если в песне доминируют установки верхних уровней, то её следует признать созидательной, а если установки высшего порядка подчиняются установкам нижнего – то песня носит разрушительный характер.

Приведём примеры использования предлагаемой методики (в качестве иллюстрации выступят песни, всем известные).

Я люблю тебя, жизнь.

В данной песне присутствуют почти все названные установки.

Физические установки:

*Ах, как годы летят!
Мы грустим, седину замечая.*

Личностного уровня:

*Я люблю тебя, жизнь,
Что само по себе и не ново...*

Установки межличностного и семейного (социального) уровней:

*Как поют соловьи,
Полумрак, поцелуй на рассвете
И вершина любви –
Это чудо великое – дети!*

Герой песни счастлив, так как у него есть великая ценность – Любовь:

*Есть любовь у меня.
Жизнь, ты знаешь, что это такое...*

Он ценит это чувство, размышляет о том, что в нём самое важное, и приходит к выводу, что «Вершина любви – это чудо великое: дети!» (пересекаются установки физического, межличностного и социального планов). Он задумывается о будущем своей семьи, о внуках и о том, как они с женой будут «грустить, седину замечая», задумывается о своих потомках и уверен, что «всё опять повторится сначала».

Установки государственного уровня переплетаются с планетарными:

*Жизнь, ты помнишь солдат,
Что погибли, тебя защищая?*

Герой ценит всё, что его окружает, всю планету:

*Мне немало дано:
Ширь Земли и равнина морская.*

Он напрямую формулирует свои личностные и принципиальные установки:

*Я люблю тебя, жизнь,
И хочу, чтобы лучше ты стала!*

И в качестве вывода также выступают формулировки установок принципиального и личностного уровней:

*Так ликуй и вершись
В трубных звуках весеннего гимна...
Я люблю тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно!*

Переплетение в песне «Я люблю тебя, жизнь» различных установок при доминировании установок верхнего порядка говорит о том, что эта песня носит яркий жизнеутверждающий характер.

Для сравнения приведём другую массовую песню – из кинофильма «Бриллиантовая рука».

Помоги мне.

В этой песне задаются межличностные установки. В песне говорится о женской любви, которая впервые вспыхнула так сильно, так «пламенно». О том, что влюблённую интересуют долгие и крепкие отношения, в песне не говорится:

*Слова любви вы говорили мне
В городе каменном,
А фонари с глазами жёлтыми
Нас вели сквозь туман.
Любить я раньше не умела так
Огненно, пламенно –
В моей душе неосторожно вы
Разбудили вулкан.
Припев:*

*Помоги мене, помоги мне,
В желтоглазую ночь позови.
Видишь, гибнет, сердце гибнет
В огнедышащей лаве любви.*

Налицо установки физического плана:

*Помоги мене, помоги мне,
В желтоглазую ночь позови...*

Героиня умоляет позвать её именно в ночь, дневные отношения её, скорее всего, не интересуют.

В песне выражены и установки межличностного характера:

Помоги мене, помоги мне...

Выражены в песне установки и личностного уровня:

*Любить я раньше не умела так
Огненно, пламенно...*

Героиня песни, как следует из текста, любила и любила не раз (это действие, по тексту, ей уже знакомо и для неё регулярно), но в данном случае она попала в зависимость от объекта влечения, и она умоляет удовлетворить её страсть (по известной классификации, это любовь-страсть, любовь-мания).

Сочетание социально-психологических установок различных уровней при доминировании установок нижнего порядка свидетельствует о разрушительном характере содержащейся в этой песне информации.

Для сравнения возьмём для анализа песню Дениса Майданова «Вечная любовь», занявшую 1-е место на хит-параде от 9 марта 2009 года на «Русском радио». В силу того, что старшему поколению она может быть неизвестна, приведём текст песни полностью:

Вечная любовь

*Если однажды горячее солнце
Станет холодным, как утренний лёд,
Если зима жарким летом вернётся
И на песок белый снег упадёт,
Если беда, что ничем не измерить,
Рухнет на землю, косою звеня,
Я буду знать всё равно, что ты веришь,
Я буду знать, что ты любишь меня.
Я буду знать всё равно, что ты веришь,
Я буду знать, что ты любишь меня.*

*Если друзья мои станут врагами
И в суете продадут за пятак,
Я буду грызть эту землю зубами,
Я буду верить, что это не так.
Если я буду оборван, как дервиш,
И стану жить, всё на свете кляня,
Я буду знать всё равно, что ты веришь,
Я буду знать, что ты любишь меня.
Я буду знать всё равно, что ты веришь,
Я буду знать, что ты любишь меня.*

*Если погаснут далекие звезды,
Высохнет весь мировой океан,
Если спасать этот мир будет поздно –
Он через час превратится в туман,
Если уже в раскалённой пустыне,
В той, что когда-то мы звали Земля,
Знаю, что сердце твоё не остынет,
Я буду знать, что ты любишь меня,
Знаю, что сердце твоё не остынет,
Я буду знать, что ты любишь меня.*

*И глядя ангелом с неба на землю,
Выберу нам с тобой место в тепле,
Голосу сердца и разума внемля,
Я упаду, но поближе к тебе.
И через день, возвратившись сиренью,*

*Я обниму тебя, кроной шумя,
Ты будешь знать, что я твой добрый гений,
Я буду знать, что ты любишь меня.
Ты будешь знать, что я твой добрый гений,
Я буду знать, что ты любишь меня.*

Данная песня полностью посвящена отношениям межличностного характера. Более того, межличностные отношения с лицом противоположного пола здесь постулируются как более важные, более значимые, нежели все остальные – вплоть до планетарного уровня (по известной классификации, это любовь-эрос).

Герой песни допускает, что друзья могут стать врагами и «в суете продадут за пятак». Он допускает, что любимая останется рядом, даже если он будет «оборван, как дервиш» и станет «жить, всё на свете кляня» (вполне возможно, в это «всё» со временем попадёт и та, которой эта песня обращена). Герой не допускает в песню более высоких мотивов – семьи, будущих детей, родной страны. Всё начинается с любимой и ею же заканчивается. Предполагается существование отношений, основанных только на чистой и вечной любви, – отношений, никак не подтверждённых в социальном плане и не предполагающих социальной ответственности (такого рода отношения, скорее всего, герою представляются слишком пошлыми и обыденными).

С одной стороны, песня не опускается на уровень физических отношений (они лишь обозначаются), и это позволяет считать данный текст текстом амбивалентного содержания. С другой стороны, гипертрофированность установок лишь на межличностные отношения и подчёркнутое отсутствие выраженности социально-психологических установок более высоких уровней заставляет признать данную песню текстом, несущим разрушающую информацию.

А звучат подобного рода песни так красиво, так завораживающе...

Цитируемая литература:

Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Сост. и общ. ред. А.И.Куркчи. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1997. – 640 с.: илл. – (Сер. альманахов «Сочинения Л.Н.Гумилёва», вып. 3).

Ладлэм Р. Рукопись Ченселора: Роман / Пер. с англ. А.В.Денисова и Е.М.Соминского. – М.: СП «Вся Москва», 1993. – 431 с.

Столяренко Л.Д. Основы психологии. – 4-е изд., перераб.и доп. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 672 с. – (Серия «Учебники, учебные пособия»).

Канд. филол. наук С.В.Рябушкина (Ульяновск)

ЧИСЛО В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Обязательным компонентом нашей повседневности стала сейчас реклама – «средство массовой дезинформации». Манипулятивный по своей природе, этот вид коммуникации активно использует возможности числа – магию количественных соотношений, больших или малых процентов, самого образа числа с его культурно-символическим фоном.

Число и имя числительное могут выполнять в рекламном тексте (далее – РТ) информативную функцию: *тушь с двумя щеточками; толщина телефона 15,2 мм ; ЖК телевизоры с диагональю от 15 до 37 дюймов.*

Но более важной для РТ оказывается функция прескриптивная. Чтобы подвигнуть адресат на приобретение товара или услуги, рекламист должен показать их пользу и преимущества, вызвать доверие и снять критичное отношение к сообщаемому, а для этого используются различные доказательства. Количественно-числовые характеристики можно считать рациональными аргументами, аргументами «от факта», как-то:

1) стоимость товара – его низкая цена (*Найдете дешевле – мы вернем вам разницу!*) или скидки (*Окна «Авангард». Скидки до 25% + подарки*);

2) временные характеристики – быстрое выполнение заказа или гарантия (*Окна пластиковые. За 3 дня. Качественно! Гарантия 5 лет*);

3) статистические данные – результаты тестирования товара или других исследований (*Wella Decore – краски и ухаживающие средства – до 73 % больше блеска*);

4) большой выбор, ассортимент товара (*Мини меню Le Dressing du Regard – это разнообразие красочных нарядов для ваших глаз! 28 оттенков!*). Хотя правда рекламного факта юридически контролируется «Законом о рекламе», многие РТ создают лишь иллюзию точности и правдивости. Именно этой цели служат приводимые квазистатистические данные: *79% женщин отметили, что взгляд стал более открытым и молодым; Диаметр волоса: +22,5%; Colgate propolis – До 88% эффективнее защищает десны. Круглые числа гиперболизируют качества товара: Впервые – изгиб ресниц 100°; Olay усиливает регенерацию кожи на 200%; 5000 литров термальной воды сконцентрировано в одной баночке крема.*

Внимание потенциального покупателя привлекает и поликодовая запись, разного рода графические игры. Так, число *100* вместо соответствующего слога добавляет сообщению положительные коннотации *сотни* – это и 'много', и 'хорошо', и 'истинно', то есть 'стократно' и 'стопроцентно': *На100ящие сейфы – беспроцентный кредит; Ари100крат; На100%стоящее автострахование.*

Другим способом графической игры стали квазиформулы, ведь «манипулирующая сила числа многократно возрастает, когда числа связаны в математические формулы и уравнения – здравый смысл против них бессилён» [1]: *крем Q10+ от Nivea Visage; 3XPantene делает волосы до трех раз сильнее; 5X больше объема и никаких комочков; Пемолукс Сода³ эффект.* Впрочем, «сода в кубе» просуществовала недолго, надстрочный знак заменили обычным, и получилось еще более загадочно, да к тому же аграмматично – *сода три эффект.*

Число в РТ может производить суггестивный эффект: на человека воздействует и сам образ числа / цифры, и его культурная аура. Поэтому столь часты в рекламе «магические», «сакральные» числа – 1, 2, 3, 4, 5, 7, 10, 12 – при крайне редких (практически отсутствующих) 6, 8, 9 и 11. «Воображение важнее знаний», – эта мысль А. Эйнштейна вполне применима к рекламе, ведь цифра-иероглиф оказывается центром рекламной картинке или задает путь метафоризации, создания образа: стрелка цифры 7 и перечисленные справа от нее семь характеристик крема L'Oréal, составляющих УТП (уникальное торговое пред-

ложение) фирмы; 5 пунктов УТП стирального порошка «Dreft» заполняют пространство лепестков цветика-пятицветика; *Восемь из десяти российских женщин выбирают Calgon* – картинка разбита на 9 мини-экранов, логотип в центре, в окружении восьми счастливых женских лиц; *COLGATE Total 12. Защищает от 12 проблем на 12 часов* – часовая стрелка описывает круг на циферблате.

Таким образом, специфической чертой современной рекламы является ее поликодовость, единство вербального и невербального планов выражения – традиционный словесный текст уходит на периферию, уступая место креолизованным текстам и мультимедиа текстам с аудиовизуальным сопровождением. Благодаря этому РТ получает новые смыслы и еще более эффективно выполняет свое прагматическое задание.

Литература

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2000. // bookz.ru/authors/sergei-kara-murza/karamurza.html

Докт. филол. наук Л.Б.Савенкова (Ростов-на-Дону)

КОНЦЕПТ «ВЕРА» В ТВОРЧЕСТВЕ А.П. ЧЕХОВА

Утверждение о значимости концепта «вера» для А.П. Чехова подкрепляется двумя аргументами: 1) данный концепт объективируется в текстах писателя очень активно и разнообразно (Число текстовых фрагментов с лексемами с корнем *вер-* превышает 4000 (4079). Кроме этого, есть слова, наиболее тесно связанные со словами-маркерами парадигматически, и слова, которые, в свою очередь, вступают с этой группой лексем в эпидигматические отношения. Всего таких единиц 353, количество текстовых употреблений, естественно, ещё больше); 2) сосредоточенность писателя на мыслях о вере отмечается более чем в 60 русских и зарубежных публикациях.

Главных аспектов веры, на которых сосредоточивается внимание автора, – четыре. Это демонстрация, во-первых, наличия/отсутствия веры как убеждённости в том, что кто-л. говорит правду (реализации данного семантического признака концепта «вера» способствуют экспликативные концепты-спутники «речь», «слушание», «правда», «ложь», «сомнение»), во-вторых – убеждения в истинности того, что не доказано с несомненностью (автор активизирует связь концепта «вера» с концептами-спутниками «понимание» и «увлечённость»), в-третьих – твёрдого убеждения в чьей-либо честности, твёрдости, добрых намерениях и т. п., доверия (в данные контексты как правило, включаются экспликативные морально-нравственных концептов или вводится упоминание о человеке как носителе нравственного начала), наконец, в-четвёртых – уверенности, убеждённости в реальности факта, взаимосвязи фактов. Сопоставление данных признаков концепта с парадигмой признаков, выстраиваемой на основе анализа словарных статей «Вера», «Верить», «Веровать» в толковых словарях, убеждает, что более частотным для писателя оказывается осмысление веры как типа отношений между людьми, а не как сосредоточенности сознания на религиозном аспекте концепта.

Чехов не склонен рассматривать веру как абстрактную сущность. Как состояние человеческого сознания, она проявляется в поведении персонажей. Недаром лексема-маркер *вера* в значительной мере уступает глагольным экспликаторам *верить/поверить*, *веровать/уверовать* (из общего числа контекстов с этими лексемами на долю существительного приходится всего 6,84%). Ни у одного из прозаиков – чеховских современников, сосредоточивавших внимание на данном концепте, такого разрыва между верой – самостоятельной сущностью и верой – процессуальным признаком не наблюдается, ср.: у К.М.Станюковича соответствующий процент употребления лексемы *вера* – 14,39, у Ф.М.Достоевского – 14,65, у Д.Н. Мамина-Сибиряка – 22,46, у М.П.Арцыбашева – 22,95, у В.Г. Короленко – 34,21, у Лескова – 64,93, у П.И.Мельникова-Печерского – 68,04. При этом состояние веры у чеховских героев рассматривается как постоянное или, по крайней мере, длительное: в 90,7% случаев используются глаголы *верить*, *веровать* в форме несовершенного вида. Для сравнения: у упомянутых писателей процент тех же словоформ несовершенного вида колеблется от 45,95 до 77,66.

Ценность веры, потребность в ней Чехов демонстрирует через интенсивное использование фраз с вопросительной интонацией (*верите? верите ли?*) и форм повелительного наклонения *верь (-те)*, *поверь (-те)*, а констатацию её нехватки – через интенсивное употребление лексем с отрицанием (*не верил, не веришь, не верь, неверие, недоверие* и мн. др.).

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. филол. наук Л.И.Андреева (Балашов)

РЕПЛИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ – ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Как правило, писатели редко приоткрывают тайны своего языкового, в том числе и ономастического, мастерства. И тем не менее проникнуть в лабораторию автора можно, во-первых, ознакомившись с ономастическими высказываниями мастера слова, во-вторых, анализируя реплики его героев, в-третьих, изучая правки писателя (по рукописям, черновикам и редакциям).

А.Н.Островский почти не оставил развернутых высказываний относительно принципов номинации героев. Однако ономастическая концепция у него была. О целостности антропонимической позиции автора свидетельствуют реплики его персонажей, они являются чрезвычайно ценным источником ономастической информации.

Произведения жанра драмы особенно «открыты» для комментариев и замечаний героев о собственных именах, поскольку в этих стилизованных кусках жизни, «пьесах жизни», по словам Н.Г.Чернышевского, так же, как и в самой жизни, действующие лица не остаются безучастными и равнодушными к онимам: они обращают на них внимание, стараются понять объяснить и даже обыграть. За их порой наивными и надуманными, а порой достаточно точными и мотивированными наблюдениями угадывается определенная авторская позиция. Такие замечания в текстах драматурга встречаются более 80 раз, они выразительны и касаются самых разных особенностей онимов: социальной дифференциации, частотности; моды на имена; семантики; путей появления личных имен, фамилий, прозвищ; благозвучия и удобства в произношении; эмоционально-экспрессивных возможностей, подчас приводящих даже к интересным речевым каламбурам.

Чаще всего персонажи обращают внимание на социальную неоднородность онимов представителей разных классов и сословий. (Свыше 40 примеров). Так, осторожный богатый купец Прибытков («Последняя жертва»), услышав о новом человеке, в первую очередь интересуется именем, отчеством и званием его. О силе имени и фамилии и кроющейся за ними социальной значимости говорят Васильков в «Бешеных деньгах», Мурзовецкая в «Лесе» и др. В репликах передаются и прямые указания на социальность антропонимов. Социальная неоднородность онимов героев подчеркивается составами фамилий, имен, отчествами, структурными вариантами и формами наименований. Необычайно выразительны реплики персонажей, подчеркивающие эмоционально-экспрессивное наполнение некоторых онимов. Подобные комментарии являются ярким средством создания интересных речевых каламбуров. При этом основа собственного имени сближается с апеллятивной основой, значение которой соотносится с образом и является средством дополнительной характеристики героев. В таких случаях А.Н.Островский прибегает к народной этимологии

имен, которой занимаются сами персонажи. Например, в пьесе «Свои люди – сочтемся» в разговоре между свахой и стряпчим Рисположенским обыгрывается отчество Псоич (Псович). В комедии «Лес» имя слуги Карп ассоциируется с омонимом-названием рыбы. В пьесе «Тяжелые дни» темная и забитая Настасья Панкратьевна никак не может запомнить имя Харлампий. Она называет стряпчего и Харлапий, и Урлапий, и Урлап, и Урла...

Антропонимические комментарии героев А.Н.Островского, несомненно, представляют результат большой и целенаправленной работы драматурга, позволяющий косвенно установить, какие стороны имен собственных чаще всего попадали в поле зрения персонажей и писателя, и свидетельствующий о четкой, жизненно реальной ономастической концепции автора.

Важно отметить, что замечания героев связаны чаще всего не с необычными, экзотическими онимами, а с антропонимами, характерными для привычного, употребительного круга имен определенного класса или сословия, типичными в составе русской бытовой ономастики.

Канд. филол. наук В.М. Беренкова (Майкон)

ЖЕНСКИЙ ИМЕННИК В ТРИЛОГИИ ДЖ.Р.Р. ТОЛКИЕНА
«ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ»

Семантике собственных имен до последнего времени не уделялось должного внимания. Сфера языковых значений онимов традиционно трактовалась как не поддающаяся или плохо поддающаяся системному описанию. «Поскольку многие считают имена собственные категорией, лежащей вне понятий, а семантика всегда понятийна, нередко вообще сомневаются в правомерности выделения семантики в качестве особого аспекта имени собственного [Суперанская 1973: 255].

В современной ономастике вопрос о значении имени собственного является спорным. Под ономастической информацией часто понимают «имеющийся (или формирующийся) у носителя языка комплекс знаний о собственном имени «...». Вопрос о степени структурированности этой информации остается открытым» [Васильева 2005: 10].

Литературные вымышленные имена занимают особый пласт в языке, т.к. «обычно имеют наибольшую стилистическую нагрузку в художественном тексте, хотя наиболее социально значимые могут войти и в язык», отражая национальный менталитет этноса [Намитоква 1998: 67].

Так, определение семантического содержания топонимов трилогии Властелин Колец имеет большое значение в понимании картины мира произведения, т.к. они номинируют действующих лиц виртуального, вымышленного мира Средиземья и являются результатом словотворчества писателя.

В данной статье особое внимание уделяется женским именам, которые, являясь выражением мифотворческого сознания, представляют образ женщины на двух уровнях: 1) в древнеевропейской культуре, мифы и сказания которой лежат в основе трилогии; 2) в авторском сознании, т.е. отношении писателя к женщине.

Женский антропонимикон составляет приблизительно 8% от общей массы антропонимов, что объясняется ограниченным участием женских персонажей в развитии действия повествования. Этот факт не случаен, т.к. жанр фэнтези также называют жанром меча и магии, а это способствует большей активности мужских персонажей.

Женский именник представлен тремя видами антропонимов: имена, фамилии и прозвища. В сочетании с фамилиями встречаются только имена хоббитов: Angelica Brandybuck «дудник, брэнди + самец косули», что уподобляет их британской традиции имянаречения.

Обычай давать прозвища наблюдается у эльфов как способ воспевания женщины: например, Elbereth Gilthoniel – «звездная королева, зажигающая звезды», почитаемая женщина-ангел.

Некоторые эльфийские антропонимы имеют дублирующие варианты на всеобщем наречии: Arwen Undomiel – «царственная дева, вечерняя звезда» = Evenstar, «вечерняя звезда».

Примечательно также использование женских имен (преимущественно хоббитских) с растительной семантикой: Goldberry – «золотая ягода», Marigold – «ноготок», Goldilocks – «лютик золотистый» и т.д.

Анализ ономастической лексики позволяет сделать следующие выводы:

1. Антропонимы фэнтезийного пространства являются выражением коллективного бессознательного, проявлением глубины исторической памяти. Согласно представлениям древних, если имя «было способно вызвать из небытия существо, то оно становилось символом этого объекта. «...» Их назначение – не прямая номинация, а описательное обозначение объекта. Именно поэтому среди мифолексем преобладают признаковые имена, которые иначе можно назвать «дескриптивными» [Кошарная 2002: 97].

Так, называя женщину-энта именем Fimbriethil – «палочка, конечность», или Windlimb – «извиваться, конечности», автор указывает на ее внешнее сходство с деревом. Женщина-воин, роханская принцесса Eowyn – «конь + радость», хорошая и храбрая наездница, как и мужчины ее племени, но, вынужденная скрывать свою личность во время похода, в котором ей запретили участвовать, она берет себе имя Dernhelm – «тайный + шлем», что полностью передает ее намерение быть незаметной.

2. Для Дж.Р.Р. Толкиена характерно особое отношение к женщине, а, именно, трогательность и восхищение, иногда с примесью легкого юмора, например, имя Rosie Cotton – «розочка, городок», несомненно принадлежит милой простой хорошенькой селянке, а Galadriel – «серебряное дерево + царевна» – эльфийской царевне, гордой и благородной.

В трилогии также нашла отражение легенда, повествующая о случайной встрече мужчины и принцессе фей, которая пела и танцевала в лесу. Он был очарован ею и, забыв мир людей, остался с нею навсегда. В трактовке писателя, герой Bereen и эльфийская принцесса Luthien Tinuviel, «очаровывающая, соловей», полюбили друг друга и не расстались даже после смерти возлюбленного – Luthien отказалась от своего бессмертия, не в силах перенести разлуку. Эта идея жертвы ради любви исподволь пронизывает все произведение, а также

жизнь самого писателя – он ассоциировал себя и свою супругу с этими персонажами.

Таким образом, функционирование женских онимов, пусть и не столь многочисленных, играет определенную роль в структурировании авторского пространства произведения и формировании мифологического сознания читателя.

Использованная литература:

Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: «Наука», 1973. – 366 с.

Васильева, Н.В. Собственные имена в тексте: интегративный подход: автореф. дис. ... док. филолог. наук / Н.В. Васильева. – М., 2005. – 46 с.

Намиитокова, Р.Ю. В мире имен собственных / Р.Ю. Намиитокова, А.Н. Абрегов. – Майкоп, 1998. – 116 с.

Кошарная, С.А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С.А. Кошарная. – Белгород: Изд-во Белгород. ун-та, 2002. – 288 с.

Докт. филол. наук Г.В.Векшин, Н.В.Никашина (Москва)

К ФОНОСТИЛИСТИКЕ МОТИВА У ЧЕХОВА (МУЗЫКА И ДРОЖЬ В РАССКАЗЕ «ДВА СКАНДАЛА»)

Как художник слова Чехов был исключительно внимателен к ритмико-синтаксической, лейтмотивно-лексической, звуковой организации произведения. По воспоминаниям современника, Чехов признавался, что, «заканчивая абзац или главу, особенно старательно подбирал последние слова по их звучанию, ища как бы музыкального завершения предложения» (Чехов в воспоминаниях 1960, с.664).

Музыкальная чуткость Чехова проявилась не безотносительно к содержанию: в первую очередь она оказывается направленной на «кристаллизацию» смысла, выраженного в композиционно-семантической структуре текста. Это обстоятельство в разной связи нередко подчеркивали исследователи творчества Чехова (ср. Чудаков 1971; 1986, Эткин 1999, Шмид 1998). Тем не менее характер мотивики чеховских повторов на разных уровнях речи, образующих цепевидные орнаментальные структуры, тесно связанные с семантической композицией произведения, требует углубленного изучения – как в отношении к смысловому универсуму чеховского мира, так и применительно к повествовательным приемам в рамках конкретных замыслов, в частности – к приему анаграммы и, шире, звукового повтора, до сих пор недостаточно изученных применительно к языку прозы (см., однако, Гирина 2004 и некот. другие работы, выполненные в русле «анафонической» школы А.В.Пузырева).

Одним из таких «музыкально» организуемых мотивов в прозе Чехова выступает сам мотив музыки и музыкального (герой ‘играет на музыкальном инструменте’, ‘слушает чье-то исполнение’, ‘руководит исполнением музыки’, ‘переживает музыкальные впечатления’, ‘ощущает неслышное присутствие музыки’ – во внешнем или внутреннем мире, просто ‘любит музыку’ или «ллю-

бит», как в «Жизни в вопросах и восклицаниях», наконец – «имеет какое-то отношение и к музыке и к пению», как в «Скучной истории»). Важно также, что герой Чехова не только ‘опьяняется’ музыкой, но и часто ‘заглушает’ с помощью музыки свои чувства.

Чеховский герой может, сев за фортепиано, *тронуть клавишу* («сел за рояль, тронул один клавиш, потом заиграл и тихо запел» в «Рассказе неизвестного человека»), может задумчиво *перебирать* их (так, «сидеть в комнате Ариадны, перебирать клавиши ее пианино, смотреть в ее ноты... было уже потребностью» для героя одноименного рассказа), может в раздумье *склониться* к клавиатуре (героиня «Бабьего царства» «в тоске ожидания... склонилась к клавишам, и ей страстно захотелось, чтобы перемена в жизни произошла сейчас же, немедленно»)... Многие контексты говорят о трепетности, смешанной с чувством страха и ответственности, с которыми герой и сам автор вступают в общение с музыкой – в соприкосновение с ней. На фоне этих контекстов резко выделяются оценочно им противопоставленные: часто музыка предстает у Чехова миром, вступление в который сопряжено с определенным риском и, более того, миром, который каким-то образом угрожает человеку.

Угрожающее значение музыки может проявляться: 1) как «внешняя» угроза, когда музыка становится инструментом физического оглушения-подавления человека, его творческой способности, обычно вследствие ее плохого или *оглушительного* исполнения, ориентированного на социально-статусную знаковую функцию исполнения как такового (особенно, в топосах бала и парка, с громом военного оркестра), и 2) как «внутренняя» угроза, исходящая от самой природы музыки. Последний мотив наиболее специфичен для мотивики Чехова и наименее изучен, особенно в связи с механизмами формообразования мотива. В настоящей статье речь пойдет о контекстах, в которых герой испытывает на себе воздействие метафизической природы музыки, ее особой власти над человеком, о способности музыки (как и вообще искусства определенного рода – ср. Бахтин 1996) породить и стимулировать насилие.

Обратимся к знаменитому эпизоду игры на фортепьяно из рассказа «Юныч»: *Екатерина Ивановна села и обеими руками ударила по клавишам; и потом тотчас же опять ударила изо всей силы, и опять, и опять; плечи и грудь у нее содрогались, она упрямо ударяла всё по одному месту, и казалось, что она не перестанет, пока не вобьет клавишей внутрь рояля. Гостиная наполнилась громом; гремело всё: и пол, и потолок, и мебель...*

Чехов, что свойственно художнику, «играет» смыслами, часто несовместимыми, реализующими один мотив (здесь мотив ‘музыки’) – в столкновении противонаправленных эмоций их восприятия героем. Здесь и самоупоение героини, увлеченной не столько самой музыкой, сколько трудностью ее исполнения (ср. указание на «трудный пассаж, интересный именно своею трудностью, длинный и однообразный»), здесь и страх, подавленность героя вперемешку с чувством симпатии к героине («Екатерина Ивановна, розовая от напряжения, сильная, энергичная, с локоном, упавшим на лоб, очень нравилась» ему, как нравилось ему и ощущение приобщенности к культуре через «эти шумные, надоедливые, но всё же культурные звуки», напоминавшие сыплющиеся с горы камни). Но, наряду с этим, уже с точки зрения самого повествователя, одна из

эмоций выделяется наиболее крупно и отчетливо: это эмоция и интенция агрессии, пронизывающая все описание игры Екатерины Ивановны. Такими средствами (*села и обеими руками ударила по клавишам... тотчас же опять ударила изо всей силы.. и опять, и опять... содрогались... ударяла все по одному мест... вобьет... громом... гроза*) может описываться жестокое целенаправленное действие в отношении живого существа, приносящее особые страдания потому, что сокрушительные, «вбивающие» удары наносятся по одному и тому же месту. Метафора клавиш как части тела находит параллель в рассказе «Анюта», где герой-студент, изучая на девушке-сожительнице анатомию, говорит: «Эти ребра похожи на рояльные клавиши», – и чертит у нее на груди углем, в то время как объект – Анюта – дрожит от холода.

Болезненно ощущаемые удары по клавишам типичны для чеховских «музыкальных» контекстов: «Маруся... села за рояль и ударила по клавишам» («Цветы запоздалые»); «дамы уселись за рояль: одна ударила по клавишам, другая запела романс» («Заказ»); «четыре руки, дружно ударив по клавишам, стали нажаривать рапсодию Листа» («Житейские невзгоды»). В эти контексты могут быть вплетены мотивы фальши и позерства, мотив агрессивного дурновкусия, насилия над музыкой, мотив социальной конъюнктуры и корысти. Однако всякий раз элемент физического страдания оказывается в этих случаях сопутствующим.

С точки зрения форм реализации мотива музыки как инструмента насилия, особого внимания заслуживает речевая композиция рассказа «Два скандала» (1882), который построен на своеобразной непропорциональной симметрии, задаваемой семантическим параллелизмом событий вокруг двух основных персонажей, музыкантов – дирижера и солистки, в отношениях которых сложно переплелись музыка, порождающая насилие, и любовная страсть. Этот параллелизм задается уже самим заглавием рассказа, причем принципиально многозначным – речь идет о «скандале» в судьбе двух основных персонажей, одновременно антагонистов и любовников, и о двух последовательно расположенных кульминативных эпизодах – скандалах в истории взаимоотношений героев. Развертывание мотивов музыки, насилия, страсти и любви в рассказе значительно усложняется его нарративной структурой, для которой характерны резкие модальные переключения, связанные со сменой повествовательных ракурсов.

По свидетельству М.П. Чехова, рассказ «Два скандала» навеян реальными событиями, связанными с дирижером А.П. Шостаковским, который позволял себе такие выходки во время репетиций. «Если ты, скотина этакая, – обращался он к музыканту, – будешь портить мне ансамбль, то я тебя выгоню вон» (См.: Костенников 2003)

Герой рассказа, дирижер, жестоко обращается с музыкантами. Внешняя причина в том, что его чувство профессионального долга всякий раз бывает настолько оскорблено фальшивым или неточным исполнением, что это вызывает у него «праведный гнев», выражающийся в прямых оскорблениях и постоянном стремлении унижить исполнителей. Дирижер в полном смысле терроризирует их как бы только от великого старания сыграть безукоризненно, добиться совершенства, от одной преданности и любви к музыке. Причем эти грубые, даже

грязные и унижительные ругательства сыплются на голову музыкантов в то же самое время, когда совершается «музыкальный процесс», идет репетиция или концерт.

Любая пафосность, выпренность, экзальтация, «тенденция» в совершении какого-либо дела, в том числе в служении искусству, в глазах Чехова неизменно оборачиваются против этого дела (в том числе, и против искусства) и самого человека, обнаруживая вместо высоты – низость, вместо бескорыстия – пошлую самовлюбленность, на месте добра и любви – зло и насилие (феномен, в частности, наблюдавшийся Пушкиным в характере и судьбе Сальери, а у Чехова выступающий особенно устойчивым сюжетным мотивом в поздний период – в «Доме с мезонином», «Рассказе неизвестного человека», «Соседях» и др.). Рассказ «Два скандала» относится к раннему периоду творчества Чехова, когда его повествовательная манера еще только оформлялась, и в «Двух скандалах» мы, пожалуй, встречаем необычный эксперимент в области речевой композиции.

К числу таких инноваций мы бы отнесли своеобразную композиционную конверсию, которая обеспечивается, как мы уже сказали, симметрией основных событий – двух скандалов, где в обоих случаях происходят срыв и провал музыкального представления, но в первом случае «оскандалившимся» персонажем оказывается героиня, а во втором – герой. Во взаимоотношениях героев тоже имеет место определенное равновесие: и там, и там любовное влечение сопровождается эмоцией отторжения: со стороны девушки – страхом, а со стороны дирижера – ненавистью. Помимо того, создается ситуация, обнаруживающая несовместимость музыки и любви; любовь оказывается не продолжением музыки, а чем-то возникающим вопреки ей. Сама же музыка оказывается невозможна «в присутствии любви». Зато прямым продолжением музыкальной деятельности героев становится ненависть и страх. Эти мотивы представляют собой прямое развитие или, скорее, прямую реализацию мотива власти.

Вместе с тем существенно, что речь не идет о власти над другими, которой обладает художник (мотив, характерный для демонической романтической эстетики). Дирижер в чеховском рассказе – не «демон искусства», а тиран «от искусства». И, по какой-то странной закономерности, это «право» на тиранию (в поведенческой форме, социально узаконенной только в самых экстремальных условиях – во время боевых действий, в условиях стихийного бедствия и т.п.) дает не что иное, как служение музыке, которое как бы исключает все человеческое. В этом не только «вина», но и, по Чехову, «беда» творчества – оно очень легко уводит человека туда, где исчезает сам человек, упраздняются все человеческие ценности:

– А, проклятая гадина! – крикнул он и ударил кулаком по партитуре. – Что сказал бы Гуно, если бы видел, как издеваются над его творением! О, Гуно убил бы его и был бы прав!

Здесь важна сама апелляция к авторитету, дающая представление о механизме бесчеловечного, тоталитарного подчинения и наказуемости. Наказание для героя не в том, что не донес музыки до слушателей (публика в этом случае тоже заведомо презренна), а в том, что на него прогневается верховное божество – сам *Гуно*, чье имя оказывается фонетически отраженным в зеркале модаль-

но противоположного: *гадина*. Так высокое и низкое оказываются конвертированными.

Причиной конфликта в рассказе становятся как люди – музыканты, играющие или поющие фальшиво, – так и сама музыка и ее скрытый двойник – любовь, во имя которых **дирижер**, главный герой, готов растерзать весь оркестр:

*Ведь если он посылает к **чёрту**, бранится и рвет на себе волосы, то этим самым он заступает за **святое искусство**, с которым никто не смеет шутить. Он стоит на **стороже**, а не будь его, кто бы не пускал в воздух этих **отвратительных полутонов**, которые **то** и дело **расстраивают** и убивают гармонию? Он **бережет** эту гармонию и за нее готов **повесить** весь **свет** и сам **повеситься**.*

Имя *дирижер*, анаграмматически распространяясь на фрагменты, объединенные мотивом насилия, взаимодействует с лейтмотивным рядом *света-святости* – «святого искусства».

Метафорика насилия и убийства (*рвет на себе волосы; убивает гармонию; готов повесить весь свет и сам повеситься*) относятся и к музыкантам, и к дирижеру, и к остальному миру. Страдание метафорически описывается через музыкальные инструменты и предметы. Пюпитр, дирижерская палочка, ноты становятся участниками этого конфликта в физическом смысле – они оказываются инструментами насилия (реального или воображаемого) или сами страдают от «побоев» дирижера – субъекта насилия:

*Так **кричал** он и **трещал** по **партитуре** своей **дирижерской палочкой**;*

*По всему лицу **дирижера** забегали **судороги**, и свободная **рука** **вцепилась** в **пюпитр**, **точно пюпитр** виноват в том, что **толстый виолончелист** **играет** **только ради** денег, а не потому, что этого хочется его душе!*

При этом в рассказе не раз подчеркивается, что дирижер не хозяин своего гнева, что именно музыка производит в нем такие перемены, что именно она – главное действующее лицо конфликта. Стоит отметить, что здесь действия дирижера переносятся на саму музыку, их производит не сам музыкант (*судороги забегали, рука вцепилась*), отчасти он тоже превращается в объект, не контролирует этого «духа насилия»: *Когда он не стоит во главе оркестра и не смотрит на свою партитуру, он совсем **другой человек**. Тогда он **вежлив, любезен и почтителен, как мальчик**. По лицу его разлита **почтительная, сладенькая улыбочка**. Он **не только не посылает к чёрту**, но даже **боится в присутствии дам курить и класть ногу на ногу**. Тогда **добрей и порядочней его трудно найти человека**.*

Вряд ли правомерно утверждение, что, по Чехову, во всех страданиях виновата музыка. Но как будто начальный посыл исходит именно от музыки к музыканту (дирижеру): музыка каким-то особенным образом завладевает человеком, и в итоге одержимость музыкой оказывается бесчеловечной.. Мистическое воздействие переходит в моральное, моральное – непосредственно в физическое. Этот семантический ряд поддерживается образами, возникающими на границе метафоры и метонимии и позволяющими перенести отношения «музыкант – инструмент» на отношения «дирижер – исполнитель»: *Она [...] стояла,*

глядела в ноты и дрожала, как струна, которую сильно дернули пальцем, - образ который далее физиологизируется: Он рванул ее за сорочку и увидел белое, как снег, чудное плечо. Ср.:

Так кричал он и трещал по партитуре своей дирижерской палочкой;

Спрятав голову под подушку, она видела во мраке своих закрытых глаз его физиономию, искаженную гневом, и ей казалось, что он бьет ее по вискам своей палочкой.

Характерно, что когда в конце рассказа наказание все же настигает героя в виде второго скандала (и настигает, на самом деле, потому, что он «упразднил» в себе любовь и вышвырнул на улицу, как ненужный хлам, возлюбленную, немало не заботясь о ее судьбе) – тогда он выбежал из театра с окровавленной нижней губой и, прибежав к себе в отель, заперся. Запершись, просидел он три дня и три ночи, занимаясь самосозерцанием и самобичеванием. Музыканты рассказывают, что он посидел в эти трое суток и выдернул из своей головы половину волос... В этом отрывке повествователь иронизирует над «драматической позой», используя «эпическое» **три дня и три ночи**, разрушенный фразеологизм «рвать на себе волосы», а также соединяет лексемы *самосозерцание* и *самобичевание*, обозначающие состояния, едва ли совместимые в жизни, но парадоксальным образом совместимые там, где речь идет о «высоком искусстве», а на самом деле – о все той же фальшивой, картинно-риторической позе.

Точка зрения повествователя и точка зрения героини пересекаются в ироническом эпитете музыкальный:

1. Он готов швырнуть ее на край света, подальше от своих музыкальных ушей.

2. — Так ей и следует! — сказал он утром, проснувшись, но... он лгал! Кошки скребли его музыкальную душу, и тоска по рыжей защемила его сердце.

Так мотив позерства и фальши в музыке соединяется в рассказе с мотивом террора, насилия по признаку упраздненности человеческого содержания в любви к музыке и служении ей.

Ср.: Он рванул ее за сорочку и увидел белое, как снег, чудное плечо. Но ему было не до плеч; Он бросил ей в лицо кофточку и заскрежетал зубами; ...И, взяв ее за маленькую спину, он вытолкал ее; Она замерзла или утопилась! — предполагал дирижер. Особенно характерно соединение глаголов интенсивного выражения эмоций (*бросил*, *вытолкал*, *заскрежетал зубами*) и глагола, выдающего внутреннюю холодность и невозмутимость – *предполагал*).

Мотив убийства – умирания – самоубийства поддерживается и точкой зрения героини: Лежа не так страшно умирать, как стоя или сидя, а она была уверена, что угрызения совести и тоска убьют ее...; И дома он не давал ей покоя. Приехав из театра, она упала на постель. Спрятав голову под подушку, она видела во мраке своих закрытых глаз его физиономию, искаженную гневом, и ей казалось, что он бьет ее по вискам своей палочкой.

История «двух скандалов» – это история двух героев, и история взаимодействия трех планов их существования – трех сюжетных функций персонажей: музыки, любви и социума, в который вплетается общий четвертый, сквозной мотив – насилия, сопровождая и усложняя действие этих трех функций.

Семантическая симметрия в отношениях героев подчеркивается орнаментальной составляющей композиции, оттеняющей отношения семантического контраста. Особенно подчеркнута она выражена в семантико-синтаксической и лексической организации двух фрагментов, первый из которых – предполагаемый внутренний монолог дирижера, а второй – экспликация мыслей певицы:

1. *ОН готов был проглотить ее, провалить сквозь землю, поломать и выбросить в окно. Она рознала больше всех, и он ненавидел и презирал ее, рывую, больше всех на свете. Если б она провалилась сквозь землю, умерла тут же на его ГЛАЗАХ, ЕСЛИ БЫ запачканный ламповщик ЗАЖЕГ ее вместо лампы или побил ее публично, ОН ЗАХОХОТАЛ БЫ ОТ СЧАСТЬЯ.*

2. *ОНА, восемнадцатилетняя девочка, стояла, глядела в ноты и дрожала, как струна, которую сильно дернули пальцем. Ее маленькое лицо то и дело ВСПЫХИВАЛО, как ЗАРЕВО. На ГЛАЗАХ блестели слезы, готовые каждую минуту закапать на музыкальные значки с черными булавочными головками. ЕСЛИ БЫ шёлковые золотистые волосы, которые водопадом падали на ее плечи и спину, скрыли ее лицо от людей, ОНА БЫЛА БЫ СЧАСТЛИВА.*

Характерно, что псевдомузыкальности (и как фанатическому, бесчеловечному служению музыке, и как способу социализации) противопоставлено состояние опьянения (пьяного «раскисания») – мотив вина и пьянства, соединенный с мотивом горения. Он звучит в том числе и в победительном укаре героини «этим *пьяницам*» во время второго скандала, и в последней реплике героя:

– Я оскорбил ее! – плачет он теперь, когда бывает пьян. – Я испортил ее партию! Я – не дирижер!

Тот же мотив вина заставляет на время соединить музыку и любовь в жизни дирижера:

Лицо его ГОРЕЛО дольствием. Кто осмелится сказать, что он плохой дирижер? Никто! Она ПОКРАСНЕЛА и улыбнулась ему. Он, пьяный, остановился около нее и заговорил:

– Я раскис... – сказал он. – Боже мой! Мне так хорошо сегодня! Ха! ха! Вы сегодня все такие хорошие! У вас чудные волосы! Боже мой, неужели я до сих пор не замечал, что у этого соловья такая чудная грива?

Он нагнулся и поцеловал ее плечо, на котором лежали волосы.

– Я раскис через это проклятое вино... Мой милый соловей, ведь мы не будем больше ошибаться? Будем со вниманием петь? Зачем вы так часто фальшивите? С вами этого не было прежде, золотая головка!

Дирижер совсем раскис и поцеловал ее руку...

... *Неделю ходил он, как полупьяный, страдая, поджидая ее и терзаясь неизвестностью.*

Однако после первого скандала дирижер также напивается, пытается пережить несоединимость любви и музыки в его жизни: *В третьем часу ночи пришел он. Дирижер был пьян. Он напился с горя и от бешенства. Ноги его подгибались, а руки и губы дрожали, как листья при слабом ветре... Затем, однако, он берет себя в руки, и к нему возвращается его жестокая сила – сила, которая призвана защитить от той «погибели», которую несет ему любовь, страсть к женщине – то ли погибель для музыки, то ли погибель для карьеры музыканта, то ли просто для того устоявшегося социума, в котором царит не музыка, а*

увиденное героиней шипение «злых рыл» (не *горящих*, не *раскрасневшихся*, а *бледных*). Ей угрожают *звериные рыла*, ему – она, *отвратительнейшая гадина*.

Фраза «Вы губите...» повторена дважды, затем зеркально отражаясь в осознанном ею «погибла»:

Оркестр секунду понес чепуху и умолк... Она отступила назад и, пошатываясь, поглядела в сторону... В стороне были кулисы, из-за которых смотрели на нее бледные, злые рыла... Эти звериные рыла шипели...

– Вы губите нас! – шипел антрепренер...

Занавес пополз вниз медленно, волнуясь, нерешительно, точно его спускали не туда, куда нужно... Она зашаталась и оперлась о кулису...

– Вы губите меня, развратная, сумасшедшая... о, чтобы чёрт тебя забрал, отвратительнейшая гадина!

Это говорил голос, который час тому назад, когда она собиралась в театр, шептал ей: «Тебя нельзя не любить, моя крошка! Ты мой добрый гений! Твой поцелуй стоит магометова рая!» А теперь? Она погибла, честное слово погибла!

Кто жертва в этой истории, кто более всего страдает от насилия и где его источник? Чехов, разумеется, не ставит напрямую этот вопрос, но как будто ищет на него ответа.

Может быть, парадоксальный финал рассказа больше всего подчеркивает, что область, в которую вместе с автором погружается читатель, легче покинуть, нежели понять. Этот риторический «отвод» совершается финальным риторическим вопросом, призванным резко сменить оценочный и концептуальный ракурс повествования: автор как бы находит предлог, чтобы резко «выйти из игры», ничего не поясняя. Вот концовка рассказа:

Он ошибся первый раз в жизни, и той ошибки, того скандала не простил он себе.

Он выбежал из театра с окровавленной нижней губой и, прибежав к себе в отель, заперся. Запершись, просидел он три дня и три ночи, занимаясь самосозерцанием и самобичеванием.

Музыканты рассказывают, что он поседел в эти трое суток и выдернул из своей головы половину волос. . .

– Я оскорбил ее! – плачет он теперь, когда бывает пьян. — Я испортил ее партию! Я – не дирижер!

Отчего же он не говорил ничего подобного после того, как выгнал ее?

Формальный ответ на этот вопрос читатель может отыскать: не говорил, потому что был уверен, что это была *его* партия и она была испорчена. Теперь он случайно оказался в мире, где она занимала законное место, а он выступал эпизодическим лицом. Значит, совесть музыканта пробуждается там, где это подсказывают не человеческие, не эстетические, а социальные обстоятельства.

Вместе с тем мы ощущаем, что сам финальный вопрос в некотором смысле формальный, лишний. В выстроенном мотивном треугольнике «музыка – социум – любовь» в каждую минуту причиной несчастья, «выпадения» из игры и объектом насилия может стать любой из «углов». «Параллельные» герой и героиня оказываются игральными этими стихий.

И здесь нельзя не обратить внимания на еще один, наиболее важный, лейтмотивный ряд, орнаментально организующий это тройственно поляризованное композиционно-семантическое поле: это лексемы и изобразительные звуковые *др-*, *рж-*, *држ-*, *дрн-*образные повторы с семантикой волнения, трепета, дрожания, распространяемые на терроризируемые объекты, место которых занимает то герой, то героиня, то душа, то пюпитр, то музыкальный инструмент.

– *Стойте, чёрт вас возьми! Если эти козлы-тенора не перестанут рознить, то я уйду! Глядеть в ноты, рыжая! Вы, рыжая, третья с правой стороны! Я с вами говорю!* Если не умеете петь, то за каким чёртом вы лезете на сцену со своим вороньим карканьем? Начинайте сначала!

Так кричал он и трещал по партитуре своей дирижерской палочкой.

Ср.: Она... *дрожала*, как струна, которую сильно *дернули* пальцем... в ее сильном *дрожащем* сопрано слышалась отчаянная нотка.... Она спрятала голову под подушку и, *дрожая*, боясь думать и задыхаясь от стыда, завертелась под одеялом... Плечи ее *дрожали*; По всему лицу *дирижера* забегали *судороги*... Он напился с горя и от бешенства. Ноги его подгибались, а руки и губы *дрожали*... Он *сдернул* с нее одеяло и *швырнул* его к камину... Он *поседел* в эти *трое суток* и *выдернул* из своей головы половину волос.

Эти *дерганье* и *дрожь* на изобразительно-фонетическом уровне уже «вложены» и в прозвище героини: *рыжая*, и анаграмматически включены в единственно известное нам имя героя – имя его призвания: *дирижер*.

Композиционно-речевая структура прозы А.П.Чехова обнаруживает повышенную значимость орнаментального начала, образуемого взаимодействием рекурсивных форм и вариативных повторяемых смыслов. Этим достигается также и максимальное «сгущение» образности, особая напряженность семантической организации: повторяемый знак или знаковый элемент (лексема, устойчивый оборот, синтаксическая конструкция, звуковая группа), приобретая функцию лейтмотива, объединяет вокруг себя композиционные целые, при этом всякий раз возвращаясь как семантически «неравный самому себе» – актуализируя оттенки значения, отражающие характер дифференциации и поляризации семантического пространства текста и художественного мира писателя.

Литература

Бахтин М.М. Риторика, в меру своей лживости // Бахтин М.М. Собрание сочинений. – М., 1996. – Т. 5. – С.63-70.

Векшин Г.В. Очерк фоностилистики текста: звуковой повтор в перспективе смыслообразования. – М., 2006.

Гирина Н.А. Анафония в русской классической литературе (на материале художественной прозы Л.Н.Толстого и Ф.М.Достоевского): Дис... канд. филол.наук. – Пенза, 2004.

Костенников А.М. Музыкальность Чехова и поэтичность Вагнера: компаративистский анализ // Культура народов Причерноморья. — 2003. – N46. – С. 106-109.

Чехов в воспоминаниях, 1960: А.П.Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1960.

Чудаков А. П. Поэтика Чехова. – М., 1971.

Чудаков А. П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. – М.: Сов. писатель, 1986.

Шмид В. Проза как поэзия. Пушкин. Достоевский. Чехов. Авангард. – СПб., 1998.

Эткинд Е.Г. «Внутренний человек» и внешняя речь: Очерки психопоэтики русской литературы XVIII-XIX веков. – М., 1999.

Асп. Н.В.Вольская (Ульяновск)

К ТИПОЛОГИИ ЗАГЛАВИЙ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

1. Филологи не раз отмечали, что современные авторы редко используют однословные заглавия, обычно это синтагмы разной структуры. Неоднословные заглавия современных прозаических произведений и стали объектом нашего исследования – заглавия романов разных жанров и художественной ценности: художественный роман, интеллектуальный роман, исторический роман, детектив, сентиментальный роман, «мужской» роман, роман в стиле фэнтези, а также их современные вариации-подтипы – старинный роман, корпоративный роман, иронический детектив, авантюрный детектив, роман-эталон, роман-самоучитель, гастрольный роман, детектив-путешествие, артефакт-детектив и др.

2. Были проанализированы 1,5 тыс. заглавий, среди которых: субстантивные словосочетания – 72 % (из них связаны отношениями управления – 51 %, согласования – 21 %), предикативные конструкции – 25 % (15 % – по структурным схемам простого предложения, около 10% – конструкции с неединственным грамматическим центром). Прочие заглавия (3 %) – словосочетания, элементы которых связаны отношениями примыкания, фразеологизмы и приложения.

3. Заглавие выступает именем свойств представленных предметов, явлений и ситуаций, формирует минимальную модель содержания текста, выступает регулятором смысловых акцентов текста. В структурном отношении заглавие понимается как целостная языковая единица, синтаксически оформленная как предложение с эксплицитно («Один интеллигент уселся на дороге» Д. Рубиной) или имплицитно выраженной («5/4 накануне тишины» В.Галактионовой) грамматической предикацией.

4. Тема-рематическое членение заглавия может являться одним из оснований описания заглавия как самодостаточного однофразового текста вне зависимости от степени наглядности грамматической предикации, поскольку соответствует и бинарной грамматической структуре словосочетания. Так, в заглавиях, организованных по типу управления, стержневой компонент соответствует теме, зависимый называет некий дифференциальный признак, который автор усматривает в сущности описываемого объекта и семантике выбранного для обо-

значения языкового средства. «Грамматическим центром» заглавия-словосочетания становится соединение имени существительного, свободного словосочетания, составного наименования, прецедентной единицы, изменённой фразеологической единицы. Выделенные элементы сочетаются произвольно, может быть реализована любая комбинация («Выбор оружия» А. Проханова, «Агент сыскной полиции» И. Мельниковой, «Большие проблемы маленькой блондинки» Г. Романовой, «Брачный танец кальмара» Л. Паниной, «Бенефис мартовской кошки» Д. Донцовой, «Девять жизней чёрной кошки» Л. Соболевой, «Бисер для трёх поросят» Т. Сахаровой и др.).

5. Новыми, чрезвычайно активными и популярными способами формирования заглавий являются изменение прецедентных наименований («Полёт над гнездом индюшки» Д. Донцовой) и намеренные коммуникативные ошибки – нарушение стилистической сочетаемости компонентов («Бойфренд императрицы» Е. Филяковой), нарушение логического и психологического соответствия темы и ремы («Дайвинг для крокодила» Д. Калининой).

6. При интерпретации заглавия адресат опирается на структурную формулу заглавия, но лексическое наполнение схемы не столь важно. Как правило, достаточными оказываются падежное значение и семантическая аура использованной прецедентной единицы. В результате формируется синтаксически экспрессивный заголовок, конденсирующий различные прочтения, в том числе смысл, противоположный истинному содержанию текста.

Аспирант А.Г.Дьякова (Москва)

РИТМИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФОРМУЛЬНОСТЬ В КНИЖНОМ ЗАГОЛОВКЕ

Книжный заголовок, как и вообще заглавие, будучи лицом издания и текста, квинтэссенцией смысла, требует особой заботы автора и редактора о его речевой форме. Фоностилистический анализ структуры названий, проведенный на материале восьмитомного «Указателя заглавий произведений художественной литературы 1801-1975» (Сост. Игумнова Н.П.; Рассказова Л.П.; Соколинский Е.К. и др. - М.: Государственная библиотека им. Ленина, 1985), позволяет говорить о том, что книжные заглавия, представленные в указателе, обладают предпочтительностью в плане звуковых и ритмико-синтаксических форм, базируются на определенной традиции их употребления. Обобщение более шести тысяч примеров в аспекте их ритмико-синтаксической структуры указывает на некоторые предпочтения в строении заглавий.

Наиболее типичными ритмическими структурами в заголовке среди двусловных сочетаний являются:

1+2/2 (односложное слово в сочетании с двусложным с ударением на второй слог => **Ночь** люб\ви),

2\1 + 2\1 (Де\ти ве\ка, Не\бо в звёз\дах, Мо\ре сме\ха, Лю\ди-пти\цы),

2\1 + 3\2 (Лю\ди при\выч\ки, Лю\ди в ту\ма\не, Мо\ре в ла\до\нях, Не\бо Рос\си\и),

2\2 + 2\2 (Лю\бовь сле\па, Меч\та зо\вет),

2\2 + 3\2 (Меч\та в по\да\рок, Меч\та по\э\та, Лю\бовь сту\ден\та),
3\2 + 1 (На\встре\чу всем, До\ро\га в ад),
3\2 + 2\1 (На\ча\ло ве\ка, Ма\ши\на смер\ти),
3\2 + 3\2 (До\ро\га ги\ган\тов, Ми\ну\та до\су\га, На\встре\чу по\бе\де,
На\ча\ло карь\е\ры).

Рассмотрение сочетаний без учета межсловной границы позволяет предполагать, что в качестве оптимальной ритмической формы заглавия выступает пятисложная ямбическая структура (с ударениями на втором и четвертом слогах), и четырехсложная хореическая (с ударением на первом и третьем слогах). В четырехсложных хореических сочетаниях диагностически наиболее сильным ударным слогом является третий.

Совершенно нетипичными сочетаниями являются структуры 1/1 + 1/1, соединение первого многосложного слова со вторым односложным.

Это предварительные выводы, которые предстоит проверить на более обширном и новейшем материале. Однако и они дают основания судить о том, что ритмико-синтаксическое устройство заглавия является предметом особого внимания писателя, а его звуковая и ритмическая формульность обеспечивает его речевую целостность и художественную привлекательность.

Канд. филол. наук И.А.Пуник (Ульяновск)

РОЛЬ ПАУЗЫ В СОЗДАНИИ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ ЗВУЧАЩЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В научном наследии выдающегося российского лингвиста Л.В.Щербы важное место отводилось направлению, которое связывало языкознание и филологию, и указывалось на то, что лингвистический анализ текста и изучение выразительных средств языка помогает глубже понять смысл литературного произведения и его художественные достоинства. Л.В.Щерба в своих работах обращал внимание так же и на то, что первичным языком является язык произносимый, т. к. только при произнесении возникают привычные смысловые ассоциации, тогда как в письменном языке, они носят вторичный характер. При этом большая роль в создании языковой выразительности художественного текста отводилась не только лексике, стилистическим оборотам, но и ударению, и интонации.

Известно, что паузы являются необходимым компонентом интонации и их основная функция в звучащей речи - это функция членения. В фонетической литературе достаточно подробно описаны как функции паузации, так и семантическая нагрузка пауз в звучащем тексте. Ключевым понятием для понимания характера паузы и её смысловой функции является понятие дискретности. С дискретностью паузы связывается и основная проблема интерпретации семантической нагрузки паузы в зависимости от её величины.

В работах, посвящённых исследованию интонации сложных речевых единиц, паузы делятся на длинные, сверхдлинные, средние и короткие. В экспериментальных работах установлено, что величина паузы зависит от характера смысловой связи между языковыми единицами, при этом, чем слабее связь, тем

длиннее пауза и наоборот, чем связь сильнее, тем пауза короче. За счёт варьирования длительности паузы осуществляется, таким образом, связь между отдельными частями текста. Целью нашего исследования является выявление функциональной обусловленности вариативности пауз в звучащем художественном тексте. Для анализа особенностей вариативности паузы был выбран драматический текст на немецком языке, представляющий собой отрывок из художественного фильма «Платонов», поставленный и снятый знаменитым немецким театральным режиссёром Люком Перцевалем по пьесе А.П.Чехова «Платонов». Фильм представляет собой сценические диалоги, в нём на фоне минимума классических театральных средств основная нагрузка в достижении выразительности приходится на речеизобразительные средства. Акустический анализ звукового фрагмента проводился при помощи компьютерной программы « Adobe Audition 1.5». Звук считывался с аутентичного немецкого диска «Platonow von Anton Tschechow . Ein Film von Luk Perceval. Alexander Verlag Berlin in Kooperation mit der Schaubühne am Lehniner Platz Berlin 2006» и на экран выводились осциллограммы, по которым делались замеры длительности пауз. На основе звучащего текста была сделана также его письменная транскрипция, которая использовалась при анализе.

В анализируемом нами тексте присутствует большое количество пауз, характер которых очень сложен и разнообразен. Анализ особенностей паузации показывает, что все имеющиеся паузы значительно варьируют по своей длительности и выполняют одновременно несколько функций. Они, как и другие компоненты интонации, участвуют в передаче не только денотативной информации в художественном тексте, но и коннотативной, которая включает в себя эмоциональный и оценочный компоненты. При этом все паузы можно разделить на две группы: одни паузы связаны, в первую очередь, с фактом членения текста, другие – с выражением смысловых отношений в рамках высказывания.

Рассмотрим особенности паузации на отдельных примерах. В приведённом ниже фрагменте текста в речи героев присутствует большое количество пауз.

Софья: Wo ist das Glück geblieben, das du mir versprochen hast? Denk nach, | schmeiß alles aus dem Kopf und denk nur darüber nach, | was machst du mit mir? ||

Платонов: Kann ich mir denken. || Denk du nachher . || Ich habe dir alles weggenommen | deine Zukunft, dein Leben, | deine Lebensfreude. || Wieso? | Weshalb habe ich nur das getan? ||

Weil, | was kann ich dir geben, | nichts, | nichts. || Laß mich in Ruhe. | Dieses Knäul. Ja, weißt du. || Ich bin die Ruine. Ja. Ich bin dein Unglück. Ja. ||

В первой реплике Софьи паузы вместе с лексическими повторами способствуют большей выразительности и эмоциональности речи, они передают её волнение и удивление поведением Платонова. Паузы как бы досказывают то, что невозможно передать словами. Они передают подавленное настроение героев, глубину их чувств и их размышления. В речи Платонова почти каждая реплика выделена большими эмфатическими паузами. Паузы в данном случае передают несколько значений: его желание уйти от разговора, размышления, они создают впечатление замедленности ритма речи и её монотонности. Наличие длинных и сверхдлинных пауз в речи Платонова и Софьи увеличивает семантическую ёмкость речевых средств, паузы выступают в функции интенсификатора.

В отличие от длинных и сверхдлинных пауз, являющихся фактом членения речи, короткие внутрисинтагменные паузы передают в сочетании с лексико-грамматической структурой особый смысл высказывания. Так, например, в конце анализируемого текста в речи Софьи значительно увеличивается темп и уменьшается количество межфразовых пауз, в нескольких предложениях встречаются короткие внутрифразовые паузы. Например, в предложениях: Vertraue mir, wir werden glücklich sein. Ich stelle dich wieder auf die Beine. Wir werden | richtige Menschen sein Ich | werde arbeiten. Wir werden beide arbeiten. | Wir | werden, wir werden | unser neues Leben genießen ... вспомогательный глагол «werden» благодаря лёгкой паузе получает синтаксическую самостоятельность и передаёт значение уверенности в том, что Софья и Платонов обязательно будут счастливы. Подобное членение меняет функциональную перспективу высказывания, оно не характерно для обыденной речи, благодаря этому слова Софьи приобретают некоторую поэтичность.

Рассмотрение особенностей паузации в рамках исследуемого нами текста показывает, что звуковая структура текста определяется его содержательной стороной. В использовании пауз можно проследить определённую тенденцию. Величина паузы в художественном тексте зависит от её функций. Длинные и сверхдлинные паузы выполняют функцию композиционно-структурного членения, короткие паузы передают отношения между элементами высказывания. Итак, участие пауз в обеспечении экспрессивности звучащей художественной речи проявляется, прежде всего, в выделении отдельных единиц текста, которым автор хочет придать особую выразительность, и которые являются наиболее важными для понимания смысла произведения. Паузы могут либо предшествовать «ключевым словам» или «ключевым репликам», либо следовать за ними, отграничивая и выделяя всё высказывание в целом. Экспрессивность реализуется за счёт увеличения длительности синтаксических пауз, что часто сопровождается замедлением скорости произнесения и наоборот уменьшение длительности пауз сопровождается увеличением темпа речи.

Аспирант К.Е.Розова (Москва)

К АССОЦИАТИВНОЙ СЕМАНТИКЕ ПОЛЯ В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДАХ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

В большинстве случаев *поле* употребляется в «Слове...» в значении беслесного равнинного пространства, в том числе как места боя. Однако имеется и еще один смысл, так или иначе присутствующий почти во всех случаях употребления этого слова в тексте: поле как территория в мифологических представлениях противопоставленная земле, как чужое, неосвоенное пространство, где властвуют природные силы, – своему, освоенному пространству, где властвует человек. Поле – пространство, где человека подстерегает опасность, где ему могут причинить зло обитатели пространства (в том числе и мифические). *Поле* в «Слове...» – *половецкое, широкое, чистое, великое, незнаемое*. Обобщенное толкование лексемы на основании словарей и справочников, актуальное для текста «Слова...», можно представить как *пространство безграничное*,

неизвестное и непостижимое, пустое, однородное, чистое от скверны и обратить внимание на его большую значимость в мифологической топологии древних.

С точки зрения перспективы перевода, наиболее интересным сочетанием оказывается «поле незнаемо» во фразе «трещат копья харалужные в поле незнаеме среди земли Половецкой», где на первый план выходят значения «неизвестное» и «непостижимое», так или иначе передаваемые большинством переводов памятника.

Для интерпретации *поля* в «Слове...» также существенна фраза «Загородите полю ворота своими острыми стрелами», где слово «поле» использовано в метонимическом значении, в смысле «обитатели поля», «половцы». Такое значение *поля* можно встретить и в других древних источниках (ср. значение «стан, табор, обоз, место, занятое войском под открыты небом» в словаре ВДаля).

В отношении фрагмента «загородите полю ворота», где поле выступает в значении «половцы» (значение, укрепленное паронимически: *поле половецкое*) среди поэтических переводов находим варианты: «загородить ворота в поле» (где?), «загородить ворота из степей» (откуда?), где в последнем варианте в угоду исходному смыслу даже нарушена современная норма управления. Еще один вариант – замена «полю» на «Половцам» – вероятно, наиболее оправдан с точки зрения уточнения забытого значения поля в этом фрагменте. Мы видим, что семантика управления *загородить (чему?) полю* в переводах утеряно, но для того, чтобы не потерять канву смысла и звучание, переводчик не решается устранить лексему поля вообще, подменяя его синтаксические связи или замещающая поле половцами.

В звуковом отношении с полем в «Слове...» связан *полк*, в семантике которого выделяются значения «множество воинов», «табор», «стан». Таким образом, *поле* (как воинство, ополчение) и *полк* оказываются в одном из значений синонимами, а с учетом звуковой близости – паронимами. Слово *полк* известно многим славянским языкам в тех же или сходных значениях: стадо, стан, род, народ, толпа. Такое его употребление мы находим и в обращении Ярославны к Днепру: «Ты лелеял еси на себе Святославли насады до плку Кобякова», где речь идет о всей его орде, о народе. Тем важнее оказывается правильное толкование выражения «храброго полку не кресити». Справочники и словари дают глаголу *кресить* толкование «воскрешать» или «воскреснуть». Но нельзя забывать, что *кресить* – значит еще и жечь, зажигать, возжигать жизнь, вносить живую искру. Такое употребление слова «кресить» применительно к людям можно объяснить тем, что крещением, то есть выжиганием лишнего, очищением в древности создавали пахотное поле. В современном русском языке *воскрешать* потеряло внутреннюю форму, характерную для *кресить* в древнерусском языке (ср. в белорус. как «жечь»), сохранив ее следы лишь в слове *кресало*. Однако во многих переводах имеет место регенерация этой внутренней формы путем подчеркивания семантических связей звуковыми средствами: «А Игорева храброго полка словно *искру кресалом* не *кресить*» (пер.Л. Наровчатской); «Дружбы **жар** в душе не *выгорит*, но *дружину* соколиную не вернуть **уж** князю *Игору*» (стихотв. перелож. В.Гончарова). Следовательно, наличие семантической

связи между *полем* и *полком* в «Слове...» оказывается укрепленным контекстом «крещения» – очищения огнем нивы и воскрешения людей к жизни.

Канд. филол. наук С.Ш. Рыткина (Ульяновск)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Художественное произведение рассматривается как речевая деятельность, обусловленная специфическими коммуникативными и эстетическими целями. Кроме того, аксиоматичным для современной лингвистики стало утверждение, что правила построения текста зависят от контекста культуры, в котором он возникает. Так, по Ж.Гийому и Д.Мальдидье, тексты, дискурсы, дискурсные комплексы приобретают определенный смысл только в конкретной исторической ситуации (Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999.)

Смысл с позиции когнитивной лингвистики понимается как динамичный, процессуальный феномен, как эволюция смыслов, создаваемых тем или иным хронотопом, то есть зависящих от категорий пространства, времени и движения.

Чосер, Спенсер, Шекспир и Мильтон, как и писатели древней Греции и Рима, использовали традиционные сюжеты. И делали это, в конечном счете, потому что исходили из общепринятых представлений своего времени, что поскольку природа целостна и неизменна, то и ее проявления составляют уже определенный репертуар человеческого опыта.

Начиная с Ренессанса появилась тенденция заменять индивидуальным опытом коллективную мысль в оценке реальности. Немалая роль в этом принадлежала Декарту и Дж.Локку. Поиск истины для Декарта – это поиск индивидуума, его личный опыт. По Локку, знание выводится из опыта с помощью ощущений и рефлексии. Переход от традиционного понимания истины и явил собой культурный фон для развития романа. Реализм, понимаемый в средневековье как реализм универсальных категорий, стали понимать как индивидуальный опыт восприятия реальности через чувства.

Новые сюжеты романов и явились проявлением новой философской мысли и традиции реализма. Таким образом, подчинение сюжета романа модели автобиографических мемуаров, например у Дефо, так же показательно в отстаивании примата индивидуального опыта, как и утверждение Декарта *cogito ergo sum* в философии.

Докт. филол. наук И.В. Труфанова (Москва)

КАЛАМБУР, ИЛИ АНАГРАММА, ИЛИ ОКСЮМОРОН?

А.М.Люксембург и Г.Ф.Рахимкулова пишут о В. В. Набокове как о писателе, романы которого пронизывает стихия изощренной интеллектуальной игры слов, одной из наиболее ощутимых примет игровой стилистики и игровой по-

этики которого стала каламбуризация (18:90). Например: «Кук: Ишо 5» («Лолита») – кукиш опять, Ку – «след беса» Культи – персонажа, преследующего рассказчика.

«Он был слеп, как Мильтон, глух, как Бетховен, и глуп, как бетон», – говорится в «Даре» о литераторе Ширине. Это многоплановый каламбур, в котором наблюдается взаимодействие элементов разных языков и разных уровней языка; «глуп, как бетон» не случайно: бетон – контаминация имен: Бе(тховен) и Миль(тон) = бетон. Здесь присутствует и фонетическое отождествление: созвучные Мильтон и бетон, и глуп и глух становятся «со значимыми» словами, близкими по значению. Если фамилию Мильтон представить по-французски, то получим mille tons, то есть «тысячу звуков», не слышимых ни Бетховенным, ни эмоционально и интеллектуально глухим и слепым Шириним (см.: 18: 99).

Основная функция каламбура у В. В. Набокова, как пишут А. М. Люксембург и Г. Ф. Рахимкулова, – тематическая, предполагающая создание блока каламбурных рядов, пронизывающих и формально организующих текст (см.: 18: 171). Например, список одноклассников Лолиты – несколько таких каламбурных рядов. Гумберту «странно и сладко было найти эту “Гейз, Долорес ” (её!) в живой беседе имен, стоящую как сказочная царевна между двух фрейлин!». По обе стороны от Лолиты значатся «розы»: «Гамильтон, Роза» и «Грац, Розалинда», а далее фигурирует и «Розато». В «живую беседку» вплетаются и другие «цветочки»: «Байрон, Маргарита» (маргаритка) и «Миранда, Виола» (фиалка), мак (Мак-Кристал, Мак-Ку, Мак-Фатум). Вся эта флора подготовлена упоминанием об «очертаниях Флориды», на фоне которых висит список. В списке основательно представлена и фауна: Камель (верблюд), Мак-Ку (Kuh – по-немецки корова), Кауан (cow – корова), Тальбот (гончая), Фокс (лиса), Агнесса (ягненок, агнец), в имени Гэзель соседствуют «флора» и «фауна»: орешник (hazel) и газель; кроме того здесь «под маской» вторично выведена Лолита: Гейз Л. Выделяется группа «граций», формально маркированная именами: «Анджель, Грация», «Грац, Розалинда». По-английски «grace» означает «милость, доброта», у древних грации – богини, воплощающие доброе, радостное, вечно юное начало жизни. Две другие – Аглая (сияющая) и Фаенка (сияющая), идея света и в именах Маргарита (жемчужина), Луцинда (светлая), Стелла (звезда), Лена (светлая), Розалина (Лина – вариант имени Лена), Мак-Кристал (кристалл). Грация Талия (цветущая) представлена уже описанной флорой. О грации Пасифее, обещанной Герой в жены богу сна, напоминают «Фантазия, Миранда» (чудесная) и Мак-Кристал (идея волшебного кристалла фантазии). Вивиан (Мак-Кристал) (от лат. vivus – живой) – этим именем Набоков пользовался, анаграммируя свое имя и фамилию. Тезис «книга – жизнь» подкрепляет имя «Бук, Даниил» (по-английски «Книга пророка Даниила»). Ему предшествует пара близнецов, фамилия которых Бизль (Б. Л. – по-английски книга о Лолите). Имя Обрэй в списке соотносится с Обероном – королем эльфов и фей в «Сне в летнюю ночь». Мак-Фатум – главный маг, король сказочного мира, в чьих руках с самого начала находится жизнь героя (см.: 18: 141–143).

В.Линецкий, в отличие от изложенной точки зрения, называет «процесс, которому подчинены набоковские сочинения, – анаграмматическим» (17: 28–29). Рассмотрим более подробно ход рассуждений исследователя: “сны (...)

суть анаграммы дневной реальности”. Комментируя заметки об анаграммах де Соссюра, Жан Бодриар пишет: “В отличие от различных форм эстетизма, основанных на убеждении в самоценности искусства, а, следовательно, ориентированных на смысловое и выразительное накопление, метафорой которого всегда была игра, в отличие от «культурного» сознания вообще – анаграмма в литературе (...) означает распыление без остатка (а он-то и есть смысл), децентрацию, уничтожение, упразднение связи имени и идентичности”» (17: 28-29). Центр, ограничивающий процесс синонимичных замен и подмен, задающий иерархию элементов текста и тем самым создающий возможность его прочтения, интерпретации, смещается: данная деконструкция выводит систему знаков текста из равновесия, и смысл текста оказывается не установим (17: 31). Один пра-текст подвергнут в произведениях В.В.Набокова анаграмматическому взрыву, рассеянные обломки данного пра-текста (это фраза из «Песочного человека» И.В.А.Гофмана: «Вертись, вертись, огненный круг!») парализуют смыслообразование в произведениях В. В. Набокова (17: 41).

В. Линецкий пишет, что употребляет термин анаграмма в значении, которое вкладывает в данный термин В.Н.Топоров. В.Н.Топоров трактует анаграмму как средство проверки связи между означаемым и означающим и между текстом и достойным его, т.е. понимающим его, читателем, выступающим как дешифровщик криптографического уровня текста, как средство, выполняющее метаязыковую функцию (29: 193). Анаграмма обращена к содержанию, она его сумма и резюме, «но выражается это содержание не словарно или грамматически институализированными языковыми формами, имеющими обязательное значение для всех членов данного коллектива, а как бы случайно выбранными точками текста в его буквенно-звуковой трактовке» (29: 194), то есть построенная анаграмматической структуры предполагает, следовательно, не только возможность (даже обязательность) прерывистого чтения данного текста, но и возможность обратного принятому направлению чтения текста (не только слева направо, но и справа налево), а также в любых направлениях чтения, не говоря уже о разного рода циклических операциях (29: 194-195). Кроме того, анаграммы суперформируют текст за счет резкого увеличения степени его дискретности и навязывания новых связей между элементами (29: 196).

С.Т.Золян тоже пишет об «определенной асинтаксичности семантической организации поэтической речи», проявляющейся «в самой возможности семантических единиц вступать в связи, не совпадающие с синтаксическими зависимостями» (11: 66) В.Н.Топоров в качестве примеров анаграммы приводит, в частности, римские тексты различных авторов. У Вергилия в «Энеиде» каждый раз тема Рима сопровождается резким повышением встречаемости элемента $p - m$ ($m - p$). Этот элемент, сигнализируя о римской теме, вовлекает в конструирование смысла весь круг слов, в которых встречается $p - m$, сводимых к трем случаям: 1) слова, содержащие $p - m$ в корне или основе (*arma, primus, memorem, imperium, muro, mare, Marselus* и др.); 2) слова, содержащие $p - m$ в определенных формах (*rem, rerum* и др.); 3) сочетания двух соседних слов, содержащих «составное» $p - m$ (*motis esrat, maxima norro, nomina Troia* и др.). Содержательность данного комплекса обусловлена тем, что он появляется: 1) в словах-индексах величия Рима (первый, высший, власть, владычество, честь,

отечество, город, превосходство), 2) в слове мир (Вселенная и дом), 3) у римлян чтение имени Рим справа налево превращало его из имени силы в имя любовь: *Roma – amor*; 4) у русских поэтов Рим – смерть, громада, гром, время, мимо, держава, имя, храм, пилигрим, город и т.д. (29: 200–210). Например, у П. Вяземского в стихотворении «Рим»: «*Рим*, всемогущее, таинственное слово! И вековечно ты, и завсегда ты ново! Уже во тьме времен, почивших мертвым сном звучало славой ты... Тобой исписаны всемирные скрижали... и каждое стремление... Все выражало ты живым своим глаголом И было ты всего великого символом. *Мир* древний и его младая красота, И возмужавший *мир* над знаменем креста... Державства твоего свершились времена... *Мирского* промысла орудья и загадки, И волновали *мир*, и *мир* волнуют шаткий...» (по 29: 208–209).

Н.В.Павлович (22: 5) факты подобного рода квалифицирует как «прямое фонетическое и синтаксическое отождествление слов», входящих в результате такого отождествления в лексико-семантическую парадигму, под которой исследователь понимает «класс слов, близких по значению и способных при определенных условиях заменять друг друга», и добавляет: «Однако общеязыковое представление о близости по значению существенно меняется при переходе к поэтическому языку, так как в нем близкими становятся слова семантически далекие, несходные (и даже противоречащие, противоположные, несовместимые), например: огонь – лед, храм – хлам, пена – кружево, метель – костер, звезды – пыль и т. п.» (21: 52), таким образом, парадигма фонетически сходных, отождествленных и по значению слов часто представляет собой оксюморон (см.: 22). Большинство оксюморонов, по наблюдениям Н. В. Павлович, состоит не из антонимов: черный ангел, веселый мрак, пророчески-слепой (22: 6).

Примеры анаграмм В.Н.Топорова и оксюморонов Н.В.Павлович, в которых «сближаются» (Ю.Н.Тынянов), «отождествляются» (Н.В.Павлович), «синонимизируются» (В.П.Григорьев), «сближаются в своих значениях, индуцируют друг в друге свои значения» (Ю.В.Левин), «обмениваются смысловыми признаками между собой» (Д.Сегал, Р.Тименчик, Т.В.Цивьян) (обзор по: 22: 3; 20: 75), слова, далекие друг от друга по значению в лексической системе языка, взяты из лирических стихотворений. Например, парадигма: звезды – цветы – сирень – ландыш. См.: «Ты, как звезда, в травах светишь» Брюсов; «Принесли букет чертополоха (...) эти звезды с острыми концами, эти брызги северной зари (...)» Заболоцкий; «Шепнет звездоцветно в ночах, как сирень» Бальмонт (по: 21: 52).

Поэтому отмеченная А.М.Люксембургом, Г.Ф.Рахимкуловой и В.Линецким особенность прозы В.В.Набокова и обозначенная соответственно термином «каламбур» и «анаграмма» ведет нас к такому установленному Ю.Н.Тыняновым признаку лирики, отличающему ее от прозы, как «единство и теснота стихового ряда». «Единство и теснота стихового ряда, динамизация слова в стихе, сукцессивность стиховой речи совершенно отличает самую структуру стиховой лексики от структуры лексики прозаической» (38: 133). У слов возникают новые значения – значения их соседей по стихотворной строке, – и при этом их словарные значения не вытесняются вновь возникшими (по: 38: 133). «Слова оказываются внутри стихотворных рядов и единств в более сильных и близких соотношении и связи, нежели в обычной речи; эта сила связи не

остается безрезультатной для характера семантики» (38: 121) «Смысл каждого слова здесь является в результате ориентации на соседнее слово» (38: 125). У слова в лирическом стихотворении динамическая семантика, а не статическая, как в разговорной речи или прозе. «Слово поэзии, являясь членом сразу двух рядов (синтаксической конструкции предложения и стихового – И. Т.), – сукцессивно. “Развертывание материала” (термин В. Б. Шкловского) в поэзии поэтому также идет сукцессивным путем, и здесь образ – своим отрывом от предметности и возникновением колеблющихся признаков за счет основного признака, этим моментом семантического *усложнения* – является специфической формой развертывания стихового материала» (38: 169). «Решающим здесь оказывается для словесных представлений то обстоятельство, что они являются членами ритмических единств. Эти члены оказываются в более сильной и тесной связи, нежели в обычной речи; между словами возникает *соотношение по положению*; при этом одна из главной особенности здесь – динамизация слова, а стало быть, и сукцессивность его» (38: 76).

Кроме Ю.Н.Тынянова, о том, что в лирическом стихотворении многозначное слово одновременно употребляется в нескольких словарных значениях и еще в значениях, отсутствующих у него в языке, но сформировавшихся в данном тексте, как о свойстве лирики писали многие ученые: «Значение слова в поэтическом тексте характеризуется двумя основными свойствами: 1) полисемичность – гораздо более сильная, чем в общеязыковых или нормативных текстах; 2) совмещенность разных значений слова – как норма словоупотребления» (21: 51, см. также: 10, 11, 12). Значения многозначного слова сближаются на основе их пересечения. Совмещение значений многозначного поэтического слова Н.В.Павлович обозначает термином поэтическая парадигма слова (20, 21). В.В.Виноградов писал, что в структуре художественного произведения происходит эмоционально-образная, эстетическая трансформация значений слов (7: 185). При этом поэтическая трансформация не затрагивает инвентарь языковых единиц, а переупорядочивает систему, регулирующую их употребление (см.: 10: 509). В.В.Виноградов указал причины приращения к слову новых значений в поэтическом тексте: «Поэтическое слово двупланово: соотносясь со словесной системой общего языка, материально как бы совпадая с ее элементами, оно в то же время по своим внутренним поэтическим формам, по своему поэтическому смыслу и содержанию направлено к символической структуре литературно-художественного произведения в целом» (5: 6). Данный тезис был доказан С.Т.Золяном.

В лирическом стихотворении изменяется процесс семантического структурирования речи (10: 510). Здесь «обычные правила семантического согласования между синтаксически связанными лексемами, блокирующие многозначность и актуализирующие единичный лексико-семантический вариант, не функционируют. Многозначность слова не снимается контекстом, даже если взять все стихотворение, так как оно само допускает множественность осмыслений, каждое из которых актуализирует одновременно ряд лексико-семантических вариантов» (10: 510). «Автономизация любого осмысления, однако, явилась бы произволом по отношению к образно-семантической структуре текста, – важно именно непрерывное взаимодействие множества образуя-

щихся семантических конфигураций между собой» (10: 511). О семантической многократности как организующем принципе поэтической речи писал Б.А.Ларин (16: 88).

Важно, чтобы каждое из значений многозначного поэтического слова было мотивировано в данном тексте: «Особенности поэтического словоупотребления основываются на актуализации процессов семантической мотивации» (10: 512).

Синтез значений многозначного слова обуславливается темой. С. Т. Золян определяет тему следующим образом: «(...) Тема – инвариант множества семантических преобразований, которое задается самим текстом» (10: 513). «Тема понимается (...) как множество из точек смыслового пересечения слов и предложений, то есть тех структурных узлов текста, в которых одно значение переходит в другое» (10: 513).

Одно значение многозначного слова оказывается внутренней формой другого (их). «Каждый лексико-семантический вариант соотносится с различными аспектами тематической структуры, вступая в сложные диалогические отношения подобия, дополнения, контраста и совмещения с другими. Каждое слово оказывается полифонической структурой взаимопроникающих смыслов, а не конгломератом значений» (10: 519).

Развертывание семантической структуры лирического текста С.Т.Золян описывает следующим образом: в стихотворении есть ритм повторений смыслов; некоторый набор содержаний/смысловых характеристик/сем транслируется по всем сегментам текста, это в них повторяется смысловая структура темы текста; из данной повторяемости вытекает следствие: каждый (повторяющийся) сегмент есть вариация остальных (см.: 11: 68). Динамика текста определяется не прибавлением новых сегментов, а перераспределением семантических признаков, имеющих в одном из них (см.: 11: 68). Полная повторяемость семантических единиц, в отличие от метрических, невозможна: текст окажется неинформативным (см.: 11: 70).

Параллелизм «стиховых рядов» (сегментов) служит установлению и выделению общего в том, что языком дано как различное, установлению эквивалентности между несовпадающими сегментами текста. «Установление эквивалентности между сегментами осуществляется посредством: 1) актуализации и акцентирования общих сем; 2) переноса сем, характеризующих один сегмент, на другие; 3) индуцирования сем, не имеющих ни в одном из сегментов, но возникающих при их уподоблении» (11: 71). «Художественные значения» (Б. А. Ларин), значения, возникающие у слова в поэтическом тексте, выступают в нем «как искомая величина, воссоздаваемая текстом» (12: 65).

Итак, конституальное свойство лирического стихотворения, принцип его построения – приращение значений к общенародному (словарно определенному) слову и одновременно реализация всех его значений в тексте. Но и в прозе мы находим примеры «единства и тесноты стихового ряда» (см.: 31– 36). А.В.Лавров, Н.А.Фатеева примеры описываемого явления в прозе обозначают термином «теснота коммуникативного ряда» (15: 245; 39: 80-81).

Не означают ли факты неснимаемой многозначности слова, комбинаторных приращений смысла слова в прозе, что «единство и теснота стихового ряда» не является признаком, отличающим поэзию от прозы? Нет, не означают.

Ответ на вопрос: «А почему конституирующий лирическое стихотворение признак появляется в прозе?» – мы находим в работе В. В. Виноградова: «В речи художественных произведений выступают формы сложного смешения конструкций, где пересекаются принципы “устного” и письменного речеведения, с одной стороны, монологических объединений и диалогических сцеплений, с другой стороны, приемов стихового или прозаического построения, с третьей. Разнообразие взаимодействий, которое осуществляется в скрещении этих принципов, направленных каждый в особую сферу речевого пользования, ведет к богатству и многообразию форм языковой композиции. Они нуждаются прежде всего в классификации. Разграничение видов монолога и диалога, внедрение этих конструкций в другую плоскость языковой дифференциации между стихом и прозой, уяснение принципов соотношения между формами стиховой и не-стиховой речи – вот первичные критерии этой классификации» (6: 71). Мы привели такую большую цитату из В. В. Виноградова, потому что в ней он наметил пути разработки классификации типов повествования: в ее основе должен лежать учет сочетания в повествовании принципов построения устной и письменной речи, монолога и диалога, прозы и лирического стихотворения.

Лирическая проза – это проза, в которой представлены те или иные признаки лирики. Прежде всего к лирической прозе относят произведения, в которых нет или почти нет повествования в смысле сюжета как смены событий (см.: 25). Однако признаки, принципы построения лирического стихотворения в прозе отсутствием сюжета не ограничиваются. На вынесенный в заглавие статьи вопрос мы отвечаем: в прозе В. В. Набокова имеет место «единство и теснота стихового ряда», повествование в романах писателя обладает указанным признаком лирического произведения. Существуют прозаические произведения, в которых одновременно бессюжетность и «единство и теснота стихового ряда», цикл «Италия» из книги «Река времени» Б.К.Зайцева, например.

Б.К.Зайцев не описывает достопримечательности городов Италии или свои впечатления от них, он выступает как мифотворец, постигающий душу, гений места. Рассмотрим в качестве примера очерк «Флоренция». Это имя входит в несколько «пересекающихся семантических сегментов» (С.Т.Золян), или в несколько «поэтических парадигм» (Н.В.Павлович).

1. Волшебный, чудесный, божественный, райский, блаженный, фантазмагория, мечта. « (...) Начать жить *райской флорентийской жизнью*. Эти дни будут особенны – предстоит *блаженное процветание в свете*, художестве, нерасказываемой прелести» (8: 440).

2. Божественный горн, пламень, огоньки, сгорали, осветлели, светлый, жгучий, пылкий, звезда, солнце, огонь, свет. «Тучно вокруг, дышишь пшеницей и садами плодовыми, а вдали все та же *звезда: чудный город Флоренция*» (8: 439). «Уже ждут *пылкие улочки Флоренции*» (8: 440). «Только что вышел из альберго, окунулся в *светлый воздушный огонь*; надо надвигать шляпу глубже; это уж *солнце Флоренции*; но оно не душит; дышится так же легко и вкусно, как и не в такой жар; напротив, так и глотаешь этот воздух, *живоносный и радостно-жгучий*» (8: 440).

3. Жемчужина, алмазы, золото, мрамор – драгоценное, очень дорогое. «Да, там *жили*, думали, творили, *пламенели* и *сгорали* тысячи душ; длинными ряда-

ми шествуют они со времен Данте. Все навсегда ушли отсюда. Но *всегда живы*, и как в дивную корону вставили сюда свои *алмазы*» (8: 445–446). «Как *светлая раковина*, прорезанная изгибом Арно, лежит *Флоренция* в долине, окаймленной мягкими горами. Что-то *жемчужное* есть в вечернем *солнце*, теплющем ее отлив, в нежной пестроте, взятой в смягченном, душно-золотистом тумане. Нечто *девичье* – в *легкой стройности*, что-то *живое, юное*, вечно-меняющееся в вечно стареющем, то, что называемо мы потаенным. Это *волшебное Флоренции* пьянит дух, омывает, *просветляет*» (8: 458). «Называли *Флоренцию Афинами*; это понятно, и верно, это *сродни* самим *богам* Ионическим, эллинской кругообразности, *светлости мрамора*; только плюс христианство, которым многое еще *осветлено*, еще оласковано» (8: 442).

4. Вечный, юный, живоносный, нетленный, бессмертный, всегда живой, жизнь. «Скоро будет *Флоренция* засыпать; но наутро пробудится – как раньше *вечная и мудрая, легкая, бессмертная и стройная*» (8: 446). О копии Давида Микеланджело: «И не *бессмертие* ли поймано в нем гением и над *бессмертным* городом поставлено?» (8: 446). «(...) В этом *божественном горне* – *Флоренции* – сплавляется Кастаньо и Беато Анджелико. Ибо есть в ней нечто от древней, *бессмертной гармонии*, где все на месте, все нужно, и в *мудром* сочетании принимает победительный, *неуязвимый* оттенок? Таково впечатление: *тлен* не может коснуться этого города, ибо какая-то *нетленная* объединяющая идея воплотилась в нем и несет *жизнь*» (8: 441–442).

5. Ритм, гармония. «(...) И сколь много в сухости этой, в отсутствии пышного и ложного – сколько в этом *Флоренции, легкой, сухой и ритмической* (8: 448). «(...) выйдете на улицу, охватит она вас *ритмом, стройностью* (...)» (8: 441). «Выйдешь на площадь Диото: это центр двухсоттысячного города; улочки узкие, по ним носятся трамы, рядом ездят на осликах, ходят пешком, заливаются мальчишки, все *кипит*, журчит, но никогда *дух легкости* и *ритма* не покидают» (8: 442).

6. Дева златовласая, Киприда Ботичелли, стройная, тонкая, воздушная, легкая, дух. «С гор стекает свежесть, облака курятся – и она ждет вас – *светлая, розовая, божественная Флоренция, Киприда Ботичелли* с гениями ветров и *золотыми* волосами. Восходящее *солнце*, надежды, вокзал, сутолока, факино, deposito – и сразу вы в самом сердце ее, и прямо перед вами Санта Мария Новелла. *Легкие светлые улочки* вокруг, с веселыми осликами, продавцами, крестьянами токсанскими; рынки с запахами овощей – и *Божий воздух*, изумительная *легкость духа*, колокольни, монастыри в цветах – *вечное* опьянение сердца» (8: 440).

7. Дымка, мгла, туман, облака курятся. «Значит, вечер настал. Город уходит во *мглу сиреневую*, тает в ней, и все больше, больше *золотых*, дрожащих *огоньков* является над ним» (8: 458). «Снова вечер. И она лежит в своей долине – *тонкая и дымная*» (8: 445).

Завершается очерк фразой: «О ты, *Флоренция* – *дева, звезда, мечта, фантазмагория*» (8: 459).

Н.В.Павлович выявила следующие способы «отождествления» лексем в поэтическом тексте. Во-первых, прямые и не прямые; прямые – это отождествление лексем с лексемой, не прямые – лексем с группой лексем. При прямом

«отождествлении» лексем отождествляемые лексеммы могут быть соединены синтаксической связью одного из четырех видов: 1) атрибутивные, координативные и актантные; 2) через сравнительные союзы *как, словно, будто*; 3) сентенциальные; 4) опосредованные, через другие лексеммы. Сюда же примыкает «отождествление» лексем по сходству ритмико-синтаксических позиций и прямое фонетическое отождествление созвучных слов. При непрямом синтаксическом «отождествлении» лексема наделяется чужими валентностями и под. и одновременно «чужими» значениями (21: 3–5).

В приведенных из Б. К. Зайцева примерах «отождествляемые» лексеммы соединены атрибутивной связью: *райской флорентийской жизнью, та же звезда: чудный город Флоренция; солнце Флоренции, это волшебное Флоренции*, и координативной: *Флоренция – дева, звезда, мечта, фантазмагория*. Но чаще «отождествление» возникает в результате «сходства ритмико-синтаксических позиций» или не прямых синтаксических связей.

Проза и лирическое стихотворение различаются тем, что «единство и теснота стихового ряда» в прозе не связаны с ее звуковым ритмом и появляются лишь в отдельных фрагментах прозаического произведения – в тех, в которых автор употребляет тематические слова, как правило, вынесенные в заглавие и наиболее частотные в тексте.

Термин повествование используется в филологии как многозначный. Им обозначают род литературы (Б.В.Томашевский), вторичный простой речевой жанр (А.Г.Баранов, И.Н.Борисова), функционально-смысловой тип речи (О.А.Нечаева, Т.Трошева), часть ораторской речи, или композиционную форму (Е.В.Клюев), текст художественного произведения, за исключением прямой речи персонажей (1: 378; 23: 280; 43: 814; 24: 220; 41: 507; 27: 295), сюжет (4; 26: 459). Общим стержнем всех значений является представление о смене событий, действий или состояний с ходом времени и в их причинно-следственной связи.

Мы в данной статье используем термин повествование в значении «текст художественного произведения, за исключением прямой речи персонажей».

Рассмотрим несколько подробнее значения термина повествование. Б. В. Томашевский все жанры художественной литературы сводит к трем родам: драматические, лирические, повествовательные. Жанры повествовательные дифференцирует на прозаические повествовательные (напр., новелла, повесть, роман) и стихотворные повествовательные (напр., поэма). В истории русской риторики мы находим близкие концепции Б. В. Томашевского мысли: М.В.Ломоносов, А.Ф.Мерзляков, Л.Г.Якоб квалифицировали повествование как род словесности; долгое время в числе повествовательных жанров перечислялись и рассказ, и биография, и естественная история, и история народов; И.И.Давыдов первым в русской риторике попытался разграничить историю как науку и художественное историческое повествование (по 37: 15–24). В теории риторики и словесности повествование рассматривается как обязательный компонент основной части (наряду с доказательством), композиционная форма речи, в которой пересказываются и оцениваются факты (см.: 9; 13).

А.Г.Баранов все речевые жанры делит на четыре группы: 1) первичные простые, близкие речевым актам; 2) первичные сложные, равные диалогическому тексту; 3) вторичные простые – функционально-смысловые элементар-

ные тексты: описание, повествование, рассуждение; 4) вторичные сложные – тексты, включающие низшие речевые жанры в трансформированном виде (см.: 2: 8).

Повествованию как функционально-смысловому типу речи дают следующие определения. Функционально-смысловой тип монологической речи (наряду с описанием и рассуждением), более широкий, чем предложение, имеющий стабильную структуру, оформляющий общесмысловое значение высказывания – последовательность действий событий или состояний, использующийся как модель в процессе речевого общения (19: 10), минимальная единица монологического высказывания (19: 11), «вид содержательно-композиционной целостности, абстрактный образец типа текстовой организации речевых структур (речевых жанров)» (3: 246).

В литературоведении разграничивают повествование в узком и широком понимании, повествование в узком понимании совпадает с функционально-смысловым типом речи. В определении повествования в широком смысле литературоведы на первый взгляд не так единодушны.

Н.Д.Тамарченко высказывается против включения в повествование описаний, рассуждений, изображения, событийной содержательности текста (см.: 27: 279-281), он видит в повествовании два аспекта: событие, о котором рассказывается, и событие рассказывания – и предлагает термином повествование обозначать «исключительно событие рассказывания, т.е. общение повествующего субъекта с адресатом – читателем» (27: 280). Однако в дальнейшем исследователь отказывается от четкого разграничения выделенных им аспектов и пишет о «процессе повествования» как о «корреляте между изображением и коммуникацией» (27: 280). Из рассуждения исследователя вытекает, что есть художественные произведения без повествования, текст которых нужно бы обозначить каким-то еще термином: в частности, из объема понятия повествование исключается сказ (27: 279). Спорно и следующее положение: «необходимо исключить некоторые варианты: прежде всего случаи, когда субъект высказывания (персонаж) не является изображающим, т.е. его речь – только предмет чужого изображения, затем такие, когда говорящий (персонаж) видит и оценивает предмет, событие или другого персонажа, но нет процесса рассказывания как особого средства и в то же время (для автора) предмета изображения» (27: 280). Во-первых, для автора во всем есть предмет изображения. Во-вторых, в художественном произведении трудно разграничить не только повествование и описание (о чем писали: 24: 221; 42: 513, 19: 22, 61-62), но и процесс рассказывания может иметь место, и когда сюжетный поворот происходит в прямой речи персонажа («субъект высказывания не является изображающим»), и когда персонаж видит и оценивает предмет, событие, другого персонажа (см. многочисленные примеры в: 14). В заключение Н.Д.Тамарченко дает повествованию определение, похожее на определения данного понятия других филологов: «повествование – совокупность фрагментов текста эпического произведения приписанных автором-творцом “вторичному” субъекту изображения и речи (повествователю, рассказчику) и выполняющих “посреднические” функции, а именно: во-первых, представляющих собой разнообразные адресованные читателю сообщения; во-вторых специально предназначенных для присоединения друг к другу и соот-

несения в рамках единой системы всех предметно направленных высказываний персонажей и повествователя» (27: 295).

Приведем для сравнения другие определения повествования. «Слово “повествование” в применении к литературе используется по-разному. В узком смысле – это развернутое обозначение словами того, что произошло однажды и имело временную протяженность. В более широком значении повествование включает в себя также описания, т.е. воссоздание посредством слов чего-то устойчивого, стабильного или вовсе неподвижного (таковы большая часть пейзажей, характеристики бытовой обстановки, черт наружности, персонажей, их душевных состояний). Описаниями являются также словесные изображения периодически повторяющегося. “Бывало, он еще в постели: К нему записочки несут”, – говорится, например, об Онегине в первой главе пушкинского романа. Подобным же образом в повествовательную ткань входят авторские рассуждения, играющие немалую роль у Л.Н.Толстого, А.Франса, Т.Манна. В эпических произведениях повествование подключает к себе и как бы обволакивает высказывания действующих лиц – их диалоги и монологи, в том числе внутренние, с ними активно взаимодействуя, их поясняя, дополняя и корректируя. И художественный текст оказывается своего рода сплавом повествовательной речи и высказываний персонажей, являющихся их поступками (действиями)» (41: 507). «Повествование, в эпическом литературном произведении речь автора, персонифицированного рассказчика, сказителя, т. е. весь текст за исключением прямой речи персонажей. Повествование, которое представляет собой изображение действий и событий во времени, описание, рассуждение, несобственно-прямую речь героев, – главный способ построения эпического произведения, требующего объективно-событийного воспроизведения действительности» (23: 280). Литературоведы, выделяющие иные, чем Б. В. Томашевский, роды литературы: эпос, лирику и драму, – пишут о повествовании как об «организующем начале эпических произведений» (40: 513; 41: 507; 42).

В.В.Виноградов (6) вместо термина «типы повествования» употребляет термин «композиционно-речевые категории». Уточнению содержания понятия повествование будет способствовать разработка классификации типов повествования.

Цитируемая литература

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 2005.
2. *Баранов А.Г.* Когнитивность текста //Жанры речи: Вып.2. – Саратов: Гос. УНЦ «Колледж», 1997. – С. 8.
3. *Борисова И. Н.* Нарратив как диалогический жанр// Жанры речи: Вып. 3. – Саратов: Гос. УНЦ «Колледж», 2002. – С. 245-262.
4. *Бремон К.* Структурное изучение повествовательных текстов после В.Проппа // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М.: Прогресс, 2000. – С. 239 – 276.
5. *Виноградов В. В.* О теории художественной речи. – М., 1971.
6. *Виноградов В. В.* О художественной прозе// Избр. тр. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – С. 56 – 97.

7. *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. – М., 1959.
8. *Зайцев Б. К.* Собр соч.: Т. 3. Звезда над Булонью: Романы. Повести. Рассказы. Книга странствий. – М.: Русская книга, 1999.
9. *Зарифьян И. А.* Теория словесности: 1790 – 1923//Риторика. – 1995. – №1. – С. 96 – 123.
10. *Золян С. Т.* Семантическая структура слова в поэтической речи// ИАН СССР. СЛЯ. – 1981. – №6. – С. 509 – 520.
11. *Золян С. Т.* О принципах композиционной организации поэтического текста// Проблемы структурной лингвистики 1983. – М.: Наука, 1986. – С. 60 – 74.
12. *Золян С. Т.* О соотношении языкового и поэтического смыслов. – Ереван: Ереван. ГУ, 1985.
13. *Клюев Е. В.* Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учеб. пособие для вузов. – М.: ПРИОР, 2001.
14. *Кожевникова Н. А.* Типы повествования в русской литературе XIX – XX вв. – М., 1994.
15. *Лавров А. В.* «Судьбы скрещенья» (теснота коммуникативного ряда «Доктора Живаго»)// Новое литературное обозрение. – 1993. – №2.
16. *Ларин Б. А.* Эстетика слова и язык писателя. – Л., 1974.
17. *Линецкий В.* «Анти – Бахтин» – лучшая книга о Владимире Набокове. – СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994.
18. *Люксембург А. М., Рахимкулова Г. Ф.* Магистр игры Вивиан Ван Бок: (Игра слов в прозе Владимира Набокова в свете теории каламбура). – Рост. – н/Д.: Изд-во ин-та массовых коммуникаций, 1996.
19. *Нечаева О. А.* Типы речи и работа над ними в школе. – Красноярск, 1989.
20. *Павлович Н. В.* О значении слова в поэтическом языке// История русского литературного языка и стилистика. – Калинин: КГУ, 1985. – С. 51-68.
21. *Павлович Н. В.* Семантика оксюморона: АКД. – М., 1982.
22. *Павлович Н. В.* Образование поэтических парадигм// Проблемы структурной лингвистики 1983. – М.: Наука, 1986. – С. 74 – 87.
23. *Сапогов В. А.* Повествование// Литературный энциклопедический словарь/ Под ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. – М.: Сов. энцикл., 1987.- С. 280.
24. *Себина Е. Н.* Описание//Введение в литературоведение. Литературное произведение. Основные понятия и термины. – М.: Высш. шк., 1999. – С. 220-239.
25. *Сильман Т. И.* Заметки о лирике. – Л.: Сов. писатель, 1977.
26. *Структурализм: «за» и «против»:* Сб. ст. – М., 1975.
27. *Тамарченко Н. Д.* Введение в литературоведение: Литературное произведение: Основные понятия и термины. – М.: Academia, 1999. – С. 279-295.
28. *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 243-260.
29. *Топоров В.Н.* К исследованию анаграмматических структур// Исследования по структуре текста. – М.: Наука, 1987. – С. 193 – 238.

30. *Трошева Т.* Система функционально-смысловых типов речи в современном русском языке (описание – повествование – рассуждение – предписание – констатация) // <http://www.philolog.pspn.ru/trosheva.sys.shtml>.
31. *Труфанова И. В.* Гоголь и Булгаков: О несобственно-прямой речи писателя/ Рук деп. В ИНИОН РАН № 46 932 от 13. 08. 1992.
32. *Труфанова И. В.* Комбинаторные приращения смысла и перевод с идиолекта на идиолект// Слово в системных отношениях на разных уровнях языка (функциональный аспект). – Екатеринбург, 1993. – С. 106 – 107.
33. *Труфанова И. В.* Комбинаторные приращения смысла: (на материале лексики и фразеологии Ф. М. Достоевского)// Слово и фразеологизм в системе и тексте. – Кривой Рог, 1989. – С. 99 – 111/ Рук. деп. в ИНИОН АН СССР № 40 996 от 06. 02. 1990.
34. *Труфанова И. В.* Комбинаторные приращения смысла: на материале лексики романа Л. Н. Толстого «Война и мир»/ Рук. деп. ИНИОН РАН № 46 198 от 09. 03. 1992.
35. *Труфанова И. В.* Несобственно-прямая речь и смежные с нею явления в романе А. Белого «Петербург»/ Рук. деп. в ИНИОН РАН № 50 438 от 25. 05. 1995.
36. *Труфанова И. В.* О несобственно-прямой речи в романе Е. Замятина «Мы»// Творческое наследие Евгения Замятина: Взгляд из сегодня: В 2х ч.: Ч. 2. – Тамбов, 1994. – С. 25 – 42.
37. *Тумина Л. Е.* Повествование в истории русского риторического учения XVII – XX вв./ Под ред. Т. А. Ладыженской. – М.: Янус – К, 1998.
38. *Тынянов Ю. Н.* Проблема стихотворного языка. – М.: Сов. писатель, 1965. – С. 77 – 194.
39. *Фатеева Н. А.* Поэт и проза. Книга о Пастернаке. – М.: Новое лит. обозрение, 2003.
40. *Хализев В. Е.* Эпос как род литературный// Литературный энциклопедический словарь/ Под ред. Кожевникова и П. А. Николаева. – М.: Сов. энцикл., 1987. – С. 513-515.
41. *Хализев В. Е.* Эпос // Введение в литературоведение: Литературное произведение: Основные понятия и термины. – М.: Academia, 1999. – С. 507-512.
42. *Хализев В. Е.* Теория литературы. – М.: Высш. шк., 2000.
43. *Чудаков А. П.* Повествование// Краткая литературная энциклопедия: Т. 5. – М.: Сов. энцикл., 1968. – С. 814.

Канд. филол. наук О.А. Усачёва (Самара)

**ОБ АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТИ РАЗМЕРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

В детской литературе, где автор пытается воссоздать картину "детского" видения мира, одним из основных средств выражения размера являются сравнения, позволяющие передать информацию образно и в то же время с наибольшей наглядностью, что соответствует особенностям мышления ребёнка. Как

показало исследование, эти сравнения нередко носят антропоцентричный характер.

Обозначение размера объекта предполагает ориентацию на понятие нормы. Как отмечает Е.В.Урысон, "в семантической системе русского языка имеется представление о двух эталонах размера – абсолютном, антропоцентричном (размер человека), и относительном (размер объектов, однотипных с данным)" [Урысон; 492]. Антропоцентричные характеристики размера, используемые в детской литературе, во многом отличаются от характеристик, свойственных взрослым носителям языка. Если для взрослого антропоцентричным эталоном является так называемый "средний" человек, то универсальной абсолютной точкой отсчёта для ребёнка является он сам. В детской литературе в качестве антропоцентричного эталона обычно выступает воспринимающий персонаж. Например: *С противоположного берега верхом без седла спускался совсем маленький – меньше Серёжи, – весь чёрный от загара белоголовый мальчишка* (Е.Лазарев). *Собака Петушок была совсем маленькая. Она была гораздо меньше девочки Маши* (А.Введенский). *Дядя Петя с Димой поздоровался, как со взрослым, за руку. Рука у дяди Пети была огромная. Димина ладошка потерялась в ней* (В.Ситников). *А какие высокие дома! Какая маленькая-маленькая перед ними Марьяша!* (А.Кардашова).

Нередко исследователи отмечают, что дети в своём развитии проходят примерно те же стадии, что и человечество в целом. Первые единицы длины были связаны с размерами человеческой руки. В детской литературе огромное количество примеров измерения предметов с помощью руки, причём, как правило, конкретной руки воспринимающего персонажа. Например: *Тут она закудала странным голосом, и вдруг откуда-то взялись маленькие свечки в серебряных шандалах, не больше как с Алёшин маленький пальчик* (А.Погорельский). *А чуть поодаль росли цветы. Стебли их были чуть выше Вариного роста, жёлтые колокольчики на них – побольше Вариной ладони* (И.Токмакова).

По мнению многих исследователей, в системе картины мира ребёнка доминирует семья. Как известно, детям свойственно наделять родителей исключительными способностями. В сфере размерных характеристик данный факт находит отражение, в частности, в том, что детским эталоном высокого роста человека является папа. Типичны примеры: *большой, как папа; высокий, как папа*. Для выражения очень большого размера используются конструкции со сравнительной степенью, указывающие на превышение величины, которую имеет эталон – папа. Например: *Справа вода, слева берег высокий – выше папиного роста* (С.Иванов). *Я лично всегда побаиваюсь Игоря Александровича [директора], потому что он очень большой. Ростом он с моего папу, только ещё повыше...* (Н.Носов). *Наша ёлка велика, / наша ёлка высока. / Выше папы, выше мамы – / Достает до потолка* (З.Петрова).

Таким образом, создавая семантическое поле размера в детской литературе, автор учитывает представления ребёнка об окружающем мире. Сравнения, передающие значение величины, отражают одну из специфических особенностей детской картины мира – осмысление размера детьми в проекции на себя и на своих родителей.

Литература

Урысон, Е. В. Большой и маленький: шкала размера в русском языке [Текст] / Е. В. Урысон // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2005. – С. 478 – 494.

Асп. И.В.Шумкина (Самара)

ФУНКЦИИ ЦИТАТ В ТЕКСТАХ МАСС-МЕДИА (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИТАТ ИЗ ПЕСЕН А. ГАЛИЧА)

В современном публицистическом дискурсе цитаты являются одним из самых востребованных стилистических приёмов. Основное их назначение — усиление экспрессивности. Выразительность цитаты достигается разными способами и зависит от той роли, которую она играет в тексте статьи. Наш анализ цитат из песен Галича (более 600 контекстов) выявил следующие основные функции цитат в журнально-газетных текстах и интернет-публикациях:

Цитата как средство оценки. Цитаты подчёркивают и создают общую эмоционально-оценочную тональность текста.

В современных СМИ превалирует ироническое осмысление действительности, поэтому неудивительно, что журналисты прибегают к творчеству Галича, где такое осмысление уже представлено, напр.: *«Как актуален Галич! Обкомы КПРФ. Горкомы (“Отечества”). Райкомы РНЕ. Даже Газпром — это райком»* (www.ds.ru/komok/kom9919.htm: 14.10.2008).

Ироническое звучание цитаты усиливается за счёт трансформаций и языковой игры, ср.: *«Большинство же их коллег [популярных писателей] только (говоря словами Галича) сервируют к столу дежурные блюда гражданских скорбей, считая необходимым по ходу повествования немножко потрафить потенциальному агрессивному маленькому человечку»* (Общ. газ. 1999. 13 мая); *«Прошлой осенью, как только закон о школьном питании был провален, его авторы обещали **поимённо вспомнить всех, кто поднял на него руку. Точнее, кто её не поднял. И сдержали слово***» (Новая газ. 2002. 6 июня).

Оценочная функция может реализовываться двумя способами включения цитаты в текст: номинативным и иллюстративным.

Номинативный способ основывается на тождестве цитатного текста и текста статьи – когда журналист цитатой «пишет» свой текст, ср.: *«С очередными уговорами снять кодекс с рассмотрения к залу сначала обратилась, “как мать и как женщина”, член КПРФ Хаписат Гамзатова, а затем к ней присоединился, как лидер КПРФ, сам Геннадий Зюганов»* (Коммерсантъ. 2001. 16 июня); *«Несколько лёгких движений “мышью”, и вы получаете доступ к информации, которая прежде хранилась за семью заборами, за семью запорами и к которой допускали далеко не каждого»* (Коммер. вести. Омск, 2001. 25 апр.).

Эту функцию, как видим, могут выполнять цитаты разного вида: и маркированная, и немаркированная. Однако маркированность цитаты помогает адре-

сату адекватно понять смысл речи, потому что кавычки указывают на наличие вербально не выраженной информации.

Иллюстративный способ усиливает наглядность цитаты. В отличие от номинативного способа цитата здесь дополняет то, что сформулировано автором, служит определением этому, напр.: *«На [выставочном] стенде Volkswagen вполне серьёзные люди в галстуках сидели за игрушечными столиками и вырезали-клеили-шили нашейные сумочки с изображением Лиро: со стороны это походило на занятия трудотерапией в дурдоме — “шизофреники вяжут венники, параноики рисуют нолики...”»* (Автопилот. 1999. 15 окт.).

Нередко не цитата иллюстрирует описываемые события, а наоборот — эти события служат подтверждением, иллюстрацией мысли, выраженной в цитате, ср.: *«В нашей стране самое крутое пиратство - пиратство музыкальное. Святое дело - переписать у друга кассету. Магнитофон системы “Яуза” — вот и всё, а этого достаточно»* (НГ-Ex Libris. 2002. 7 марта).

Цитата как аргумент. Аргументирующая функция цитаты прежде всего проявляется в эмоционально-оценочных комментариях, которые сопровождают фрагменты песен поэта, напр.: *«“Застойная” цензура была чистой фикцией — “Эрика” брала четыре копии, “и этого достаточно”, как заметил поэт, разбиравшийся в предмете»* (Изв. 2006. 14 сент.). Подобные прямые ссылки на поэта репрезентируют его авторитетность, провидчество, значимость для современности и тем самым являются доводом к авторитету, ср.: *мудрый Галич* (Изв. 1997. 21 окт.); *пророческие слова Галича* (Рус. мысль. 1995. 8 июня); *Галич предвидел* (Время МН. 1998. 3 дек.); *предугадал* (Лит. газ. 2006. 4 окт.); *написал массу наисовременнейших политических лозунгов* (Севастоп. газ. 2008. 18 авг.); *очень нескоро в России станет неактуален поэт и бард Александр Галич* (Наша газ. Кемерово, 2008. 8 февр.) и др.

Цитата как документальный источник. К цитированию (обычно косвенному) могут обращаться с целью воспроизвести реалии времени, которые зафиксировала песня. Так, напр., произошло в статье об интимной жизни американского президента «Не слушайте крики из зала» (Коммерсантъ. 1998. 11 авг.), где журналист пересказывает сюжет песни «Красный треугольник», чтобы живописать типичную ситуацию советского времени и показать разницу двух эпох – прошлой и настоящей.

Таким образом, мы видим, что цитата позволяет создать определённую тональность общения, настроить адресата на необходимое журналисту восприятие материала, а также передать при необходимости основные черты описываемой эпохи.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Асп. Э.Н. Гилазиева, канд. пед. наук О.А. Мирончева (Ульяновск)
ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ
СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Одним из направлений Федеральной целевой Программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005гг.)» (утвержденной Постановлением Правительства РФ № 629 от 25 августа 2001 г.) является образовательно-методическое. Это подразумевает создание и применение в образовательных учреждениях всех уровней образовательных программ, направленных на формирование толерантного сознания, веротерпимости и обучения межкультурному диалогу; проведение в учреждениях специальных психологических тренингов по подготовке и переподготовке специалистов в сфере массовых коммуникаций, государственных служащих, а также работников органов правопорядка. Государственным заказчиком Программы является Министерство Образования РФ, которое также и осуществляет руководство реализацией данной Программы. Это не случайно, так как именно сфера образования (как высшего, так и среднего) играет важную роль в формировании толерантного сознания граждан РФ. Само по себе образование не устраняет предубеждения и различного рода конфликты, но оно обеспечивает диалог культур и способствует становлению толерантности в обществе.

Далее следует уточнить, что мы понимаем под толерантностью. Быть толерантным не значит отказываться от своих принципов и взглядов. Быть толерантным значит оставаться верным своей этнической, мировоззренческой или конфессиональной уникальности и в то же время стремиться к диалогу, построенному на уважении мнений, верований и взглядов представителей других культур. Было бы ошибочно отождествлять толерантность со словом «терпимость», что означает «смирение, умение человека стойко сносить тяготы, мужаться» и т. п.

Согласно определению, данному в «Декларации принципов толерантности», толерантность – это «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности». Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это свобода в многообразии.

Реализации основополагающих принципов уважения и веротерпимости в российском обществе в первую очередь призваны способствовать именно образовательные программы в учебных заведениях всех уровней.

Формирование поликультурализма в современном обществе связано со стремлением найти такие формы образования, в рамках которых можно решать вопросы межкультурного общения и избежать прогнозируемого геополитиками «столкновения цивилизаций». Поликультурализм противостоит двум тенден-

циям в мировой культуре: национализму с его лозунгом «Права народа выше прав человека!» и глобализму с тезисом «нового мышления» о примате общечеловеческих ценностей. Однако на деле эти права представляют собой постулаты, сформулированные европейской культурой – они приводят к эгоцентризму, к идее превосходства западной культуры над остальными культурами мира. Поэтому глобалистские и националистические концепции, в конечном счете, смыкаются.

Очевидно, что мультикультурализм противопоставляет национализму и глобализму идею равенства всех культур, независимо от их содержания, недопустимость тоталитаризма и расизма. Он предполагает возможность ведения диалога и способность личности к интеграции в другие культурные модели.

В рамках формирования инновационного поликультурализма происходит смена педагогических систем – переход от классической к новой образовательной парадигме. В частности, изменяется объяснительно-иллюстративное обучение, преодолеваются недостатки задачного и проблемного подходов в проектировании содержания образования. В историю уходит психология бихевиоризма и основанное на ее базе программированное обучение. Используются новые информационные технологии, на основе которых проектируется иной тип обучения. Активно используется проблемное обучение, возникшее как попытка преодолеть главный недостаток традиционного обучения, эксплуатирующего в основном память человека.

На современном этапе модернизации образования особое внимание уделяется культуре общения, особенно профессионального, делового. В этой связи важное место занимает методика обучения общаться с людьми. Здесь ключевым моментом выступает коммуникативная толерантность как характеристика отношения личности к людям, показывающая степень переносимости ею неприятных или неприемлемых, по ее мнению, психических состояний, качеств и поступков партнеров по взаимодействию. Коммуникативная толерантность – одна из важнейших и очень информативных черт человека. Она собирательна, поскольку в ней отражаются факторы его воспитания, опыт общения, культура, ценности, потребности, интересы, установки, характер, темперамент, привычки, особенности мышления и, конечно, эмоциональный стереотип поведения.

Таким образом, в начале III тысячелетия личность, общество, государство предъявляют к образованию принципиально новые требования. Именно образование играет ключевую роль в целенаправленном формировании толерантных установок и стереотипов поведения населения России.

Канд. пед. наук О.В. Дронова, А.И. Жолнерик (Пенза)
**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РОЛЕВЫХ ИГР В ОБУЧЕНИИ
ДЕЛОВОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ**

Деловой английский язык – язык для взрослых, работающих в той или иной сфере бизнеса или студентов, готовящихся к деятельности в данной сфере.

Деловой английский язык рассматривается в общем контексте английского языка для специальных целей, так как он имеет сходные элементы анализа по-

требностей, составления курса обучения, программы обучения, отбора и разработки материала. Однако деловой английский язык отличается от других видов английского языка для специальных целей сочетанием специфического содержания (относящегося к определенной сфере деятельности или отрасли) и общего содержания (относящегося к общей способности эффективно общаться в ситуациях, связанных со сферой бизнеса).

Деловой английский язык как предмет обучения развивается с конца 60-х начала 70-х годов 20 века. На настоящий момент он сочетает в себе ряд аспектов (лексический, коммуникативный, функционально-ориентированный). С конца 80-х годов деловой английский язык включает в себя все аспекты предыдущих подходов, а также уделяет гораздо больше внимания необходимости развивать навыки использования изученного материала. Признание необходимости для деловых людей обладать навыками бизнес-общения оказало значительное влияние на развитие делового английского языка.

В связи с такой постановкой задач в обучении деловому английскому языку необходимо широко использовать активные, творческие, интенсивные формы познавательной учебной деятельности. В процесс обучения следует включать обучающие игры (с преобладанием деловых учебных игр), творческие задания, максимально приближенные к реальным, профессионально ориентированным ситуациям (анализ ситуаций из практики, дискуссии, проектная работа).

Деловая учебная игра (ДУИ) – это практическое занятие, моделирующее различные аспекты профессиональной деятельности обучаемых и обеспечивающее условия комплексного использования имеющихся у них знаний профессиональных дисциплин и иностранного языка. ДУИ обеспечивают

- повышение профессиональной компетенции,
- совершенствование коммуникативной компетенции,
- более полное овладение английским языком как средством профессионального общения и предметом изучения.

В основе ДУИ лежат общеигровые элементы:

- наличие ролей,
- наличие ситуаций, в которых происходит реализация ролей,
- игровые предметы.

Однако в отличие от других игр обучающего характера ДУИ обладают индивидуальными, присущими только им чертами:

- имитированием профессиональной деятельности обучаемых;
- поэтапным развитием, так что выполнение предшествующего этапа влияет на успех последующего этапа;
- обязательной совместной деятельностью участников игры, выполняющих соответствующие роли;
- правилами, регулирующими ход игры;
- элементом соревнования;
- системой оценки хода и результатов игры.

В обучении деловому английскому языку игровая деятельность считается особым средством профессиональной подготовки, которая применима на различных этапах обучения.

ДУИ имеют ряд преимуществ перед традиционными формами и методами обучения:

- обучение становится интересным и приятным, следовательно, повышается мотивация студентов;
- ДУИ помогают обучаемым понять, как разрозненная информация по изучаемым темам и языковые модели соединяются в практическом использовании языка. Язык в данном случае практикуется в целостном контексте в отличие от использования других, менее реалистичных методов;
- ДУИ дает обучаемым возможность развить уверенность и свободу владения языком;
- ДУИ развивают знания межкультурных различий в международной деловой среде, так как тренируются модельные образцы поведения в конкретных ситуациях профессиональной деятельности.

Недостаток (трудности подготовки) отмечаются на этапе первоначальной разработки и подготовки – идея, роли, методические материалы для участников, разработка критериев оценки и т.д.

Основываясь на известной в педагогической науке классификации игровых форм обучения и учитывая имеющиеся требования к организации деловых учебных игр, нами разработаны деловые игры по некоторым темам (“Getting a Loan”, “The Board Meeting”, “Employment Problem”, “Telephone Problems”).

В этих деловых играх с помощью знаковых систем (язык, речь, графика, таблицы, документы) моделировалась профессиональная обстановка, сходная с реальной обстановкой по основным характеристикам. Слушателями выполнялась квазипрофессиональная деятельность, сочетавшая в себе учебный и профессиональный элементы. Игровая деятельность в рамках деловых игр способствовала овладению слушателями речевыми формулами и средствами реализации стратегии сотрудничества, созданию интереса к обсуждаемой проблеме, повышению мотивации слушателей к изучению английского языка.

Предлагаем разработку деловой учебной игры “Employment Problem”, проводимой в рамках изучения темы «Занятость. Прием на работу» и использующей разнообразные средства моделирования, имитации, связей, естественного языка и т.д. Разработка данной деловой игры основывается на психолого-педагогических принципах конструирования деловой игры, предложенных А.А.Вербицким:

- принцип имитационного моделирования ситуации (модели производства и игровой модели профессиональной деятельности);
- принцип проблемности содержания (в игре заложены учебные проблемы, выстроенные в виде игровых заданий);
- принцип ролевого взаимодействия в совместной деятельности (имитация производственных функций специалистов через их игровое взаимодействие);
- принцип диалогического общения (необходимое условие – переживание и разрешение проблемной ситуации);
- принцип двуплановости игровой учебной деятельности (давал возможность внутреннего раскрепощения личности) – его суть в том, что «серьезная» деятельность, направленная на обучение и развитие специалиста, реализуется в «несерьезной» игровой форме.

В соответствии с заложенными принципами данная игра является:

- обучающей и развивающей (по характеру организации педагогического процесса);
- ролевой (по специфике игровой методики);
- игрой с взаимодействием участников (по характеру моделируемых ситуаций);
- игрой с применением информационной схемы (по способу обработки материалов);
- комплексной (по направленности ее влияния на личность);
- рассчитанной на 4 академических часа (по длительности проведения).

Игра имитировала полный цикл развития профессиональной сферы – от подхода к анализу проблемы до обобщенной оценки найденного способа решения.

Основная цель игры – развитие речевых умений и навыков, необходимых при организации трудоустройства и приеме на работу.

Задача преподавателя – организация единой коллективной деятельности игроков, определение способов их действий, направление рефлексии на сотрудничество и продуктивное взаимодействие. Одна из основных функций игры заключалась в направленности процесса на самоорганизацию, формирование новых способов деятельности, управления взаимодействием и общением.

Целевые установки для слушателей:

1. Знать правила проведения презентаций, знать стратегию поиска работы, уметь составить пакет документов, необходимых для трудоустройства, знать нормы проведения собеседования по приему на работу.
2. Усвоить смысловые значения профессиональной терминологии, используемой при трудоустройстве и приеме на работу.
3. Овладеть способами, практическими умениями, навыками и правилами трудоустройства, формами поведения, иноязычного общения.

Результат игры – пакет принятых решений, которые могут быть использованы в дальнейшей профессиональной деятельности; оценка эффективности принятых решений (позволяет определить уровень развития самооценки, а также сравнить ее с внешними оценками); наглядный показ овладения слушателями конкретной формой практической деятельности менеджера через использование средств иноязычного общения.

Для участия в игре слушателям было необходимо владение соответствующими языковыми средствами и речевыми моделями для осуществления коммуникативных действий, а также хорошее усвоение информации, полученной ими на занятиях по разделам «Управление организациями» и «Профессиональные навыки менеджера».

Игра подразделялась на три фрагмента-этапа.

На первом этапе слушатели разделились на две группы: топ-менеджеров зарубежной компании, основывающей свой филиал в России, и претендентов, желающих устроиться на работу в данную компанию.

Задачи, стоящие перед топ-менеджерами сводились к следующему: подготовить и провести презентацию своей компании на российском рынке, представить описание вакансий с полным перечнем требований, предъявляемых к кан-

дидатам. Перед претендентами ставились следующие задачи: выбрать наиболее приемлемую для них вакансию, подготовить пакет необходимых документов (резюме, сопроводительное письмо, заявление) и подготовиться к собеседованию.

На втором этапе топ-менеджеры анализировали полученные документы и проводили отбор кандидатов в форме собеседования, используя при этом специально разработанную шкалу для определения рейтинга претендентов. Значимыми в определении рейтинга были следующие критерии: внешность, доброжелательность, вербальные способности, мотивация, знание предмета, уравновешенность, раскованность, дополнительные интересы, умственные способности, способность к адаптации, произношение, общее впечатление. В ходе этого этапа топ-менеджеры задавали претендентам наиболее характерные для данной ситуации вопросы. Задачей претендентов было ответить на них наиболее полно, произвести самое выгодное впечатление и устроиться на работу в данную компанию.

На третьем этапе игры выступал представитель топ-менеджмента и докладывал о совместно принятом решении за или против каждого претендента. Решения фиксировались и составили «Пакет принятых решений».

По окончании игры проводилось развернутое обсуждение участниками ее хода и результатов, давалась общая оценка деятельности группы, оценивалась работа коллег, давалась общая самооценка как профессиональной, так и иноязычной речевой деятельности.

В заключение преподаватель проводил разбор игры в целом и речевого поведения каждого участника.

Основными критериями оценки игровых действий были:

- профессиональная компетентность участников;
- эффективность совместной деятельности и соответствующего ей иноязычного общения;
- сформированность профессиональных и иноязычных умений и навыков;
- «технологичность», т.е. выявление степени владения участниками способами и приемами профессиональных и собственно речевых задач;
- культура профессионального поведения и общения.

В рамках учебной программы проводятся также и ДУИ по другим темам, например «Обсуждение изменений в стратегии компании» в рамках изучения темы «Проведение собраний и совещаний», «Проблемы с телефоном», «Получение ссуды» в рамках изучения темы «Банковские операции с физическими лицами».

Безусловно, игра не может заменить традиционных форм и методов обучения, а должна сосуществовать во взаимодействии с ними. При соответствующей тщательной подготовке ДУИ проходят очень эффективно, после их проведения наблюдается всплеск мотивации изучения языка.

Литература

Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. – М.: Высшая школа, 1991. – 207 с.

Вербицкий А.А. Деловая игра как метод активного обучения. //Современная высшая школа. –1982. –№ 3. – С. 139-141.

Викулина М.А. Реализация личностно-ориентированного процесса подготовки педагогов. – Н.Новгород: ВГИПИ, 2001. – 153 с.

Вишнякова Л.Г. Использование деловых игр в преподавании русского языка как иностранного. –М.: Просвещение, 1987. – 108 с.

Деловые игры в учебном процессе: Сб. статей /Ред. И.А.Чернов. – Мн.: Выща школа, 1982. – 120 с.

Игры для интенсивного обучения /Сост. М.Ф.Видерман. – М.: Прометей, 1991. – 218 с.

Ellis, M. and C. Johnson. 1994. Teaching Business English. Oxford: Oxford University Press.

Ken, J.1982.Simulation in Language Teaching. Cambridge: Cambridge University Press.

Соискательница Е.А.Листопад (Москва)

О ВОПРОСЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ПУТЕМ РАЗВИТИЯ
ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ СЛУШАТЕЛЕЙ
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ВУЗОВ

(Английский язык. На материале домашнего чтения)

В последнее время в области специального образования все больший акцент ставится на развитие профессионального мышления слушателей.

В связи с этим актуальным является внедрение в процесс обучения слушателей специализированных вузов новых методов, направленных наряду с развитием интеллектуального потенциала личности в целом и на формирование компонентов творческого мышления обучаемых как одной из его составляющих [Н.А.Мыльцева 2006].

Для развития творческого мышления обучающихся требуется активная творческая среда. Однако на сегодняшний день ощущается недостаточная разработанность и малочисленность действенных методик развития творческого мышления слушателей специализированных вузов, что в основном связано со спецификой построения образовательного процесса в специализированных вузах.

Исходя из существующей потребности и отталкиваясь от практических целей и задач обучения слушателей специализированных вузов иностранному языку, для которых он будет являться не объектом, а средством осуществления профессиональной деятельности, мы поставили перед собой цель создать такую *методическую систему по развитию творческого мышления слушателей* (на материале домашнего чтения по английскому языку), задачей которой было бы формирование навыка неподготовленной речи слушателей в различных ситуациях общения, накопление и применение новых единиц активного словаря, в том числе специализированной и профессионально-ориентированной лексики,

как в устной, так и в письменной формах работы (в нашем случае на занятиях по домашнему чтению).

В основу разрабатываемой лингво-психологической системы легли несколько принципов:

1) необходимость создания устойчивого интереса к изучаемому материалу, повышение мотивации к обучению иностранному языку;

2) новизна, яркость и неординарность способов подачи и закрепления учебного материала;

3) необходимость создания комфортной психологической обстановки и обеспечение «равновесного и равноправного взаимодействия всех участников учебного процесса» [Н.Д.Гальскова, Н.И.Гез 2004];

4) обеспечение «взаимной обусловленности и многообразия динамичных взаимосвязей всех компонентов учебного процесса» [Н.Д.Гальскова, Н.И.Гез 2004].

Основывая создаваемую методическую систему обучения иностранному языку на данных принципах, мы не забывали о том, что, для того чтобы добиться от слушателей действительно живого и активного владения иностранным языком, мы должны говорить не просто об обучении языку, а об обучении иноязычной речи, поскольку эти структуры, по мнению философа, психолога и лингвиста Н.И.Жинкина, являются «комплементарными» и «нет языка без речи и речи без языка» [Н.И.Жинкин 1998]. А речь, как известно, явление психологическое. На это неоднократно указывал русский лингвист И.А. Бодуэн де Куртене: «Сущность человеческого языка исключительно психическая. Существование и развитие языка обусловлено чисто психологическими законами. Нет и не может быть в речи человеческой или в языке ни одного явления, которое не было бы вместе с тем психическим» [Хрестоматия... 1973].

В связи с этим, если мы ставим перед собой цель совершенствовать методу обучения языку и речи, то мы должны отталкиваться от того, что только та методика преподавания иностранного языка действительно эффективна, которая вскрывает механизмы обучения человека языку и речи, а это значит психологические механизмы. Обучение речи должно быть непременно обусловлено не только лингвистическими, но и психологическими законами [И.М.Румянцева 2004].

Тем самым, разделяя точку зрения И.М. Румянцевой, мы полагаем и доказываем путем опытного обучения, что развивая психические процессы и мышление человека, возможно одновременно совершенствовать его речь и наоборот: овладевая родной или иноязычной речью, человек может развивать свой разум, мышление и другие психические процессы.

Цитируемая литература

Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: Учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004.

Жинкин Н.И. Язык – Речь – Творчество (Избранные труды) / Сост., прим. С.И. Гиндина. М., 1998.

Мыльцева Н.А. Подготовка специалистов со знанием иностранных языков в высших учебных заведениях // Иностранные языки в школе. – М., 2006. – №7.

Румянцева И.М. Психология речи и лингвопедагогическая психология. – М.: Издательство ПЕРСЭ; Логос, 2004.

Хрестоматия по истории русского языкознания /Под ред. Ф.П. Филина. М., 1973.

Докт. филос.н. Л.В.Шабанов, канд. психол. н. И.Л.Шелехов (Томск)
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОЛЯ
«МОЛОДЕЖНАЯ СУБКУЛЬТУРА»

Современная дискуссия относительно реформы образования расширялась скачкообразно и часто непоследовательно, меняя приоритеты и перспективные цели. Поэтому вполне логично выглядит концепция современного исследователя об идее развивающегося субъекта деятельности и социокультурных условий его развития (в противоположность познающему субъекту), не взирая на призывы перехода от дискуссий о содержании образования к проектированию развития субъекта (например, Э.В. Ильенков) – в частности это касается методологического обоснования исследования психолингвистических аспектов коммуникативного поля «Молодежная субкультура».

При таком подходе обосновывается возможность рассмотрения современных образовательных практик и институтов из единого социально-философского основания, построенного на понимании человеческого потенциала как интегральной антропологической характеристики. Значит, исследование психолингвистических аспектов может быть рассмотрено как специфичное по своим целям социальное взаимодействие, результатом которого является принятие контрсубъекта целей, задач и способов транслируемой деятельности, тем самым – «становление в качестве субъекта».

Действительно, опредмеченное слово фиксирует в себе историю развития целых систем, а следовательно, и ее субъектов. Однако, современный человек, являясь формально свободным, погружен одновременно в чрезвычайно сложную, динамичную систему: хаос социальных отношений и хаос внутренних переживаний, что и становится несоразмерным его собственной индивидуальной свободе. Отсюда его стремление изменять привычный текст, на текст понятный. Литературное (высокое) слово, на слово специфическое, сленговое (жаргон, арг), принятое в узко специфической референтной группе. При этом слово начинает регулировать социальные отношения «личность – группа».

Как следствие, образ человека упрощается до механистических социологических и психологических моделей либо до редуцированных схем, выстроенных в эзотерических духовных практиках. Правда, такая ситуация ставит под сомнение само существование антропологического пространства как особого поля реализации человеческой сущности и одновременно – самоидентификации от апофатической антропологии (М.К.Мамардашвили) к апофатической педагогике (А.А.Попова).

Правда, при этом остается открытым вопрос о закономерном способе появления таких практик, вытекающем не из локальных социокультурных задач, но из задач развития определенных социокультурных объектов – что является перспективной задачей будущих исследований в области открытого образования.

Литература

Гессен, С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / С.И. Гессен [Текст] – М., 1995. – 448 с.

Попов, А. А. Философия открытого образования: социально-антропологические обоснования и институционально-технологические возможности / А. А. Попов [Текст] – Монография. Томск: ТГПУ, 2008. – 280 с.

Фрадкин, Ф. А., Плохова, М. Г., Осовский, Е. Г. Лекции по истории отечественной педагогики / Е. Г. Осовский, М. Г. Плохова и др. [Текст] – М., 1995. – 160 с.

Шабанов, Л. В. Социально-психологические характеристики молодежных субкультур: социальный протест или вынужденная маргинальность? / Л. В. Шабанов [Текст] – Монография. – Томск: ТГУ, 2005. – 396 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ.....	3
----------------------------	----------

Проблемы языка и мышления

в генетическом и сопоставительном аспектах.....	4
--	----------

Канд. психол. наук Р.Р. Зинурова (Ульяновск)

ПРОБЛЕМА МЫШЛЕНИЯ И РЕЧИ

В ТРУДАХ Ж. ПИАЖЕ И Л. С. ВЫГОТСКОГО	4
---	----------

Канд. филол. наук В.Д. Нарожная (Чимкент, Казахстан)

ЛИЧНОСТЬ, КОСТЮМ И ЦВЕТ:

АСПЕКТЫ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ	7
--	----------

С.Е. Окунева (Елец)

ЗНАЧЕНИЕ ИГРЫ В РАЗВИТИИ РЕЧИ ДОШКОЛЬНИКОВ.....	9
--	----------

Канд. филол. н. Ф.Г. Самигулина (Ростов-на-Дону)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ.....	10
---	-----------

Докт. психол. наук Ю.Е. Серебрянский, соискатель И.Ю. Филатова (Елец)

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ МЫШЛЕНИЯ

В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ.....	12
-------------------------------------	-----------

Докт. филол. наук Т.Ю. Тамерьян (Владикавказ)

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

И ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ	13
--------------------------------------	-----------

Докт. филос. наук Н.А. Шергенг (Стерлитамак)

О СООТНОШЕНИИ МЫШЛЕНИЯ И БЫТИЯ.....	17
--	-----------

Канд. филол. наук Н.В. Шестёркина (Саранск)

ВРЕМЯ В МИФОПОЭТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ:

НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК	19
--	-----------

Студент А.А. Штеба (Волгоград)

ЭМОТИВНАЯ СЕМАНТИКА КОЛЕРНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

С КОМПОНЕНТОМ «СЕРДЦЕ» / «СОЕUR» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	20
--	-----------

Логико-структурные аспекты

проблемы язык и мышление.....	22
--------------------------------------	-----------

Канд. филол. наук Г.С. Бородкина (Воронеж)

О СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ И ЛЕКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

ВЕРБАЛЬНЫХ ЭКСПЛИКАТОРОВ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ	22
---	-----------

Докт. филос. наук А.А. Гагаев (Саранск), докт. пед. наук П.А. Гагаев (Пенза)

ЯЗЫК И СУЖДЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ОБЫДЕННОСТИ.....	23
--	-----------

Асп. А.Р. Давлетбердина (Уфа)

К ВОПРОСУ О СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИИ

УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ И МЕТАФОР.....	26
--	-----------

<i>Канд. филол. наук М.И.Кадеева (Чимкент, Казахстан)</i>	
О СООТНОШЕНИИ ФЕНОМЕНОВ «ЯЗЫК»	
И «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР».....	27
<i>Канд. филол. наук А.Ф.Калинин (Урютинск)</i>	
«ДВУСОСТАВНОСТЬ – ОДНОСОСТАВНОСТЬ» ПРЕДЛОЖЕНИЙ	
ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ ИМЕННОГО ТИПА	
В СИСТЕМЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА	
(ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ)	29
<i>Асп. О.В.Колочкова (С.-Петербург)</i>	
ИМЯ И ГЛАГОЛ КАК КАТЕГОРИИ МЫШЛЕНИЯ И УЧАСТНИКИ	
КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ.....	32
<i>Докт. филол. наук А.В.Королькова (Смоленск)</i>	
АФОРИЗМ – ОБЛАСТЬ ЗНАНИЯ?	33
<i>Аспирант Е.В. Куликова (Ульяновск)</i>	
ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СПОСОБОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ (К	
ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА).	35
<i>Канд. филол. наук М.А.Лапыгин (Елец)</i>	
К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ <i>ВТОРИЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ</i>	40
<i>Соискательница Н.Г.Мирошниченко (Самара)</i>	
КОНЦЕПТ «ИГРА»: К ПРОБЛЕМЕ ПОИСКА	
СЕМАНТИЧЕСКОГО ИНВАРИАНТА	41
<i>Асп. Н.В. Мыльникова (Самара)</i>	
МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА	
(НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «РУКА»).....	43
<i>Асп. Н.В. Мыльникова (Самара)</i>	
МЕТОНИМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ В СФЕРЕ КОНЦЕПТА «РУКА».....	44
<i>Докт. филол. н., докт. психол. н. И.М. Румянцева (Москва)</i>	
К ПОНЯТИЮ «ИНТЕГРАТИВНАЯ ТЕОРИЯ РЕЧИ»	46
<i>Канд. филол. наук О.А.Селеменова (Елец)</i>	
РЕЧЕВЫЕ МОДИФИКАЦИИ СТРУКТУРНОЙ СХЕМЫ «ГДЕ ЕСТЬ	
КАКОВО» В ТРИЛОГИИ А.ЧЕРКАСОВА И П.МОСКВИТИНОЙ.....	48
<i>Асп. О.А.Симонова (Москва)</i>	
К ВОПРОСУ О СЛОГОВЫХ ИНТОНАЦИЯХ В ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ.....	50

Динамические аспекты проблемы языка и мышления..... 52

<i>Канд. психол. наук С.В.Забегалина (Ульяновск)</i>	
РАЗВИТИЕ ИНТУИТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ.....	52
<i>Докт. психол. наук Н.В. Калинина (Ульяновск)</i>	
ОСОБЕННОСТИ ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОЙ	
КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫМИ ПОДРОСТКАМИ.....	53
<i>Канд. филол. наук Г.А.Калмыкова (Ульяновск)</i>	
КОГНИТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОЦЕССА	
ПРОГНОЗИРОВАНИЯ КОНДИЦИОНАЛА.....	55

<i>Докт. филол. наук А.Э.Левецкий (Украина, Киев)</i>	
ПОВТОРНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ВОСПРИЯТИЯ НЕЧЕТКИХ СУЩНОСТЕЙ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	56
<i>Докт. филол. наук А.В.Пузырёв, докт. мед. наук Л.М.Киселёва (Ульяновск)</i>	
О СТЕПЕНИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВЫГОД ЗАБОЛЕВАНИЙ И ОСОЗНАВАНИЯ ЭТИХ ВЫГОД У ГУМАНИТАРИЕВ И БУДУЩИХ ВРАЧЕЙ	58

Функциональные аспекты исследования

языка и мышления	66
-------------------------------	----

<i>Канд. филол. наук А.А.Белоногова (Ульяновск)</i>	
К ПРОБЛЕМЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ И АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА	66
<i>Канд. психол. наук Т.П.Будякова (Елец)</i>	
ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК ЖЕРТВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	67
<i>Канд. филол. наук В.П.Васильев (Кемерово)</i>	
КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЕГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ	68
<i>Докт. филол. наук Е.И.Голованова (Челябинск)</i>	
МОДЕЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ УЧЕНОГО	70
<i>Канд. филос. наук, докторант В.Н.Гребеньков (Москва)</i>	
ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В ВОЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ОБЩЕСТВА	72
<i>Аспирантка Н.А. Гуливец (Севастополь, Украина)</i>	
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СИТУАЦИИ ДОСУГА СРЕДСТВАМИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	74
<i>Канд. филол. наук С.О.Гуляйкина (Пенза)</i>	
СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В РЕЧЕВЫХ МАНИПУЛЯЦИЯХ (На материале английских и русских народных сказок)	76
<i>Канд. пед. наук О.В.Дронова, А.И.Жолнерик (Пенза)</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ МЕНЕДЖЕРА К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ	80
<i>Студент А.В.Живаев (Ульяновск)</i>	
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТОВ «ПРАВДА» И «ИСТИНА» В НАУЧНОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТАХ	84
<i>Канд. филол. наук М. А. Лапыгин (Елец)</i>	
АВТОЛОГИЯ И МЕТАЛОГИЯ В «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н.М.КАРАМЗИНА	86
<i>Асп. М.В.Маравина (Ульяновск)</i>	
ВИДЫ АКТУАЛИЗАЦИИ И МАНИПУЛЯЦИИ В ДИСКУРСЕ	88
<i>Канд. филол. наук Т.Б.Новикова (Волгоград)</i>	
ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ЗАПОЛНЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ЛАКУНЫ	89

<i>Канд. филол. наук Е.Г. Панасенко (Ростов-на-Дону)</i>	
РОЛЬ ЭТНОНИМОВ В РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ	90
<i>Студент Е.А.Прокофьев (Саратов)</i>	
МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОМО-ТЕКСТА.....	92
<i>Докт.филол.наук А.В.Пузырёв (Ульяновск)</i>	
О МЕТОДИКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК МАССОВЫХ ПЕСЕН	94
<i>Канд. филол. наук С.В.Рябушкина (Ульяновск)</i>	
ЧИСЛО В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ.....	99
<i>Докт. филол. наук Л.Б.Савенкова (Ростов-на-Дону)</i>	
КОНЦЕПТ «ВЕРА» В ТВОРЧЕСТВЕ А.П. ЧЕХОВА	101
Эстетические аспекты взаимодействия языка и мышления	103
<i>Канд. филол. наук Л.И.Андреева (Балашов)</i>	
РЕПЛИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ – ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ	103
<i>Канд. филол. наук В.М. Беренкова (Майкоп)</i>	
ЖЕНСКИЙ ИМЕННИК В ТРИЛОГИИ ДЖ.Р.Р. ТОЛКИЕНА «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ»	104
<i>Докт. филол. наук Г.В.Векишин, Н.В.Никашина (Москва)</i>	
К ФОНОСТИЛИСТИКЕ МОТИВА У ЧЕХОВА (МУЗЫКА И ДРОЖЬ В РАССКАЗЕ «ДВА СКАНДАЛА»)	106
<i>Асп. Н.В.Вольская (Ульяновск)</i>	
К ТИПОЛОГИИ ЗАГЛАВИЙ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ.....	115
<i>Аспирант А.Г.Дьякова (Москва)</i>	
РИТМИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФОРМУЛЬНОСТЬ В КНИЖНОМ ЗАГОЛОВКЕ	116
<i>Канд. филол. наук И.А.Пуник (Ульяновск)</i>	
РОЛЬ ПАУЗЫ В СОЗДАНИИ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ ЗВУЧАЩЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	117
<i>Аспирант К.Е.Розова (Москва)</i>	
К АССОЦИАТИВНОЙ СЕМАНТИКЕ ПОЛЯ В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДАХ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»	119
<i>Канд.филол.наук С.Ш.Рыткина (Ульяновск)</i>	
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ.....	121
<i>Докт.филол.наук И.В.Труфанова (Москва)</i>	
КАЛАМБУР, ИЛИ АНАГРАММА, ИЛИ ОКСЮМОРОН?	121
<i>Канд.филол.наук О.А.Усачёва (Самара)</i>	
ОБ АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТИ РАЗМЕРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	133
<i>Асп. И.В.Шумкина (Самара)</i>	
ФУНКЦИИ ЦИТАТ В ТЕКСТАХ МАСС-МЕДИА (На материале цитат из песен А. Галича)	135

Педагогические аспекты исследований взаимосвязи языка и мышления

<i>Асп. Э.Н. Гилазиева, канд. пед. наук О.А. Мирончева (Ульяновск)</i> ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ	137
<i>Канд. пед. наук О.В. Дронова, А.И. Жолнерик (Пенза)</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РОЛЕВЫХ ИГР В ОБУЧЕНИИ ДЕЛОВОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ	138
<i>Соискательница Е.А.Листопад (Москва)</i> О ВОПРОСЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ПУТЕМ РАЗВИТИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ СЛУШАТЕЛЕЙ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ВУЗОВ (Английский язык. На материале домашнего чтения)	143
<i>Докт. филос.н. Л.В.Шабанов, канд. психол. н. И.Л.Шелехов (Томск)</i> ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОЛЯ «МОЛОДЕЖНАЯ СУБКУЛЬТУРА»	145
Оглавление	147

Научное издание

**Язык и мышление:
Психологический и лингвистический аспекты**
Материалы IX-й Международной научной конференции
(Ульяновск, 13-16 мая 2009 года)

Ответственный редактор *А.В. Пузырев*
e-mail: puzyrev-a-v@yandex.ru

Электронный набор *А.В. Владимиров*
Компьютерная верстка *А.В. Владимиров*

Подписано в печать 28.04.09.
Формат 60x84/16.
Уч.-изд. л. 10,5. Усл. печ. л. 8,8.
Тираж 150 экз. Заказ 39 /

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Мастер-студия »
Адрес: 432071, Россия, г. Ульяновск, ул. Марата, 8.
Тел. (8422) 44-56-08, 44-56-09, 44-55-33. Факс: (8422) 44-55-30.